ГОРНО-АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

МИР ЕВРАЗИИ

Научный журнал. Издается с мая 2008 г. Выходит один раз в три месяца

2017. № 1(36) Январь-март

ISSN 2308-0396

Главный редактор
Н. С. МОДОРОВ — доктор исторических наук, профессор, академик РАГН, ПАНИ (г. Горно-Алтайск)
Первый зам. главного редактора
В. Г. БАБИН — кандидат исторических наук, ректор ГАГУ (г. Горно-Алтайск)

УЧРЕДИТЕЛЬ ЖУРНАЛА
ФГБОУ «Горно-Алтайский государственный университет»

НАУЧНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
Ю. В. ТАБАКАЕВ (председатель совета) — доктор философских наук, профессор, академик РАЕН (г. Горно-Алтайск)
А. Н. АЛЕКСЕЕНКО — доктор исторических наук, профессор (г. Усть-Каменогорск, Республика Казахстан)
В. Г. ДАЦЫШЕН — доктор исторических наук профессор (г. Красноярск)
Н. Ф. ИВАНЦОВА — доктор исторических наук, профессор (г. Москва)
А. Б. КАМЕНСКИЙ — доктор исторических наук, профессор (г. Москва)
О. ЛХАГВА — доктор исторических наук, профессор (г. УланБатор, Респ. Монголия)
А. И. МАРТЫНОВ — доктор исторических наук, профессор, академик РАЕН (г. Кемерово)
В. Я. РУШАНИН — доктор исторических наук, профессор (г. Челябинск)
Л. И. ШЕРСТОВА — доктор исторических наук, профессор (г. Томск)
М. В. ШИЛОВСКИЙ — доктор исторических наук, профессор (г. Новосибирск)

НАУЧНАЯ РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
Э. П. ДВОРНИКОВ (зам. главного редактора) — кандидат исторических наук, доцент (г. Горно-Алтайск)
А. П. АДЛЫКОВА — кандидат исторических наук (г. Горно-Алтайск)
О. М. ГАНБОЛД — профессор (г. Ховд, Монголия)
В. Я. БУТАНАЕВ — доктор исторических наук, профессор (г. Абакан)
М. И. ПАКЛИН — кандидат исторических наук, доцент (г. Горно-Алтайск)

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:
649000, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, ул. Ленкина, 1, Университет, редколлегия журнала «Мир Евразии»
Тел.: 8 (38822) 26233
Факс: 8 (38822) 26735
email: mns@gasu.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС7736173 от 06.05.2009. «16+»

Электронная версия журнала представлена на сайте Научной электронной библиотеки (индекс научного цитирования):
http://www.elibrary.ru

© ФГБОУ «Горно-Алтайский государственный университет», 2008-2017

Содержание

Муса кызы Алина
Центральная Азия во внешней политике великих держав 2

Ахметова Г. М.
Исторический опыт и перспективы развития внешнеторговой деятельности Казахстана 9

Бутанаев В. Я.
Вклад профессора Ху Чжэнхуа в изучение Фуюйских кыргызов Китая 15

Жанбосинова А. С.
Религия и общество: поиски компромисса 20

Зориктуев Б. Р.
О монгольском суперэтносе в XIII в.

Иванцова Н. Ф.
Общество и власть в России в годы первой мировой войны 1914 — начале 1917 33

Кайгородов Е. В., Яремчук О. В.
Последняя экспедиция Александра Кошурникова 38

Летов А. В.
К вопросу о развитии и функционировании системы детских учреждений в Горно-Алтайской автономной области в послевоенный период (1946-1955 гг.) 45

Ложкина Н. Н.
Проблемы и перспективы социального развития Горно-Алтайской автономной области в 1965 — 1985 гг. 50

Мезенцев Р.В.
Русская православная церковь и власть в 1917-1940 гг. (по материалам центральных и региональных архивов 53

Ростов Н. Д., Ширшов М. А.
Влияние революционных событий в Сибири 1905-1906 гг. на организацию и проведение эвакуации частей и соединений русской армии из Маньчжурии 57

Яровикова В. А.
Деятельность студенческих отрядов Алтайского края по внедрению прогрессивных форм и методов организации труда (1970 — 1980 гг.) 67

Информация 70

Представленные в журнал статьи публикуются после рецензирования и при оформлении их в соответствии с требованиями редакции.

При перепечатке или цитировании материалов из журнала «Мир Евразии» ссылка обязательна.
В статьях сохранен авторский стиль.
Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы материалов.

Дата подписания в печать — 29.03.2017. Дата фактического выхода —
Цена свободная. Формат 60x84/8. Тираж 300 экз. Заказ №
Отпечатано в типографии Горно-Алтайского университета.
649000, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, ул. Ленкина, 1.

УДК 902

Муса кызы Алина

Центральная Азия во внешней политике великих держав

Международный Университет Кыргызстана

Аннотация. В статье рассматривается вопросы политики великих держав в отношении Центральной Азии, со дня приобретения независимости стран Центральной Азии так и отношения в современный период. Рост внимания великих держав к Центральной Азии в начале XXI века знак возвращение региона в фокус большой международной политики. Второй раз за последние 100 лет и впервые после русско-британских разграничений конца XIX века в этой части мира стала заметна повышенная концентрация разнонаправленных устремлений внешних игроков — прежде всего США и Евросоюза. Соприкасаясь с традиционными интересами России и Китая, эти устремления формируют конкурентную региональную среду, в которой элементы сотрудничества и взаимной поддержки сталкиваются с соперничеством, недопониманием и взаимными опасениями.

Ключевые слова: политика, великие державы, великий шелковый путь, геополитика, геостратегия, геополитика, независимость, Центральная Азия

Центральная Азия [1], включающая в себя не только постсоветские азиатские республики — Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Казахстан, но и Монголию, СУАР (КНР) и Афганистан, стала на рубеже XX и XXI столетий вновь значимой для мирового сообщества.

Вплоть до Великих географических открытий Центральная Азия была ключевой осью евразийского континента, соединявшей, благодаря Великому Шелковому пути страны Дальнего Востока с Европой, Средним и Ближним Востоком и с Южной Азией. Именно контроль над сухопутными транспортными коммуникациями и мобильность кочевников Центральной Азии позволяли создавать в древности и средневековье великие империи и во многом определять ход истории в Евразии.

Взаимное проникновение в Центральную Азию Британской и Российской колониальных империй в XIX в. и столкновение здесь их интересов современники справедливо назвали «Great Game» («Большой игрой»). Каждая из вышеназванных сторон понимала, что «обладание этим регионом» делало любую из них «супердержавой», которая, могла, в конечном счете, противостоять остальному миру. В итоге, Британия и Россия пришли к компромиссу, а некогда единый географический, исторический и культурный регион был поделен между ними на сферы влияния, что привело его к утрате им — почти на столетие — своего геополитического значения.

Рост внимания великих держав к Центральной Азии в начале XXI века, стал, на наш взгляд, знаком, свидетельствующим, о возвращении ин-

[1] Центральная Азия является большим географическим и политическим регионом, расположенным в центре Азии и не имеющем выхода к мировому океану. На сегодня точного определения границ Центральной Азии не существует. Политически в Центральную Азию включают следующие страны: Казахстан, Туркменистан, Узбекистан, Киргизстан и Таджикистан (во времена СССР этот регион назывался Средняя Азия). Кроме того, по версии организации ЮНЕСКО, к странам Центральной Азии, кроме вышеуказанных, причисляют еще Афганистан и Монголию, а так же ряд отдельных территорий России, Китая, Индии, Пакистана и Ирана. Географическое и политическое определение Центральной Азии часто не сходятся друг с другом границами. К примеру, ряд западных районов Казахстана вообще географически входят в состав Европы, однако Казахстан в геополитическом плане безусловно является центрально-азиатской страной. Впервые термин Центральной Азии использовал в 1843 году известный русский географ Александр Гумбольдт. Этот термин, как правило, ассоциируется с кочевыми тюркскими народами, населявшими этот регион, а так же с Великим шелковым путем, который шел из Китая в Европу через территории этого региона.

тересующего нас региона в лоно большой международной политики. Иначе говоря, второй раз за последние 100 лет, и впервые после русско-британских разграничений, имевших место в конце XIX века, в этой части мира вновь стала заметна повышенная концентрация разнонаправленных устремлений «внешних игроков», (и прежде всего, США и Евросоюза). Соприкоснувшись с традиционными интересами России и Китая, эти устремления сформировали, что вполне естественно, конкурентную в регионе среду, в которой элементы сотрудничества и взаимной поддержки сополагаются с соперничеством, недопониманием и взаимными опасениями.

После распада СССР, этот ранее закрытый для внешнего влияния регион, снова стал ареной, где вновь «столкнулись интересы великих держав». Иначе говоря, Центральная Азия вновь привлекла сегодня интересы всего международного сообщества не только своими богатыми сырьевыми запасами, но и своим ключевым положением на евразийском континенте, что, по мнению «разных политических игроков», дает огромные возможности для приведения в действие новых трансконтинентальных транспортных коридоров по маршрутам: запад — восток, север — юг и, благодаря этому, сформировать здесь, в XXI веке новую геополитическую реальность.

Словом, геополитика и геостратегия Центральной Азии, особенно с учетом, наличия в ней солидных запасов нефти и газа, удобных транзитных и коммуникационных путей, Каспийское море (с его стратегическими и гео-экономическими возможностями), контроль за добычей имеющихся в регионе полезных ископаемых и контролирование проходящих через него энергопромышленных и энергетических трасс, а также возможность влиять на внутренние кризисы, а также наличие общих культурных, исторических и экономических интересов между центрально-азиатскими и соседствующими с регионом странами, были и по сей день продолжают оставаться определяющим фактором в деле усиления конкуренции региональных и трансрегиональных сил, претендующих на ключевую роль в Центральной Азии после распада СССР. В этом, на наш взгляд, и заключается важное геополитическое значение вышеозначенного региона в современном мире.

В связи с вышесказанным, считаем необходимым подчеркнуть, что ввиду нахождения до 1991 года вышеуказанных стран в составе СССР, большая часть существующих ныне геополитических теорий рассматривали Центральную Азию (исходя из Хартландской теории)[2] регионом со своими особенностями культуры, цивилизации, ее географическим и стратегическим положением.

Центральная же Азия, общая площадь которой составляют 3 994 400 кв. км, занимает, как известно, около 10% территории азиатского континента и являет собой важный геостратегический регион мира.

С точки зрения географического расположения, она граничит на западе с Европой, на востоке — с азиатскими странами, на севере — с Российской Федерацией, а на юге- с рядом стран мусульманского мира.

Иначе говоря, центрально-азиатские государства, расположенные исключительно на суше, имеют возможность выйти к мировому океану только через транзитные пути. По объему топливно-энергетических ресурсов (нефти и газа), интересующий нас регион занимает второе место в мире, по запасам редких ископаемых, таких как золото, медь, уран и тяжелые металлы. В целом, характерной особенностью Центральной Азии является ее расположение на стыке восточной и западной культур, а также, развитие в нем тюркско-исламской культуры, чему очень способствовал, как уже упоминалось выше, Великий шелковый путь.

Центральная Азия была и остается уникальной точкой в мире, где соприкасаются четыре ядерные державы — Россия, Китай, Индия и Пакистан. Обладая потребительским рынком — численностью более 50 млн. чел. и будучи населенным различными этническими группами, ведущими нескончаемые территориальные споры,

[2] Хартленд (англ. *Heartland* – «сердцевина», срединная земля; от *heart* – сердце + *land* – земля) — массивная северо-восточная часть Евразии, окаймляемая с юга и востока горными системами, однако её границы определяются по-разному различными исследователями. Представляет собой основное понятие геополитической концепции, озвученной 25 января 1904 г. британским географом и профессором Оксфордского университета Хэлфордом Дж. Маккиндером в докладе Королевскому географическому обществу и позже опубликованной в знаменитой статье «*Географическая ось истории*». Данная концепция стала отправной точкой для развития классической западной геополитики и геостратегии. Однако сам термин «Хартленд» стал использоваться в концепции начиная с книги «*Демократические идеалы и реальность*» (1919), заменив «ось истории». В работе же 1904 г. лишь мимоходом, через дефис, упоминается «*the heart-land of the Euro-Asia*».

данный регион оказывается и уязвимым, и подверженным нестабильности.

После обретения странами Центральной Азии своей независимости, они столкнулись с «двумя типами геополитических изменений» — с внутренним и региональным. Унаследованные от советского периода политические, этнические, территориальные и прочие проблемы способствовали, в новой ситуации, возникновению в странах данного региона серьезных геополитических проблем. Порукой тому — целый ряд кризисов, возникших на географической или этнической почве, а порой и от взаимодействия обоих этих факторов в постсоветское время.

Образование нового геополитического пространства в Центральной Азии следует рассматривать скорее как результат ключевых изменений, вытекавших после окончания периода холодной войны. Данные изменения, характеризуемые влиянием целого ряда событий, в свою очередь, послужили причиной возникновения вакуума власти в регионе, ввиду сложившихся условий в России с одной стороны, и оказания Центральной Азии в роли объекта борьбы за доминирующую позицию между конкурирующими и преследующими свои цели и интересы, региональными и трансрегиональными силами, с другой.

Предположительно, наиболее важной геополитической особенностью Центральной Азии в постсоветский период, в частности — после событий 11 сентября 2001 года, является превращение ее в арену борьбы за власть в региональном и трансрегиональном масштабах. Так, кроме пяти центральноазиатских стран — республик Узбекистан, Таджикистан, Кыргызстан, Казахстан и Туркменистан, в борьбу за удовлетворение своих интересов в данном регионе вступили еще пять «региональных стран»- Россия, Иран, Турция, Индия и Пакистан и три «трансрегиональных» — США, ЕС и КНР.

США, выступая в роли мирового гегемона, преследуют определенные цели в Центральной Азии, в числе которых, прежде всего, следует отнести доступ к контролю за ее энергетическими ресурсами, предотвращение обеспечения интересов и влияния Ирана, а также за предотвращение реанимируемого Россией влияния на регион. Следует также отметить особый интерес блока НАТО, связанный с осуществлением им операции «Международные силы помощи безопасности» Центральной Азии, т.е., к району непосредственно граничащему с Афганистаном.

Другим, не менее важным фактором, влияющим на интересы России в Центральной Азии, является вопрос об уязвимости территориальной целостности России в случае достижения господства любой иностранной силы в рассматриваемом регионе. Полагаем, что Москва, может в лучшем случае, подготовить расположенные на границе силы, «для предотвращения любого удара, планируемого возможным противником в данном районе.

Так, помимо внутренней специфики и географических особенностей стран Центральной Азии, главной причиной внимания к ней как к одному из важнейших политических регионов мира, на современном этапе послужила конкуренция региональных и трансрегиональных держав в Центральной Азии. Этим и объясняется особое внимание, уделяемое этому центральноазиатскому региону в современных геополитических теориях.

Согласно Хэлфорду Макиндеру, разработавшему в 1904 году теорию «Хартлэнда» (Heartland), центральный район евразийского континента, не используемый для судоходных целей, представляет собой весьма важную крепость на суше. Потому-то республики Центральной Азии, получившие независимость после распада СССР, к моменту формирования Макиндером своей «идеи, являли собой еще союзные республики Советского Союза. Трактуя стратегическое значение означенного выше региона, сторонники и последователи Макиндера были твердо убеждены в том, что доступ к интересующему их району может обеспечить «владельцу» («распорядителям») контроль над этой мировой сушей в целом. Именно в силу этого, и считал запад (вполне справедливо) СССР — «кандидатом в мировые державы».

Но, наряду с этим «мнением», бытовала и другая теория, более известная «как теория границ» или Римланд» (Rimland), разработанная после второй мировой войны Николасом Спикманом, делавшая главный акцент на «военно-морские силы», подчеркивая тем самым, геополитическую важность Центрально-азиатского региона, с учетом возможности «какого-либо гегемона решать стратегические задачи, путем уникальной возможности: объединив свои морские и сухопутные силы в единое целое».

Бытовала в те годы и «теория Сикорского». Согласно ей, «в случае развертывания полномасштабной мировой войны», ее судьба может быть определена исключительно «регионом принятия решений», каковым, являлась в то время, по мнению данного теоретика, Центральная Азия.

Говоря о бытовавших в то время планах относительно последней, нельзя не сказать и о «те-

ории, разработанной Самуэлем Хантингтоном. Согласно ей, «столкновение цивилизаций и восстановление мирового порядка и цивилизации, культурная самобытность, выражая достижения человечества — должна стать «высшим уровнем ее классификации». Конфронтация же цивилизаций, происходящая «на уровне линий разрыва», будет способствовать формированию как ее доминирующей позиции в мировой политике, так и последней стадии развития конфликтов нового тысячелетия. Словом, северные, северо-западные и восточные границы Центрально-азиатского региона выступают в теории Хантингтона в качестве «одной из линий разрыва цивилизаций», представляя ортодоксальные христианские группы цивилизаций на северо-западе, буддийские — на востоке и конфуцианские — на юго-востоке. Так, с точки зрения взаимосвязи с другими цивилизациями в периферийных районах исламского мира, Центральная Азия была и остается «уникальным и единственным в своем роде регионом».

После распада СССР, обрела право на жизнь «стратегическая позиция эллипса Джеффри Кэмпа», нашедшая немало откликов в мировой политической литературе, «мотивировавшая и актуализировавшая ряд геоэкономических (нефтегазовых) проблем». Так, по мнению Кэмпа, около 70% из подтвержденных запасов нефти, а также более 40% из ресурсов природного газа мирового масштаба, находятся в регионе, имеющем форму эллипса, растянувшегося от южной части России и Казахстана до Саудовской Аравии и Объединенных Арабских Эмиратов.

Фактически, энергетическая стратегия «эллипса», включая солидные нефтегазовые ресурсы Персидского залива, в частности — крупнейшее в мире месторождение природного газа (Южный Парс и Северный Гунбад), составляющее 19% от общего объема мировых запасов газа, распространяется до Каспийского моря, которое после регионов Персидского залива и Сибири, считается одним из важнейших месторождений энергетических ресурсов в мире. Далее вышеназванный «эллипс» вобрал в себя западные границы Центральной Азии, а также территорию трех государств региона — Туркменистана, Узбекистана и Казахстана.

Роль и значение вышеназванной теории состоит еще и в том, что исходя из геоэкономических интересов государств, энергетические ресурсы, имеющиеся в недрах центральной части Евразии представляют собой ценные источники сырья как для восточных, так и для западных стран. Наряду с этим, наличие данных ресурсов должно способствовать расширению импорта энергии, спрос на к которые за последний период не только не уменьшился, а более того — возрос, с учетом накопления капитала и роста потребления, что повлекло закономерный рост поставок.

Согласно общеизвестным данным, общий объем запасов нефти в странах Центральной Азии составляет 15-31 млрд. баррелей, а общий объем запасов природного газа — 230-360 триллионов кубометров, что составляет около 7,2% мировых ресурсов нефти и 7% мировых ресурсов газа. С другой стороны, с учетом динамичного роста мировой экономики, возрастает и потребность в углеводородных энергетических источниках. Согласно мировой статистике, норма расхода природного газа, достигшая в 2003 году 95 миллиардов кубометров, возрастет до к 2030 году до 182 миллиардов кубометров. Ввиду укрепления тенденции экономического роста, наблюдаемого в развивающихся странах и их потребности в энергоресурсах, регион Центральной Азии и его энергетический потенциал следует оценивать как одну из ключевых точек опоры в решении энергетического вопроса.

Вмешательство Запада в процессы, происходящие на Кавказе и в Центральной Азии, послужило причиной для серьезных изменений, произошедших в стратегии данных регионов с вытекающими из них прямыми последствиями для России. При этом, последняя, расстроенная потерей того, что всегда считалось «ее просторами, недосягаемыми для других, ныне она оказалась «в поисках оптимального политического варианта, способного предотвратить процесс ее «изоляции» от решения проблем в данном регионе.

Касаясь вопроса присутствия России на стратегической арене Центральной Азии и Кавказа, следует отметить, что российская внешняя политика в Центральной Азии является, в силу этого, вполне понятной в рамках усилий данной страны, прилагаемых для поддержания региональной стабильности и предотвращения иностранного влияния на молодые государства этого региона. Отношения России с Ираном, Турцией и Китаем в период после распада СССР приняли сегодня обычный характер. Исчезла былая идеологическая классификация, определявшая характер отношений между данными странами. Факт о том, что ныне Россию больше не разделяют общие границы с Ираном и Турцией, а ее границы с Китаем заметно сократились, что, без всякого преувеличения способствовало нормализации государственных отношений. С другой стороны, в 90-х годах прошлого столетия все эти вышеназ-

ванные страны, выступили после распада СССР уже в новом качестве — в качестве государств, конкурирующих с Россией за получение доступа к доминирующему влиянию в Центральной Азии.

Значение же последней в политической, экономической и военной сферах послужило основой тому, что Россия, продолжая рассматривать ее в качестве зоны своего влияния и считая регион ближним зарубежьем, все делает для того, чтобы предотвратить оказываемое на регион и молодые государства влияние конкурирующих держав. Сохранение же данного региона в качестве зоны своего влияния может позволить России, во-первых, обеспечить свою безопасность, во-вторых, реализовать свои политические и экономические интересы и в-третьих, с освоением энергетических ресурсов и сохранением монополии на них, в случае необходимости использовать данные средства в качестве отдельного рычага борьбы с западными державами. Таким образом, Россия, выступая в роли крупного мирового поставщика энергии, с одной стороны, и главного покупателя энергопродуктов в регионе с другой, прилагает все усилия для сохранения своих позиций и осуществления контроля над влиянием других стран.

Если говорить о других игроках» в данном регионе, в частности Иране, то Центральная Азия занимает особое место в его внешней политике, что объясняется исторической, культурной и религиозной общностью, существующей между Ираном и Центральной Азией. Наличие в регионе огромных запасов нефти и газа, значительная численность населения, а также возможность обеспечить рынок для иранских товаров и главное — расположение центрально-азиатского региона на суше, позволяет странам региона использовать свою территорию и пространство в качестве наиболее выгодного и оптимального маршрута открытия перед Ираном новых потенциальных возможностей для углубления и расширения его взаимоотношений с данным регионом и тамошними государствами.

Отношение Китая к Центральной Азии носит в основном, характер защиты безопасности в регионе. Однако, главный интерес КНР заключается сегодня в том, чтобы получить ей доступ к региональным энергетическим ресурсам. В целом же, по сравнению с Россией, являющейся крупнейшим региональным претендентом, а также по сравнению с такими трансрегиональными претендентами, как США и ЕС, Китай обладает целым рядом преимуществ в регионе. К примеру, государства Центральной Азии рассматривают соседство с Китаем как мощный потенциал для экспорта туда своей продукции, тогда, как с другой стороны, Пекин никогда не оказывался в слабом финансовом положении. Вместе с тем, Пекин всегда относился к внутренней политики стран Центральной Азии с исключительной лояльностью, что, несомненно, не может не способствовать улучшению ирано-китайских отношений, чего нельзя утверждать применительно к западно-европейским странам.

Китай, с учетом роста своей экономической мощи, достиг стабильной позиции, которая «влияет» на экономические структуры, имеющиеся в регионе. Наличие огромных запасов нефти и газа в районе Каспия, что в будущем может способствовать заметному сокращению зависимости страны от китайской нефти и от энергоресурсов Ближнего Востока с одной стороны, и выступление региона в качестве огромного, почти нетронутого до сих пор масштабного рынка, потребляющего китайские товары, а также, заинтересованность государств региона в инвестициях китайских компаний, необходимых для развития отраслей производства — с другой, открывает перед Пекином широкий спектр возможностей, диктуя его интересы, заключающиеся в его присутствии в Центральной Азии, которая занимает особое место в современной китайской внешней политике.

Видное место среди «центрально-азиатских игроков» принадлежит сегодня и Турции, которая по сей день являет собой одну из конкурирующих сил, в Центральной Азии. Сегодня, благодаря своей твердой позиции в сфере культуры, она успешно, по общему признанию политиков, удерживает за собой за собой достаточно твердую позицию в регионе. Поддерживают ее имидж здесь не только успехи на «культурном фронте», но и достижения в экономическом развитии страны, а главное, «оптимальный и логический подход страны к решению геополитических проблем, определяющих ныне внешнюю политику Турции. Все это вместе взятое, способствует тому, что сегодня она «прочно идет» в рядах центрально-азиатской элиты, определяющей внешнеполитический климат в центрально-азиатском регионе». Словом, умело опираясь на «исключительную поддержку своих интересов, ключевым моментом которых является позиция страны, ее подход к решению целого ряда внутриполитических и международных проблем, региональными партнерами (и не только (ими), Турция умело пользуется своим «доминирующим влиянием на регион». Иначе говоря, умело владея геополитикой, данное государство, благодаря умелому пользованию своей геополитикой, сумело весьма успешно «явить свою территорию

вратами в кавказский и центрально-азиатский регионы» как для стран самого региона, так и для западных держав.

Если говорить о Европейском Союзе, то он сегодня выступает в Центральной Азии, как одна из главных трансрегиональных сил, которая благодаря своей экономической базе, успешно и динамично присутствует данном регионе. Позиция же Европы по отношению к Центральной Азии, исходит сегодня, главным образом, из своих коммерческих интересов. Поэтому, она особо не стремится к завоеванию в регионе геополитической позиции. Европа акцентирует главное свое внимание в основном на развитии демократических институтов и укреплении стабильности в регионе, стремясь в конечном итоге, воспользоваться возможностью получить доступ к новым источникам энергоресурсов, сократив, таким образом, свою энергетическую зависимость от стран Ближнего Востока и России. На нынешнем же этапе, крупные европейские инвестиционные компании, поглощая экономический рынок региона, лишают тем самым, более слабые страны «имеющихся возможностей вложить свои капиталовложения в общее дело». Европейская инициатива по созданию коридора сообщения Трассека позволяет открыть перед регионом пути связи с Европой, с одной стороны, обеспечивая, таким образом, путь к региону для Европы, а с другой, влияя тем самым и поддерживая геополитические и геоэкономические интересы Европы. К числу самых важных и успешных из них следует, конечно же, отнести способствование программ ЕС по сокращению уровня зависимости Центральной Азии и Кавказа от стран, располагающих транзитными здесь позициями, в частности — Ирана и Китая. С другой стороны, ЕС активно ищет пути, чтобы нарушить российскую монополию на энергетические ресурсы в Центральной Азии. Центрально-азиатские нефть и газ поступают в страны Европейского Союза транзитным путем, лежащим через территорию Российской Федерации. Этим и объясняется обеспокоенность ЕС, вызванная чрезмерной энергетической зависимостью Европы от России.

США, являя собой главную трансрегиональную силу в Центральной Азии, постоянно ищет пути для реализации своих экономических и геостратегических целей, стремясь, таким образом, закрепить (путем постоянной корректировки своей центрально-азиатской стратегии) свой контроль за развитием здесь региональных процессов. Благодаря постоянной «активизации своей региональной политики, США (что вполне допустимо) могут стать самым активным участником в борьбе государств за доступ к энергетическим ресурсам Центральной Азии, Потому-то Вашингтон и прилагает огромные усилия, для этого, чтобы завоевать доминирующее положение в деле контроля энергоресурсов Персидского залива и Каспийского моря. Кстати, доступ к нефтяным ресурсам района Каспия было и остается наиболее важным критерием в стратегии национальной безопасности США, которая определяет жизненно важные интересы державы, что и способствует разработке ею своей многосторонней стратегии в сферах политики, экономики и безопасности своего присутствия в регионе.

В вышеуказанной стратегии США есть место (в рамках реализации программы «Партнерство во имя мира»), и расширению НАТО на Восток. Это стремление США выступает в качестве фактора, дополняющего Евразийское кольцо, обеспечивающего вместе с этим и доминирующую роль США как гаранта безопасности в регионе. В то же время, данная стратегия позволяет США (наряду с осуществлением контроля над Россией), обеспечить и «ингибирование Ирана», что практически, способствует им осуществлять в регионе свою «ключевую политику: «в зоне без Ирана».

Между тем, важнейшим моментом в действиях США по прежнему оставалось «планирование расширения своего присутствия и в политической, и экономической сферах, а также в области безопасности в регионе. Этим самым Вашингтон обеспечивал себе почву для постепенного достижения главной доминирующей позиции в регионе. Задуманное он план реализовать путем создания и укрепления там региональных баз и их сотрудничеству с такими западными институтами, как НАТО, Европейская Организация по Безопасности и Сотрудничеству, Всемирная Торговая Организация, а также, путем расширения своего военного присутствия в регионе.

Библиографический список

1. Дабири, Алиакбар. Оценка места Центральной Азии, занимаемого в геополитических теориях. // Журн. «Центральная Азия и Кавказ» (на персидском языке), № 73, 1390 г. от хиджры, с. 61-84.
2. Кадири, Хаджат Мустафа; Нусрати Хамид Реза. Геополитические цели региональных и трансрегиональных сил в Центральной Азии // Геополитика (на перс. яз.), № 2,

1391 г. от хиджры, с. 63-95.
3. Рой, Оливер. Геополитический диапазон Центральной Азии. Перев. Абулфазла Сидки. // Защитная политика (на перс. яз.), №29-30, 1378-1379 г. от хиджры, с. 99-111.
4. Дивсалар, Маджид. Центральная Азия: геополитическая связь и региональные силы. // Заря... (на перс. яз.), 1385 г. от хиджры, с. 16-21.
5. Иззати, Иззатуллах. Геополитика в XXI веке. — Тегеран: Самт, 1389 г. от хиджры.

Об авторе
Муса кызы Алина — кандидат политических наук, доцент Международного Университета Кыргызстана

Mysa kusu Alina

Central Asia in the foreign policy of the Great Powers

Abstract. The article deals with questions of great power politics toward Central Asia, from the date of the independence of the Central Asian countries and relations in the modern period. Height attention of the great powers in Central Asia at the beginning of the XXI century mark the return of the region to focus a large international politics. For the second time in the last 100 years and the first time since the Russian-British distinction of the late XIX century in this part of the world it has become a marked increase in the concentration of divergent aspirations of external players — primarily the United States and the European Union. Coming into contact with the traditional interests of Russia and China, these aspirations form regional competitive environment in which co-operation and mutual support elements rely with rivalry, misunderstandings and mutual concerns.

Keywords: politics, great powers, the great Silk Road, geopolitics, geostrategy, geopolitics, independence, Central Asia

Статья поступила в редакцию 19.12.2016

УДК 94:316.323

Г. М. Ахметова

Исторический опыт и перспективы развития внешнеторговой деятельности Казахстана

Восточно-Казахстанский государственный университет имени С. Аманжолова, ВКО, г. Усть-Каменогорск

Аннотация. В статье рассматривается многовекторная внешнеэкономическая деятельность Республики Казахстан, направленная на рост экономического потенциала страны. Анализ исторического опыта показывает какие отрасли являются приоритетными для дальнейшего развития суверенного Казахстана. Предложенные меры по модернизации его внешнеторговой политики, исходят из изучения позитивного опыта в исторической ретроспективе. В статье выделены также наиболее плодотворные направления торгового сотрудничества Казахстана со странами евразийского пространства.

Ключевые слова: экспорт, импорт товаров, внешнеторговая деятельность, торговые партнеры, экономические реформы

Геополитическое положение Казахстана, находящегося в центре Евразийского континента, на стыке Европы и Азии, его обширная территория и богатые природные ресурсы с давних пор предопределили и сегодня продолжают предопределять особую миссию нашей страны.

Специфика же ее геополитического положения и этно-демографического состава, а также уровень развития экономики современного Казахстана в значительной степени предопределяют сегодня роль нашей страны в Евразийском пространстве.

Наличие торговых отношений между странами во все времена служило, как известно, надежным гарантом мирных взаимосвязей с соседями. Следует отметить, что непреходящую роль в развитии экономики любого государства, региона в целом, с давних пор играла торговля с соседями — близкими и более удаленными. В связи с этим, сегодня почти не представляется возможным вычленить в региональном масштабе количественный показатель ввоза и вывоза Казахстаном за прошедшие столетия, поскольку он, почти всегда, являлся «транзитным пунктом». Поэтому при изучении вопросов внешней торговли необходимо скрупулезно анализировать самые разнообразные источники, которые применительно к теме нашего исследования, можно классифицировать на следующие группы: а) данные ежегодных отчетов различных агентств и ведомств, б) нормативно-правовая и договорная база, в) периодическая печать и в) статистические ежегодники.

Как известно, политика государства, все внешнеполитические акции его политических деятелей — всегда были направлены на достижение внешнеэкономических целей. В большинстве случаев государство всегда выступало — «кладовой» практически всех необходимых ресурсов, в силу чего, оно вынуждено было изыскивать «пути и способы свободного выхода» на иностранные рынки для обмена своих ресурсов на нужные государству технологии.

Анализ нормативно-правовых актов и научных исследований, дает нам основания предложить следующие условные признаки регулирования государством своей внешне — экономической деятельности: 1) поиск пути реформирования внешнеэкономической стратегии; 2) государственная монополия на внешнеэкономическую деятельность; 3) переход к открытой экономике и 4) евразийская интеграция.

С образованием, в 1922 году Союза Советских Социалистических Республик (СССР) и вступлением в действие декрета «О национализации внешней торговли», его действие было распространено на всю территорию СССР, а его основное содержание вошло в Конституции СССР 1924, а потом и 1936 года. Вступившая «в строй» в 1977 году новая Конституция СССР распространила, как известно, государственную монополию на все виды внешнеэкономической деятельности Советского государства.

После распада СССР и «рождения» 16 новых суверенных государств, в т.ч. и Казахстана

процесс либерализации внешнеэкономических связей и демонтажа государственной монополии в сфере торговли продолжился. Появившаяся вскоре серия нормативных документов сняла все ограничения на выход «новых субъектов» на внешний рынок», а «хозяйствующие субъекты приобрели внешнеэкономическую правоспособность в силу факта своего суверенного существования». Тогда же подверглось «дополнительному реформированию налоговое, валютное и таможенное законодательство», был «сокращен перечень товаров, подлежащих лицензированию и квотированию». Словом, распад СССР и последовавшие за этим годы стали периодом фактического отказа от государственного регулирования не только во внешнеэкономической деятельности, но и в экономики в целом. Следствием всего происшедшего стало формирование системы экспорта, ориентированной на вывоз сырья и энергоресурсов, а также была создана система незаконного «бегства» капиталов за рубеж.

Современный этап развития внешнеэкономической деятельности нашего государства характеризуется существованием в нем активной государственной промышленной политикой по европейской модели: сильное, в экономическом смысле государство, крупный государственный сектор экономики и собственности и прямое государственное регулирование экономической деятельности. Однако, наиболее характерной его чертой является ускорение интеграционных процессов на Евразийском пространстве.

В начале 90-х годов XX столетия в суверенном Казахстане преобладала стратегия экономических реформ, предполагавшая, в первую очередь, активизацию структурных преобразований в экономике и торговле. Внешнеторговая же политика страны была направлена в тот период на формирование системы торговых отношений с государствами Содружества и с зарубежными странами. Она в полной мере соответствовала принципам рыночной экономики и способствовала эффективному вхождению нашей страны в мировой рынок.

Общеизвестно, что высокие темпы мирового экономического роста ведут к более быстрому расширению международной торговли, возрастанию доли экспорта, и импорта в воспроизводстве национального дохода и валового внутреннего дохода. На протяжении уже многих лет международная торговля Казахстана продолжает оставаться одним из наиболее динамичных секторов экономики, опережая (по темпам роста) уровень развития мирового промышленного производства.

Основной объём международной торговли нашего государства приходится, как правило, на развитые страны, хотя их доля в первой половине 90-х годов заметно сокращалась (это происходило за счет удельного веса развивающихся стран и стран с переходной экономикой. Основным препятствием для участия стран в международной торговле была тогда, слабость экономико-правовой базы, а также несоответствие выпускаемой ими продукции международным стандартам.

Поэтому, для осуществления нашей страной эффективной внешнеторговой стратегии были тогда открытость экономики; эффективный валютный режим; развитие торговой инфраструктуры; расширение участия Казахстана на мировом рынке; занятие определенной ниши нашими товарами; полномасштабная реализация сравнительных и конкурентных преимуществ во внешней торговле. Кстати, эти основополагающие принципы и по сей день «живы» и действуют в этой сфере. Более того, в условиях нарастающей глобализации мирового развития, Казахстан должен, во чтобы то ни стало, обеспечить себе устойчивый доступ ко всем торговым рынкам.

Последние же, как показывает практика, постоянно развиваются и имеют подвижную конструкцию. Поэтому для эффективного использования своего внешнеэкономического потенциала, Казахстану, равно как и другим государствам, необходимо постоянно изучать и прогнозировать изменения и колебания на внешних рынках, чтобы во время скорректировать свою внешнеторговую деятельность. Ситуация же, складывающаяся в условиях глобализации и интеграции, свидетельствует о том, что торговля на сегодняшний день была и остается одной из основных и тенденций современного мирового развития.

Говоря о перспективах внешнеэкономических отношений Казахстана с Европейским Союзом, следует учитывать и то обстоятельство, что объем торговли между странами ЕС на 60% превышает уровень экспорта Евросоюза в остальные страны мира [1]. Сегодня же ЕС был и остается одним из самых крупных экономических и торговых партнеров Казахстана, наряду с Российской Федерацией. В структуре его импорта преобладают машины, инструменты, электротехническое оборудование, а также средства наземного, воздушного и водного транспорта, их части и принадлежности, изделия из черных металлов, одежда, обувь и другие товары народного потребления. Основными поставщиками импортной продукции в нашу страну являются сегодня Германия, Великобритания, Италия, Нидерланды и Франция. В этой связи, нельзя не отметить, что страны ЕС являются крупными потребителями энергетичес-

ких ресурсов Казахстана и, в первую очередь, нефти и газа. Кстати, реформы внутреннего рынка Евросоюза оказали и продолжают оказывать наибольший эффект на импорт из Казахстана в страны члены ЕС, чем на экспорт. Существенный его рост в государства членов ЕС может быть обеспечен только за счет новых товаров, которые будут производиться с помощью иностранных инвестиций и технологий, хотя наш торговый оборот по-прежнему будет отставать течение ряда лет от масштабов капиталовложений. Но, не взирая на это, мы имеем неплохие перспективы для роста нашего экспорта. В частности, за счет экспорта казахстанской сельскохозяйственной продукции в страны-члены ЕС. Пока же мы только экспортируем оттуда машино-техническое оборудование.

На данный момент мы располагаем значительным потенциалом для расширения экономического и торгового сотрудничества между Германией и Казахстаном. Кстати, данное государство важно для Казахстана не только как потенциальный потребитель наших сырьевых ресурсов, но и тем, что она обладает высоким технологическим уровнем, опытом управления как экономикой, так и финансово-кредитной сферой. В свою очередь, и Казахстан может стать важным союзником для Германии по целому ряду объективных причин и моментов. В частности, наша страна располагает расширяющимся с каждым годом рынком сбыта. С другой стороны, в Казахстане имеется значительная (вторая по численности в странах СНГ) немецкая диаспора. Иначе говоря, мы располагаем резервом дешевой рабочей силы. Наряду с этим, Казахстан располагает и населением, имеющим высокий образовательный и культурный уровень. Кроме того, наша страна имеет и разветвленную сеть научно-исследовательских учреждений. Но главное, что привлекает наших западных партнеров — это то, что в стране сохраняется стабильная внутриполитическая ситуация. Все это вместе взятое, безусловно, говорит в пользу возможности долгосрочного и перспективного сотрудничества между Казахстаном и Германией.

Если говорить о нашем экспорте, то он представлен у нас, главным образом хромовыми рудами и концентратами, феррохромом, цветными металлами, углем, кожевенным сырьем. Германия же импортирует в Казахстан пищевкусовое сырье и продукты питания, оборудование для переработки сельхозпродукции, технологическое оборудование и автомобили.

Если говорить о наших внешнеторговых партнерах, то следует сказать, что в 2009 году на первое место среди них (по товарообороту с Казахстаном) вышла Италия. Главной статьей нашего экспорта в эту страну стала рафинированная медь и ее сплавы. На сегодняшний день в тройку лидирующих торговых партнеров с Казахстаном вошла Великобритания. Основными статьями нашего экспорта туда стали редкие, цветные и черные металлы, нефтепродукты, хлопок, шерсть, сталь, медь, и удобрения. Казахстан же оттуда импортирует машины, оборудование, бытовую технику, электронику, медикаменты, пестициды, продукты питания, обувь и одежду.

Начиная с 1996 года, активным нашим торговым партнером из числа стран- членов Евросоюза стала Франция. Основной удельный вес в экспорте с нею, приходится на хлопко-волокно, шерсть, бериллий, фосфор, казеин, полистирол, и кожевенное сырье. В свою очередь, Казахстан закупает во Франции продукцию машиностроения, электроники, фармацевтической промышленности и агропрома. Весьма существенны объемы наших закупок косметической и парфюмерной промышленности Франции.

Как же регулируются наши отношения с Евросоюзом? На сегодняшний день они всецело регулируются рамками Соглашения о партнерстве и сотрудничестве. В целях рассмотрения актуальных вопросов экономического сотрудничества, взаимного доступа товаров и услуг участниками Соглашения создан Подкомитет по торговле и инвестициям, который «исправно» функционирует с 2009 года.

Словом, торговые отношения Казахстана с ЕС развиваются динамично. Свидетельство тому — все возрастающий меж ними товарооборот. Развивает Казахстан такие же отношения и с другими странами. Согласно данным Евросоюза, Казахстан занимал в 2009 году 29 позицию в списке его торговых партнеров и 19 — в списке рынков импорта Евросоюза. Таким образом, мы с полным основанием можем говорить, что Европейский Союз является нашим торговым партнером номер один. Свидетельство тому- общий объем его экспорта (44, 6%) и импорта (24,6%) в Казахстан [2].

В связи с вышесказанным, необходимо подчеркнуть, что структура товарооборота в целом, не претерпевает пока каких- либо значительных изменений. По прежнему, топливо, нефть, нефтепродукты, черные металлы, медь, изделия из нее, минеральные продукты и зерно занимают главное место в экспорте казахстанских предприятий.

Противовесом Европейскому Союзу продолжают выступать только страны Азии и, прежде

всего, Китай. После принятия им Стратегии развития западных регионов и ослаблением контроля из СССР, в середине 1989 года между Синьцзян –Уйгурским автономным районом КНР и КазССР было подписано Соглашение «Об экономическом, техническом и торговом сотрудничестве на 1989 — 1995 годы». В этот документ было внесено 78 народно-хозяйственных объектов энергетики, химической промышленности, цветной и черной металлургии, геологии, связи, текстильной и др. видов промышленности. Однако это соглашение потеряло в дальнейшем свою актуальность, в связи «с обретением Казахстаном национальной независимости и выстраиванием в мире новых внешнеэкономических ориентиров». Подписание новых соглашений, регулирующих отношения в торгово-экономической сфере, привело к открытию новых рынков товаров. Однако несовершенство нормативно-правовой базы привело вскоре к перенасыщению казахстанского рынка китайскими товарами низкого качества, которые преобладали в слабо контролируемой приграничной торговле.

А тем временем товарооборот между КНР и Казахстаном продолжал нарастать. Ныне доля КНР во внешней торговле Казахстана составляет почти 30 %[3]. Согласно официальной статистике, Китай занимает ныне второе место в списке торговых партнеров Казахстана. По объему товарооборота с КНР, Казахстан вышел сегодня на второе место после России (среди стран СНГ). Перспективными отраслями китайско- казахстанского сотрудничества стали промышленность, сельское хозяйство, легкая промышленность, биотехника, связь и энергоресурсы.

Развивая коммерческие связи с Казахстаном, наш партнер делает акцент на поставку нам различных товаров, произведенных, главным образом, государственными производителями, что гарантирует получение потребителем товаров, надежных по качеству и дешевых по цене. Развитие делового сотрудничества на базе крупных предприятий с участием и под эгидой правительств обеих стран, ограничит закупки у частных лиц, именуемых в народе “челноками”, годовой оборот которых составляет по экспертным оценкам почти 1 млрд. долларов.

Анализируя структуру нашего экспорта в Китай можно сказать, что ему в большей степени присуща «сырьевая направленность». Основу наших экспортных поставок в Китай пока составляют нефть, черные металлы. Покупает он и наш металлопрокат, которому присуща его дешевизна. Другими важными товарами группами нашего экспорта в Китай являются: медь (9 %), алюминий (11 %), удобрения (2 %), хлопок (0,5 %) и шерсть (0,7 %) [4]. По прогнозам казахских экономистов в ближайшей перспективе может произойти существенное увеличение экспорта казахстанского зерна в КНР.

Говоря о торговых отношениях Китая и Казахстана, можно подчеркнуть, что структуре нашего импорта, по прежнему превалируют составляют потребительские товары. Иначе говоря, структура импорта Казахстана из КНР на протяжении последних лет осталась практически неизменной. Ее основу, как и раньше, составляют товары народного потребления и продукты питания, суммарная стоимость которых составляет почти 80 % от всего импорта нашего государства из Китая.

По данным китайской прессы, с января по октябрь 2006 года СУАР по линии “шоп-туризма” посетило более миллиона граждан стран СНГ, которые приобрели товаров на 876 млн. юаней [4].

Общий же объем внешнеторговых операций государств — участников СНГ за первое полугодие 2009 года составил 304,1 млрд. долларов (без учета Туркменистана и Узбекистана), что на 46 % ниже, чем за аналогичный период 2008 года. Он «прирос» тогда 53 %. При этом экспорт снизился тогда на 48 %, а импорт — на 41% [5].

Товарная структура экспорта государств — участников СНГ не претерпевает, как показывает время, существенных изменений. Как и ранее, в отдельных государствах основные объемы экспорта в государства — членов СНГ приходились и по сей день, приходятся на топливно-энергетические товары, черные металлы и изделия из них, продовольственные товары и сырье для их производства, продукты химической промышленности и машины, оборудование и транспортные средства.

Основными товарами казахстанского экспорта в страны СНГ, по прежнему, остаются железная руда и концентраты, каменный уголь, нефть, природный газ, и оборудование.

Говоря о внешнеторговых отношениях стран СНГ, следует отметить, что внешняя торговля Российской Федерации с Казахстаном в 2007-2009 годах характеризуется весьма положительным сальдо российского торгового баланса по сельскохозяйственной продукции и продовольствию. Экспорт в Казахстан в общем объеме российского экспорта сельскохозяйственного сырья и продовольствия составил в 2009 году -10,8%. Основными статьями экспорта России в Казахстан (в стоимостном выражении) стали: молочные продукты (11,1%); масло подсолнечное (6,7%); шоколад

(7,4%); продукты из зерна хлебных злаков (11,1%); разные пищевые продукты (13,4%); алкогольные и безалкогольные напитки (8,6%); табачное сырье, сигареты (10,1%) [6].

Вывоз же из Казахстана составил в общем объеме «российского импорта» сельскохозяйственного сырья и продовольствия составил в 2009 году 0,7%. Основными его статьями (в стоимостном выражении стали: овощи (26,4%), фрукты (38,8%, в т.ч. дыни — 37,0%).

Анализ оперативной информации Казахстанского Агентства по статистике показал, что внешнеторговый оборот нашего государства за 2013 год составил 131,4 млрд. долларов США. Это на 1,1% меньше показателя 2012 года, в том числе экспорт — 82,5 млрд. долларов США (снижение — на 4,6%), импорт — 48,9 млрд. долларов США (рост — на 5,4%).[7]

Словом, Россия занимает пока в товарообороте Республики Казахстан первое место (23,5 млрд. долларов США), Его увеличение к уровню прошлого года произошло на 1,7%, и составила в общем объеме 17,9% [8]. Если сравнивать товарооборот двух стран, то преимущество в нем принадлежит, безусловно, поставкам из России, которые в 3 раза превышают объем «наших встречных поставок».

Таким образом, рассматривая основные потоки товарооборота, можно определить иместо Казахстана в торговом секторе евразийского пространства, а также наметить план мероприятий для улучшения торгового баланса.

Важнейшее условие диверсификации — это развитие инфраструктуры внешней торговли. Как известно, именно несовершенство внешнеторговой логистики, сложность таможенных формальностей и бюрократическая система правоприменения законов, связанных с ввозом и вывозом товаров, тормозили и продолжают тормозить международный транзит.

Значительное повышение эффективности стимулирующей функции внешнеэкономической политики было и остается ключевым условием успешной реализации любым государством намеченных им задач. Исходя из исторической практики, в частности, развития торговых отношений государств на рубеже XIX–XX столетий, когда умный предприниматель всегда четко определял рынки сбыта своей продукции и, от коммерческого спроса, выстраивал соответствующий времени перечень необходимых торговых мероприятий.

Здесь необходим системный подход, предполагающий:

- поддержка экспортоориентированных производств;

- изучение рынка товаров в ближнем и дальнем зарубежье;

- изучение спроса торговых партнеров;

- открытие зарубежных фирм для организации складской, сбытовой и сервисной деятельности;

- повышение роли исполнительной власти в создании условий для развития совместных с зарубежными партнерами ярмарок и выставок продукции;

- широкое привлечение деловых кругов к разработке механизмов и реализации проектов содействия экспорту, их регулярное информирование о возможностях в этой области и участие в оценке эффективности соответствующих услуг.

В тоже время, необходимо активизировать работу по формированию брендовой продукции, узнаваемых предприятий, ассоциируемых с высоким качеством продукции. Внешний фактор — эффект от участия страны в международном обмене товарами, услугами, капиталом и рабочей силой — играет весьма заметную роль в развитии отечественной экономики. Повышение цен на товары отечественного экспорта, равно как и их понижение на импортируемую продукцию, то есть изменение условий торговли, позволит экспортерам и импортерам получать дополнительные доходы — своеобразные субсидии мировых рынков.

В современном мире основная часть мировых торговых отношений осуществляется под наблюдением межгосударственных экономических организаций. Регулирование международной торговли на межгосударственном уровне представляет собой совместно принимаемые правительствами разных стран на основе компромиссов договоренности (правовые положения, нормы, процедуры, согласованные взаимные обязательства, рекомендации) в области экономической политики и практики, отражающие интересы стран — участниц. Регулирование нацелено на создание определенных предпосылок, способствующих дальнейшему развитию мирохозяйственных связей между заинтересованными государствами, в частности, путем достижения стабильности и предсказуемости режима доступа на рынке.

Участие в международных организациях в современных условиях является одним из важнейших атрибутов суверенного и независимого государства. Для Казахстана участие в деятельности международных организаций по широкому спектру проблем является первостепенной задачей

Экономика Казахстана в течение многих десятилетий была искусственно изолирована от мирового рынка и международной конкуренции. Еще буквально десять лет назад казахстанская экономика характеризовалась значительной зак-

рытостью. Нарастание экономического кризиса в Казахстане в 90-х годах так же отразилось на объеме внешней торговли. Он сократился более чем в два раза. Но со временем внешнеэкономическая деятельность приняла более открытый характер. Юридически процесс формирования регионального международного пространства начался с образования СНГ и подписания в сентябре 1993 года Договора о создании экономического союза. Страны СНГ стали демонстрировать различные скорости в реализации интеграционного процесса, приведшие к созданию в 2003 году созданию Единого экономического пространства. Как показала жизнь, идеям общего рынка может препятствовать разнонаправленность национальных экономических политик, разный предпринимательский режим (налоговые ставки, уровень банковского процента и т.д.).

Обобщение и изучение опыта взаимодействия Казахстана с внешними партнерами может иметь не только теоретическое, но и хозяйственно-практическое значение для укрепления экономики страны и совершенствования механизма сотрудничества в рамках международных экономических альянсов. Для установления прочных отношений с зарубежными партнерами важна предсказуемость экономической политики, правовых норм, системы регулирования внешнеэкономических связей.

Реально оценивая состояние в отраслях, производящих готовую продукцию становится очевидным, что в ближайшие годы не удастся кардинально изменить номенклатуру предлагаемых на экспорт готовых товаров и многократно нарастить экспортный потенциал отечественной индустрии. А поэтому основой для увеличения объемов поставок в другие страны будут оставаться, в первую очередь, товары топливно-сырьевой группы.

Для развития внешней торговли Казахстану в евразийском пространстве необходимо:

- усилить общее регулирующее воздействие государства на экспортные и импортные операции;
- активно применять методы регулирования экспорта руководствуясь, прежде всего, задачами обеспечения экономической стабильности и создания предпосылок для последующего роста на базе структурной перестройки промышленного производства;
- гибко варьировать экономические и административные инструменты в зависимости от характера решаемых задач и целей внешнеэкономической политики.

Библиографический список

1. Бурнашов И.Л. Торгово-экономические отношения Европейского Союза со странами Центральной Азии // Европейский Союз и Центральная Азия. — Алматы, 2000.
2. Дэвис А. Основные направления внешней политики государств-членов ЦА / А. Дэвис // Позиции США в Казахстане. — М., 2008. — № 2, с. 3-7.
3. Китай: Факты и цифры: (1999 — 2006). Пекин: Синьсин, 2006. — 388 с.
4. Экономическое сотрудничество Китая. // Гоцзимаои гуаньси. — 2008. — № 11.
5. www.interfax.kz
6. Обзор Департамента экономического сотрудничества Исполнительного комитета СНГ. 2009 год
7. www.analitika.org
8. www.investkz.com

Об авторе

Ахметова Г. М. — кандидат исторических наук, доцент Восточно-Казахстанского государственного университета имени С.Аманжолова, ВКО, г. Усть-Каменогорск

Akhmetova G. M.

Historical experience and prospects of external activities of Kazakhstan

Abstract. The article deals with a multi-vector foreign economic activity of the country, aimed at the growth of the economic potential of Kazakhstan. An analysis of the historical experience shows the priority sectors for the long-term development of the country. The proposed measures to modernize foreign policy based on the study of positive experiences in historical perspective. The article highlights the most fruitful areas of trade cooperation of Kazakhstan with the countries of the Eurasian space.

Keywords: export, import of goods, foreign trade activity, trading partners, economic reform

Статья поступила в редакцию 17.10.2016

УДК 902

В. Я. Бутанаев

Вклад профессора Ху Чжэнхуа в изучение Фуюйских кыргызов Китая

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, Республика Хакасия РФ

Аннотация. Предлагаемая вниманию читателя работа посвящена описанию жизни и научной деятельности известного китайского ученого- «кыргызоведа», профессора Пекинского Института национальностей КНР — Ху Чжэнхуа — первопроходцу в деле изучения истории и жизнедеятельности «неизвестных ранее в Китае кыргызов», проживаюших ныне в Китайской Народной Республике — уезд Фуюй, провинция Хейлуцзян. Наряду с этим, в статье предпринята также попытка показать роль и вклад китайского исследователя в изучение самого удаленного от родных пенатов сибирского этноса –«азиатских киргизов».

Ключевые слова: Китай, уезд Фуюй, провинция Хейлуцзян, фуюйские кыргызы, хакасы, тюркологи: Ху Чжэн-Хуа, Э.Р.Тенишев, В.Я. Бутанаев

На фото, слева-направо: М.А.Чертыков (аспирант), Ху Чжэн-Хуа (проф. Пекинского университета национальностей), В.Я. Бутанаев (проф. Хакасского госуниверситета, руководитель экспедиции), У-Чжэн Джу(фуюйский киргиз, глава Ассоциации фуюйских киргизов), И.И.Бутанаева(доцент, кандидат ист. наук), Ю.А.Курочка (главный специалист информационно-аналитического отдела аппарата правительства Республики Хакасия, кинооператор экспедиции)

Свое повествование об открытом (в свое время) в Китае «загадочном азиатском этносе», мы позволим себе начать с представления читателю ученого, первым выявившим «нехарактерный для Китая этнос» и поведавший о нем научному миру. Это Чжэн-хуа (Мухаммед) Фунтин — ныне известный китайский исследователь — тюрколог и кыргызовед. — проф. Ху Чжэн-хуа. Родился он,

как явствует из его документов, 9 января 1931 года, в городе Циндао (Китайская Народная Республика, провинция Шаньдун). По национальности наш коллега является дунганином («хуэйзу»). Это нам удалось доподлинно установить в 2005 году (в процессе нашей совместной экспедиционной работы в составе российско-китайской этнологической экспедиции. Совместными усилиями, нам удалось проследить и «мутацию» его мусульманской фамилии «Фунтин». Она же, претерпев должную «китаизацию», обрела, в конце — концов, форму — «Ху», являющую собой китайский способ передачи арабского имени «Хусейн». Высшее образование наш китайский коллега получил, согласно его рассказу, в городе Нанкин, где он закончил в 1948 году Институт восточных языков. Спустя год, Ху Чжэн-Хуа продолжил свое образование, а точнее специализацию, в Шандунском университете (г. Циндао). Потом была учеба в Центральном университете национальностей (ЦУН) в г. Пекине, которую наш коллега завершил в 1953 году. В этом же учебном заведении Ху Чжэн-Хуа окончил и аспирантуру, где предметом его специализации стало общее языкознание и тюркология. В 1957-1958 гг. молодой ученый появился в Москве. С этого момента началась, по его словам, «моя серьезная научная специализация под руководством известного в то время научном мире тюрколога — проф. Э.Р. Тенишева». По возвращении на родину Ху Чжэн-Хуа стал работать в Пекинском университете национальностей (на кафедре тюркских языков). Сегодня наш коллега является автором значительного числа научных трудов. Его научно-исследовательская работа отмечена ныне многими государственными наградами.

В 50-е годы XX века прибыли, по словам нашего коллеги и собеседника, в Пекинский университет национальностей на учебу «и «кыргызы — уроженцы деревни Сы-Цзясы, находившейся в уезде Фуюй. Был среди них и юноша по имени Чэнг Куэн (1935 года рождения), представитель, как он говорил, «киргизского рода «эчиг». Учился «Чэнг Куэн в Пекинском университете с 1959 по 1963 год». От этого парня, — говорил Ху Чжэн-Хуа, — я впервые записал в 1959 году материалы по языку фуюйских кыргызов». При встрече со своим учителем (Э.Р. Тенишевым) я преподнес ему «в подарок» свои первые записи кыргызских слов, которые были впоследствии опубликованы нашим учителем в советском научном журнале «Вопросы языкознания» [Тенишев. 1966]

По словам нашего коллеги и информатора, «фуюйские кыргызы проживают сегодня (беседа проходила в 2005 году- Авт.) в двух деревнях — «Уцзясы» и «Сыцзясы», расположенных на реке Уюр, берущей начало в Хинганских горах. Название первой — «Уцзясы» переводится с китайского как «пять домов». Кыргызы же зовут свое селение по — своему: «Табандар аалы», т.е. «селение рода табан». Действительно, основная часть жителей этого населенного пункта принадлежит к роду «табан». Их фамилия называется по-китайски «У» — (что значит цифра «пять». Кстати, слово «табан» в монгольских языках тоже означает цифру «пять». В 1986 году в селении Уцзясы проживало 630 чел., в т.ч. 246 «кыргызов», из которых лишь 36 человек знали «свой родной язык». В 2005 году в Уцзясы проживали, в общей сложности, 163 семьи, в которых насчитывалось 569 человек, в том числе — 284 кыргыза, из которых лишь только два человека знали «свой родной язык». Большая же часть жителей селения говорила на монгольском языке. Второе поселение — Сыцзясы (по — китайски это означает- «семь домов»). Имеет это селение и киргизское — название — «Хыргыстар аалы», т.е. селение рода кыргыз». Все жители селения носят китайскую фамилию «Сы», т.е. — «семь», Ее название произошло, по нашему мнению, от китайского произношения слова «кыргызы». Ныне указанные деревни находятся в уезде Фуюй, провинции Хэйлуцзянь — это в 300 км к западу от города Харбина и не вдалеке от города Цицикар. В 1997 году в уезде Фуюй числилось 300 тыс. человек, из которых к национальным меньшинствам были отнесены 22 тыс. человек. Основное населения уезда, естественно, составляли китайцы. Их было — 260 тыс., вторыми (по численности) шли маньчжуры — 8500 чел., затем дауры — 5900, потом монголы — 2800, кыргызы — 1200 чел., сибо — 200, хий — 320, корейцев — 180, эвенков — 40 и 37 орочен. Общая же численность фуюйских кыргызов составила в 2005 году 1473 человека [Бутанаев. С. 29-30].

Как нам известно, выяснить происхождение этого «немногочисленного, «загадочного народа, живущего в Азии восточнее всех тюркских народов» пытались, в свое время, многие ученые. Так, известный советский археолог Л.Р. Кызласов, опираясь на косвенные письменные свидетельства о переселении кыргызов в Маньчжурию во времена династии Юань, считал что «фуюйские кыргызы» — это часть древних хакасов, отправленных в 1293 году императором Хубилаем в город Чжуэчжоу, располагавшийся в то время, в районе, где находится ныне город Харбин. Аналогичного мнения придерживался (вслед за Л.Кызласовым) и уже упоминавшийся выше советский тюрколог Э.Р.Тенишев.

Правда, проф. Ху Чжэн-хуа, а вслед за ним и российский археолог С. Скобелев, посетив интересующих нас «кыргызов», установили более позднее их появление в северо-восточном Китае.

Чтобы уточнить эти и другие моменты, связанные с историей «фуюсских кыргызов», летом 2005 года в Китай отправилась этнологическая экспедиция, Хакасского государственного университета (ХГУ), которую возглавил заведующий кафедрой археологии, этнографии и исторического краеведения (АЭИК) доктор исторических наук, проф. В.Я. Бутанаев. Кроме него, в состав экспедиции вошли кандидат исторических наук, доцент кафедры АЭИК, И.И. Бутанаева, аспирант этой же кафедры — М.А. Чертыков и главный специалист информационно-аналитического отдела аппарата правительства Республики Хакасия Ю.В. Курочка, ставший по совместительству и кинооператором нашей экспедиции. Свое согласие участвовать в работе нашей экспедиции выразили тогда проф.Ху Чжэн-Хуа, а также доцент У Чжан Джу проректор сельскохозяйственной академии города Харбина. Кстати, последний, будучи кыргызом по национальности, являлся в то время и председателем Хэйлуцзянской Ассоциации кыргызов, а так же заместителем председателя Комитета по делам национальных меньшинств и религий провинции Хэйлуцзян. Из-под его пера вышли впоследствии две монографии: «Хэйлуцзянские кыргызы» и «Кыргызы, живущие в долине реки Уюр».

Языковеды за мгновение до дискуссии. Слева на право: У-Чен-Сю — «фуюсская киргизка из рода «табан», секретарь Института нацилнальностей (г. Харбин, провиция Хэйлунцзян); мать У-Чен-Сю У-Ен-Хой; доцент Хакасского госуниверситета им. Н.Ф. Катанова И. Бутанаева

Согласно преданиям, записанным автором этих книг, прародина фуюйских кыргызов была связана с Алтаем. В одной из песен, включенных автором в книгу«Хэйлунцзянские кыргызы» (Харбин, 2003), говорится: «Моя родина в далекой северной стороне на Алтайских горах. Там много высоких гор и густых лесов...там летают милые птицы...они весело поют в лесу... Это наша Родина». После разгрома Джунгарского ханства цинским Китаем, подвергнувшиеся угону енисейские кыргызы были переселены победителями, в долину Уюра вместе с «олетами» — представителями одного из джунгарских родов. По своему внешнему виду кыргызы, и сегодня отличаются от своих монгольских и маньчжурских соседей — своими светлыми волосами, узкими лицами и зеленоватыми глазами. Их антропологический тип относится учеными к «южносибирскому типу переходной расы» и весьма идентичен хакасскому.

До 1945 г. соседние с «фуюйскими киргизами» народы неизменно называли их то «ойратами», то «солонами». Однако сами «фуюйцы» всегда отрицали свое родство с монголоязычными ойратами и тунгусоязычными «солонами». В качестве своего самоназвания они неизменно употребляли этноним «хонкоро», т.е. «хонгорай». Официальное название «кыргыз» (по-китайски звучит — как «цзилицзисы» или «кээркэци») они получили только в 1945 г., когда в селение «Табандар аалы», располагавшееся тогда вдоль железной дороги, вошли солдаты Красной Армии, очистившие всю Маньчжурию от японских захватчиков. Среди советских солдат оказались тогда и «тянь-шаньские кыргызы», которые и сообщили своему командованию о местном населении, говорившем, как заявили «освободители, «на кыргызском языке». Эту информацию представители Красной Армии передали потом официальным властям Китая, которые и закрепили за указанными жителями этноним «кыргыз».

Но, как бы там, ни было, «фуюйские кыргызы» пронесли, по нашему мнению, названия своих древних родов, сквозь века, что и позволило нам, спустя 60 лет, прояснить их происхождение. Согласно сведениям проф. Ху Чжэн-Хуа, среди них сохранились шесть подразделений, имена которых звучат сегодня следующим образом: «табан», «хапхан», «эчиг», «сандар», «билтир» и «хыргыс». Как нам удалось выяснить, сеок «хыргыс» или «хыргыстар» обрел, впоследствии, ки-

тайскую фамилию «Сы», что, связано по всей видимости, с последним слогом имени слова «кыргысы». Оно же, как мы уже упоминали выше, в китайском языке, означает, число «семь». Род же «хапхан» или «гапхандар» обрел (со временем) китайскую фамилию «Хан». Иначе говоря, «фуюйцы» сохранили звучание своего второго родового этнонима. Сеок же «табан» или «табындар» (по-монгольски означает число пять), а посему к нему «пристала» китайская фамилия «У», родившаяся из китайского перевода с монгольской цифры — «пять». Если говорить о представителях рода «эчиг» или «эчигдер», то они носят ныне китайскую фамилию «Ченг», являющейся сокращенной формой второго компонента их этнонима.

Словом, в процессе работы нашей российско-китайской экспедиции были выяснены и уточнены правильные названия остальных двух родов, которые ранее обозначались как «сандыр» и «билтир». Кстати, этноним «билтир» было первоначально отождествлен нами с названием хакасских «бельтыров». Однако уже будучи в Китае нам стало ясно, что члены этого рода произносят имя своего сеока как «буридир», а по-китайски их фамилия обозначается словом «Ланг». В переводе с китайского на русский язык, оно означает слово «волк». Иначе говоря, нам стало очевидным, что китайское название «буридир» берет свое начало от тюркского слова «бури» — т.е. «волк». Потому-то китайский этноним «буридер» — может означать только одно — «волки». К сказанному, следует добавить, что слово «волк» в языке фуюйских кыргызов передается сегодня «китаизмом» — «лангшух», что несомненно являет собой ничто иное, как эвфимизм.

И, наконец, последний этноним «сандар». Его исследователи долгое время не могли отождествить с какими — либо родовыми именами тюрков Центральной Азии. Во время нашего опроса представителей данного рода нам удалось выяснить, что по-китайски эта фамилия звучит как «Сай» и представляет собой первую часть их этнонима. Таким образом, целиком интересующий нас этноним должен был произноситься как «сайындар». Подобный подход, сразу же расставил все по своим местам: данный этноним был всеми единодушно отнесен к названию хакасского рода «сайын». В данном же выражении второй формант «дар» — был воспринят нами как окончание множественного числа.

Таким образом, «разбор родового состава «фуюйских кыргызов» в значительной степени позволяет говорить нам об их родстве с современными хакасами и, конкретно, с сагайцами, среди которых и по сей день бытуютсеоки: «хыргыс, «табан», «хапхан», «ичеге», «сайын» и «пюур». Все указанные роды в входили XVII веке в состав Алтырского улуса Хонгорая.

Согласно данным С.Скобелева у «фуюйских кыргызов» род «кыргыс» имел и второе название «орттыр». [Скобелев. С. 77.] По всей видимости, под данным названием подразумевались «ойраттары», т.е. джунгары, в составе которых кыргызы находись в XYIII веке, т.е. вплоть до их насильственного переселения в Маньчжурию.

Таким образом, материалы «О родовом составе китайских хакасов», представленные их «первооткрывателем — проф. Ху Чжэн -Хуа разрушили бытовавшие в свое время мифы о об уходе феодальной верхушки кыргызов в Джунгарию, в составе которых присутствовали сеоки, до последнего времени считавшиеся переселившимися в Хакасию из Кузнецкой тайги и связывавшиеся с бывшими киштымами. Стал, в связи с этим явью и факт угона енисейских кыргызов, оставивших заметный след в истории Центральной Азии. Словом, все новые сведения о родовом составе фуюйских кыргызов внесли определенную ясность в вопрос об этнической основе енисейских кыргызов и опровергли точку зрения некоторых ученых, ставивших под сомнение генетическую наследственность хакасов с средневековым населением Хонгорая.

Таким образом, язык бесписьменных народов, к которым относится и язык фуюйских кыргызов, служит важным историческим источником (порой это единственный живой свидетель далекого прошлого). Согласно мнению тюрколога Э.Р. Тенишева «язык енисейских кыргызов исчез вместе с уходом этноса с арены истории». [Тенишев. С. 4.] Однако благодаря работам проф. Ху Чженхуа, мы получили возможность познакомиться с языком фуюйских кыргызов. Им было записано, в свое время, и опубликовано около одной тысячи слов. [Ху Чжэнхуа. С. 65 — 69.] Благодаря его исследованиям специалистам — языковедам удалось выяснить и установить, что лексические показатели языка фуюсских кыргызов полностью идентичны особенностям словарного состава хакасского языка, (особенно, если мы обратимся к его сагайскому диалекту).

Внимательно изучая лексические и этнографические сведения, собранные китайским коллегой, можно с полной уверенностью утверждать, что фуюйские кыргызы относятся к современным хакасам не только по этническому составу, но и по своему языку (особенно, если брать, как было сказано выше, во внимание его сагайский диалект. Приведем для примера некоторые его слова: «сарын» — песня; «алдыг» — широкий, просторный; «хапчыгай» — быстро; «ахсыр» — жеребец; «сирткиш («сегирткес») — блоха и др.

Нашли свои аналогии и некоторые песни «фуюйцев», зафиксированные в свое время, проф. Ху Чжэн -Хуа, со своими аналогами в хакасском фольклоре.К примеру, среди его опубликованных текстов, особое внимание исследователей привлекла сказка «Ырбы-Сырбы», названная в честь одноименного юноши. Аналогом ей является произведение устного народного творчества хакасов, под названием «Килби-Силби». Согласно сюжету фуюйцев, три гуся каждый день кружили над домом «Ырбы-Сырбы» и спрашивали у его матери: «Ырбы-Сырбы ибинде бе? Ырыл-Сарыл гырында ба? Сакат-наманг читти бе? Сакат наманг мында ба?» Дословно: «Ырбы-Сырбы (имя юноши) дома ли? Ырыл-Сарыл (имя коня) рядом ли? Лук и стрел (для охоты) хватит ли? Лук и стрелы здесь ли?». В ответ им мать отвечала: «Ырбы-Сырбы ибинде чох, Ырыл-Сарыл гырында чох, Сакат наманг читти чох, Сакат наманг мында чох» — «Ырбы-Сырбы в доме нет, Ырыл-Сарыла рядом нет. Лук и стрелы (на охоте), лука и стрел здесь нет».

К слову сказать, в хакасском фольклоре есть аналогичная сказка — «Ильби-Сильби». Содержание ее таково: каждый день, днем, в дом приходит девушка и спрашивает у матери о ее сыне: «Кильби-Сильби дома ли? Карий конь — «Кер-Сараат» на привязи ли? Бусы-обереги на шее ли? Булатный меч на боку ли? Ушел ли он на охоту на зверей? Есть ли у него мысль о девушке?». Мать отвечает: «Кильби-Сильби дома нет, карего коня «Кер-Сарааата» на привязи нет, его бусы-обереги на шее, его булатный меч на боку, он любит охотиться... у него нет мыслей о девушке».

Исходя из опубликованных работ проф. Ху Чжэнхуа, можно сделать вывод об общности языков и культур фуюйских кыргызов с хакасами, которые восходят к единому языку и культуре енисейских кыргызов. Руководствуясь этим, мы с полным правом можем констатировать, что современные хакасы (их историческое самоназвание «хоорай») и «фуюйские кыргызы» (старое их самоназвание «хонкоро») являются потомками древних кыргызов Енисея.

Библиографический список

1. Бутанаев В.Я. Хакасы из провинции Хэйлунцзян. Абакан, 2006.
2. Россия и Хакасия: 290 лет совместного развития. Абакан, 1998.
3. Скобелев С.Г., Чжан Тайсян, Шомаев А.А. Роды фуюйских кыргызов. //
4. Тенишев Э. О языке кыргызов уезда Фуюй (КНР) // Вопросы Языкознания. 1966. №1. С. 88-96.
5. Тенишев Э. Древнекыргызский язык. Бишкек, 1997.
6. Ху Чжэнхуа. Язык киргизов, проживающих в уезде Фуюй провинции Хэйлунцзян и его особенности. // Чжунъян минцзу сюеюань (Журнал, издаваемый Центральным Институтом национальностей. Пекин, 1983. №2, с. 65-69.
7. Hu Zhen-hua, Guy Imart. Fu-yu girgis: a tentatative description of the easternmost Turkic Language / Bloomington, Indiana. 1987.

Об авторе
Бутанаев В. Я. – доктор исторических наук, профессор Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, Республика Хакасия РФ

Butanaev V.J.

The contribution of professor hu jinhua in the study shuisky kyrgyz of china

Abstract. The present work is devoted to the description of the life and work of famous Chinese scientist «Kyrgyzia», Professor of the Beijing Institute of nationalities of China — Hu Jinhua pioneer in the study of history and of life «previously unknown in China Kyrgyz», prozhivayushih now in the people's Republic of China — Fuyu County, Heilongjiang province, province Haluzan. Along with this, the article also tries to show the role and contribution of Chinese researchers to study the most distant from the native land of the Siberian ethnic group» Asian Kyrgyz.»

Keywords: China, Fuyu County, Heilongjiang province, province Haluzan, shuyskie Kyrgyz, Khakas, Turkic languages: Hu Zheng-Hua, E. R. Tenishev, V. J. Butanaev

Статья поступила в редакцию 15.12.2016

УДК 902

А. С. Жанбосинова

Религия и общество: поиски компромисса

Восточно-Казахстанский государственный университет им. С. Аманжалова, г. Усть-Каменогорск

Аннотация. Суверенный путь развития нашего государства в течение 25 лет продемонстрировал наличие множества острых проблем, в том числе и те, которые вызваны обострением религиозного вопроса в Казахстане, в частности — ислама. В связи с этим, следует подчеркнуть, что Средняя Азия и Казахстан разительно отличаются содержанием религиозной политики в каждом из них и особенно отношением общества к данной проблеме. Уникальность геополитического положения Казахстана, оказавшегося волею исторических судеб на стыке трех мировых религий и многоконфессиональная палитра с другой стороны позволили сохранить стабильность государственного развития, а с другой –не смогли, к сожалению, защитить наше государство от радикального ислама. На основе имеющихся у автора фактов, им предпринята попытка дать анализ состояния религиозного вопроса в сегодняшнем Казахстане и показать отношение общества к исламу.

Ключевые слова: мусульманство, религия, ислам, общество, политика, государство

2016 год оказался весьма богатым на юбилейные события. Был в их числе и 25-ти летний юбилей СНГ и суверенных государств. Возможно, это небольшой отрезок времени, вобравший в себя всего лишь четверть века. Но вместе с тем, он позволяет провести некоторый аналитический срез и разглядеть (в исторической ретроспективе) и «свои перспективы. Юбилейные мероприятия молодых суверенных государств прошли в большинстве своем, в обстановке «политических дискурсов, экономического кризиса, террористических угроз, а кое-где и в обстановке обострения «исламского вопроса». Текущий этап мирового развития продемонстрировал и продолжает демонстрировать «признание толерантными государствами и обострение религиозного вопроса, а также «невозможность адаптации иноконфессионального элемента».

Так, в июне 2011 года Казахстан, как известно, председательствовал в Организации «Исламская конференция» (ОИК), членом которой наше государство является с 1995 года. Официальное представительство ОИК в Казахстане начало свою деятельность с 30 марта 2010 года. С членами Организации «Исламская конференция» Казахстан имеет совместные предприятия. Кстати, наибольшее их количество создано, естественно, Турцией, Узбекистаном, Кыргызстаном, Ираном, Пакистаном и Азербайджаном. Растет в ОИК и число совместных предприятий, созданных с Афганистаном, Таджикистаном, с ОАЭ, Ливаном, Иорданией, Сирией, Саудовской Аравией и другими арабскими государствами. Так, если в 2000 году прямые инвестиции в Казахстан были только из пяти стран ОИК: ОАЭ, Турции, Бахрейна, Индонезии и Саудовской Аравии, то в 2009 году инвесторами Казахстана являлись уже 13 стран ОИК. Основным торговым партнером Казахстана в Центрально-Азиатском регионе являлись тогда ОАЭ.

В глобальной политике ислам, как известно, играет очень важную роль. Однако активизация исламской идеологии и практика жизни вызывает порой противодействие — т.е. неоднозначную реакцию, особенно на европейском континенте, где возникли проблемы, к примеру, с ношением хиджаба и строительством минаретов, публичным оскорблением Корана и искусственная подмена ислама религиозным экстремизмом.

Республика Казахстан была и остается поликонфессиональным государством: на его территории существует сегодня более 40 конфессий и доминаций. Межконфессиональное согласие было и остается один из важнейших факторов сохранения его политической стабильности, залогом его успешного развития. В обществе, где нет сплоченности, не будет и духовного развития, одного из важнейших факторов материального благополучия этого общества. Духовное единство — это залог процветания общества, народа, и государства

в целом. Следует отметить, что, за годы независимости у нас появился еще один немаловажный фактор: число религиозных конфесссий в Казахстане увеличилось в шесть раз, что свидетельствует о росте интереса людей к той или иной религии.

К сожалению, мы вынуждены сегодня признать, что у нас возникла проблема с ношением хиджаба и отправлением религиозного культа в общественно-административных зданиях Казахстана.

Как, известно, путь к богу, у каждого свой. На закрытии 1-го съезда мировых и традиционных религий в Астане в 2003 году, президент Казахстана Н. Назарбаев сказал: «Бог один, но дороги к нему — у всех разные. Но многообразие — это не есть недостаток, а наоборот, — это неоценимый дар Божий, благодаря которому происходит взаимообогащение и развитие. Каждый народ обладает неповторимыми, присущими только ему традициями, историей, складом мышления».

Социальный фактор детерминирует и активизирует религиозный интерес в особенности среди молодежи, хотя есть немало примеров сознательного прихода в нетрадиционное религиозное направление. Отсутствие знаний и информации, бум исламизации в Казахстане, поиск своего проповедника, поиск себя и истины порой приводит к необратимым последствиям. Некоторые граждане Казахстана делают свой выбор осознанно и самостоятельно. Спонтанное увлечение и походы на религиозные собрания, бросает одних из неверия в фанатичную преданность другие — воспринимают все вокруг происходящее как харам (грех). Отдельные люди воспринимают ислам с идеями ваххабизма и салафизма. Другие «потерянные души. Казахстана» впитывают ислам ханафитского мазхаба (демократичного по богослужению).

Свидетельством всему — выше изложенному — могут послужить (в известной степени) результаты проведенного нами опроса в городе Усть-Каменогорске, с целью выяснения отношения людей к религии (в частности, к исламу). Всего нами было опрошено (с помощью анкет) 110 человек, из них 21 — мужчина, (или 19%), и 86 женщин (или 78%), 2,7 % «опрошенных» не указали в анкете свой пол и 7 респондентов (2,7%) отказались заполнить нашу анкету. Большую часть опрошенных составили студенты.

Среди лиц, охваченных нашим опросом, оказалось 8 женщин с высшим образованием, в т.ч. 5 «мусульманок», 2 — «христианки», 1 — «приверженка научного мировоззрения». Первые 5 вопросов анкеты «были сориентированы на выяснение основных данных о респонденте: фамилия, имя отчество, его год рождения, половозрастная характеристика, социальное положение и др. Анализ социально-демографических характеристик респондентов показал: большую их часть составили представительницы «прекрасного пола — 78%. Доля опрошенных мужчин составила 19%. Если говорить о верующих, то к ним отнесли себя — 93% женщин и — 90% мужчин.

Изучая в ходе опроса конкретные формы религиозной практики среди наших респондентов выяснилось, что подавляющее их большинство лишь на словах говорит о своей религиозности, поскольку большинство опрошенных нами не совершает регулярно каких-либо религиозных или культовых отправлений, (что, в полной мере, свидетельствует о пассивном религиозном настрое данных респондентов.

Так, на заданный нами вопрос:«Последователем, какого мировоззрения или религии Вы себя считаете?». Мы получили следующие ответы: «приверженцами ислама» посчитали себя 57,4% опрошенных мужчин. Весьма интересные ответы дали женщины. 46,5% опрошенных назвали себя «христианками». К примеру, среди мужчин ими себя назвали 19% опрошенных. Среди женщин нам удалось «выявить» и «приверженок другой религии (или мировоззрения). Таковых, кстати, оказалось 38,5% из числа опрошенных женщин. Была такая категория и у мужчин. К числу таковых отнесли себя — 14,2% представителей «сильного пола». У женщин нам удалось выявить и «атеисток». К числу таковых себя отнесли 3,4% опрошенных нами представительниц прекрасного пола». Такое же число женщин (т.е. 3,4%.) оставили заданный нами вопрос без ответа. Задан был респондентам и такой вопрос: «Какого течения в указанной вами религии Вы придерживаетесь?», Полученные на него ответы показали, что большая часть респондентов — мусульман очень слабо разбирается в сути существующих в исламе течений. Поэтому опрашиваемые определили себя в них «чисто интуитивно». В частности, к суннитам себя отнесли: 33,3% опрошенных мужчин и 5,8% женщин, к суфистам — 2,8% женщин. Большая же часть опрошенных с «течениями в мусульманстве» — не разбирается, а поэтому точно позиционировать себя в них — не смогла. Среди мужчин число «неопределившихся» составило — 28,5%, среди женщин — 37,2%.

В одной из анкет нам встретилось весьма «смелое заявление»: (его автор) — респондентка — написала, что «она является представительницей «традиционного ислама». Однако разъяс-

нить, что он собой представляет, она, увы, не удосужилась. Респондентка ограничилась лишь пояснением: «затрудняюсь полно ответить, что это такое».

Камнем преткновения для респондентов стала и содержавшаяся в анкете просьба организаторов опроса — «сформулировать главный принцип ислама». К нашему сожалению, респондентская аудитория показала почти полную свою неосведомленность в этом вопросе. На свою «просьбу» организаторы — получили самые разные ответы. В частности, — 9,5% ответивших на него мужчин заявили, что «это вера в Аллаха», столько же «правоверных» ответили, что «это вера пяти столпов ислама». Наряду с этими, имели место и ответы типа: «это, мол, добро, мир, помощь ближнему человеку, уважение к нему (14,2%); 4,7% респондентов уверены, что это «законы шариата». 23,8% респондентов заявили, «что они не знают правильного ответа на этот вопрос».

В отличие от мужчин, женщины ответили так: «главный принцип ислама — «это вера в единого Бога» (1,1%); — «это пять столпов ислама» (3,4%); — «это добро, мир, помощь ближнему человеку, уважение» (5,8%) — «это запрет на нарушение закона харамы». ольшинство же респондентов (38,4%) ответили — «не знаю».

Вопрос, связанный со знанием содержания Корана, выявил, также и то, что «Священную Книгу» мусульман хорошо знают лишь 4,7% опрошенных. Все так ответившие являли собой представителей мужского пола. С другой стороны, 14,2% опрошенных мужчин и 11,6% женщин, указавших своей религией ислам, «признались, что они — «не знакомы со Священным писанием». Кстати, следует отметить и «такой немаловажный факт», что лица, отнесшие себя к «атеистам» знают, к нашему сожалению, содержание Корана намного глубже, чем те, «кто считает себя истинным мусульманином» — (таких мужчин — 4,7% и женщин — 2,3%). Этот пример может, на наш взгляд, свидетельствовать о «рациональном мышлении этой категории людей и что именно та категория людей, может в будущем осознанно прийти к ислпму.

В ходе проводимой организаторами работы, их интересовал и вопрос относительно отправления респондентами религиозного культа. Весьма интересно — но пятикратное «чтение намаза», согласно ответам, соблюдают лишь 9,5% опрошенных мужчин, среди женщин таковых, увы, нет ни одной. В пятничные дни намаз читают только 9,5% мужчин и 1,1% женщин. В числе «респондентов» — не обученных «к чтению намаза» — мужчин — 33,3%, женщин — 44,2%

На вопрос «о знании священных сур из Корана», мы получили следующие ответы: «отрицательный дали — 33,3% опрошенных мужчин и 37,22% — женщин. Ответили «что знают нужные суры Корана» — 28,5% мужчин и 6,9% женщин. Смеем предположить, что отдельные наши респонденты путают «суры из Корана» с «калимой», т.е. «с истиной ислама».

В ходе опроса мы задавали респондентам и такой вопрос: «Как часто вы посещаете культовые здания»? Ответы на него были таковы: 21% опрошенных заявил — «посещаем мечеть раз в неделю и чаще», 19,2% респондентов признались, что ходят в мечеть «только раз в месяц», т.е. — «по мере необходимости». И, наконец, 33,3% респондентов, «посещают мечеть раз в год». В числе последних оказалось 10,5% респондентов. Отдельные из них (1,7%) «признали, что «они практически не посещают мечеть». И, наконец, 7% «правоверных» вообще затруднились ответить на этот простой вопрос. Опираясь на результаты опроса, можем утверждать, что мужчины проявляют «большую склонность к регулярному посещению мечети, чем женщины». Кстати, среди тех, кто посещает мечеть один раз в месяц и чаще, мужчин почти в два раза больше, чем женщин.

Непростым оказался для респондентов и наш вопрос «о знании ими религиозной обрядности». Так, 19% мужчин и12,8% женщин ответили, что «их практически не знают». 38% мужчин и 25,5% женщин «признались в «знании только некоторых религиозных обрядов». При анализе ответов тех и других, нами отмечена тенденция смешивания респондентами национальных обрядов с культовыми, частое непонимание ими культовых дефиниций.

К примеру, на вопрос, «что побуждает вас соблюдать культовые обряды?» — не смогли дать четкого ответа 47,6% мужчин и 55,8% женщин. Ответившие же на этот вопрос мужчины выделили в качестве побуждающих причин — «веру в Бога» — 23,8%, «собственный инстинкт» — 9,5%, «воспитание» — 4,7% «чувство национального самосознания». Опрошенные женщины выделили следующие причины: «вера в Бога — 12,7%, «уважение религии предков», «семейные традиции» — 1,1%, «собственный инстинкт» — 5,8%, «жизненная ситуация» — 2,3%. Для представительниц женского пола характерна психоэмоциональная зависимость от стрессовых ситуаций, отсутствие службы психоаналитиков. Все это вместе взятое, бесспорно, упрощает «деятельность

вербовщиков из нетрадиционных религиозных организаций и движений».

Ответы на вопрос организаторов опроса: «Как, по вашему мнению, ислам или другая религия содействует изменению мира?», показали более, лучшее отношение респондентов к — исламу: ему отдали предпочтение — 33,3%, опрошенных мужчин и 18,6% женщин, христианству (мужчины — 9,5%, женщины — 5,8%); «скорее к лучше к исламу» (мужчины — 19,5%, женщины — 17,4%), к христианству (мужчины (9,5%, женщины — 29,%), к другой религии (женщины — 1,1%), к атеизму — (женщины — 2,3%); никак не меняет: ислам (мужчины — 9,5%, женщины — 9,3%), христианство (женщины — 2,3%), другая религия (женщины — 2,3%); скорее к худшему: христианство (женщины — 4,6%), другая религия (мужчины — 14,2%); несомненно, к худшему: другая религия (женщины — 1,1%); затрудняюсь ответить, другие религии (женщины — 2,3%), атеизм (мужчины — 4,7%, женщины — 1,1%).

Некоторые респонденты твердо считают, что» отдельные течения ислама порождают терроризм — таковых среди мужчин — 14,2% респондентов, среди женщины — 1,1%.

В сложившейся ситуации организаторы, не удержались и задали респондентам дополнительный вопрос: «А как Вы отнесетесь к переходу Казахстана из светского государства в мусульманское?» Такой вопрос категорически отвергли 5,4% респондентов, 10% затруднились ответить на него. Но 6,4% респондентов ратовали за такой переход.

Подводя итоги проведенного нами опроса, мы можем однозначно констатировать, что число респондентов, осознанно считающих себя последователями ислама, в силу чего они совершают положенные культовые обряды, составило 20,9%речпондентов. Немаловажным фактом, получившим отражение в ответах респондентов следует признать и восприятие ими ислама как совершение некоей культовой обрядности, что говорит о необходимости пропаганды духовной составляющей ислама. Иначе говоря, последний должен стать, по нашему мнению, для казахстанского общества консолидирующей, духовно объединяющей силой, как это было в эпоху мусульманского ренессанса в средние века.

Одной из проблем взаимодействия ислама и общества в Казахстане может стать — приобщение к исламу. Первый путь (условно назовем его) «цивилизованным» — идет из-за границы, где обучается много молодых казахстанцев, постигающие в свободное от учебы время азы ислама (чаще всего с помощью «волонтеров религиозных сект»). Второй путь — это «добровольно-принудительный», т.е. — насаждение учения ислама радикального толка в исправительных учреждениях. Последние события, происшедшие в Казахстане — это явное свидетельство деятельности на его территории религиозной партии «Хизб-ут-Тахрир».

Официальные органы, как нам известно, не располагают данными о численности данной партии, однако, рост количества возбуждаемых дел о незаконной деятельности указанной организации, распространение ими листовок с призывами к антиконституционной деятельности воочию подтверждает теорию «их активного распространения не только в западной части, но и по всей территории нашей республики. Социальный состав, состоящих в движении «Хизб-ут-Тахрир», а также в аналогичных организациях показывает, что это в основном люди с низким уровнем жизни, или отсутствие жилья, или отсутствие работы, резкая маргинализация казахстанского общества и пр.

В последнее время руководители движения изменили тактику, их больше стали интересовать лица, имеющие вес и социальный статус в обществе, это свидетельствует об их желании попасть во властные структуры. Словом, это очень серьезная проблема. [1]. Нельзя не вспомнить в связи с этим, и факт использования ТРК «Казахстан-1» в качестве официального рупора по пропаганде учения «яссауи», а также официально зарегистрированная организация «Сенім.Білім.?мір», имевшая филиалы во всех областях Казахстана, активно действовавшая в Семипалатинске и Атырау. Вышесказанное является свидетельством цивилизованного распространения нетрадиционного религиозного учения, лидеры учения «яссауи» обучались, как известно, в Пакистане.

В качестве второй проблемы хотелось бы выделить и резко усилившуюся популярность ислама и информационный вакуум, отсутствие сильных наставников, учителей, богословов. Бездеятельность ДУМК в разъяснительной работе и пропаганде основ религиозного учения, в связи с этим активизация нетрадиционных религиозных организаций умело вовлекающих в свои сети людей, «пытающихся найти религиозную истину».

На наш взгляд, именно поэтому увеличивается количество лиц, участвующих в деятельности различных сект, именно поэтому все большее число молодых юношей и девушек переходит на нетрадиционный для казахского народа стиль

мужской и женской одежды. Запреты, насилие, применяемые властями, в связи с этим, вряд ли смогут решить поднимаемую нами проблему. Мы твердо полагаем, что необходима не только разъяснительная работа, но пропаганда и реклама национальной казахской одежды, разработка модных стилей, отражающих характер и черты нашей культуры, показывающая культурную идентификацию казахстанского общества. Разработка культурно-исторической программы с привлечением специалистов историков, модельеров, этнопсихологов и других специалистов детерминирована политической ситуацией, складывающейся сегодня в Казахстане.

И, наконец, третья проблема, о которой следует сегодня сказать — это мировоззренческий вакуум, образовавшийся в результате краха советского информационного пространства, уничтожения коммунистической идеологии. Кстати, Б. Бектурганова — президент Ассоциации социологов и политологов Казахстана полагает, что ислам в Казахстане — это «компенсация отсутствующей идеологии» [2].

Действительно свободная ниша стала активно заполняться сегодня различными религиозными ценностями, способствуя возрастанию религиозного самосознания, в результате чего, большая часть общества дружно «обратилась к религии». Данный процесс характерен, к глубокому сожалению, для всех азиатских республик постсоветского пространства. Слабым звеном казахстанского общества стало молодое поколение, прибывающее в наши города и аулов и отдаленных сел Республики.

С развалом СССР, повсеместно исчезла клубно-библиотечная культура, на почве которой, махрово разросся правовой нигилизм, пренебрежение к социальным институтам общества, его дефинициям, скептическое отношение к окружающему миру, которое, по сути дела, оказалось безразлично к судьбе аульной молодежи, к ее проблемам, что послужило толчком для массового процесса определения религиозной идентификации, ибо этническая идентификация была определена с созданием независимой Республики Казахстан. Традиционный же ислам в Казахстане еще со времен нахождения его в составе Российской империи не охватывал всех аспектов религиозной мусульманской принадлежности, а двоеверие казахского народа к нему, было подмечено еще Чоканом Валихановым. Учение же ислама несли в казахский народ, в основном, татарские муллы. Да и мы — казахи. Да, мы — мусульмане. Но почему именно сейчас, на рубеже двух веков идентификация себя стала столь обостренной?

Ответ на этот вопрос дает, в известной степени социологический опрос, проведенный А. Балаевой — «Кем Вы себя ощущаете в первую очередь?» Он же показал и то, что 54% респондентов идентифицируют сегодня себя — через отношение к гражданству — «я гражданин Республики Казахстан [3, с. 11]

Мы считаем, что нерешенность социально-экономических вопросов на селе, безработица, отсутствие перспектив и нереализованные возможности с одной стороны, и неожиданная поддержка религиозных эмиссаров, «их содействие людям в решении финансовых и других проблем с другой, обеспечивают, порою выбор, явно не в пользу государственной политики. В силу этого, деревне необходима широкомасштабная государственная программа по занятости сельской молодежи.

Четвертая проблема — законодательная: 29 сентября 2011 года парламент Казахстана принял закон «О религиозной деятельности и религиозных объединениях», который вызвал широкую дискуссию и неоднозначную оценку во всем мире. Ранее — в мае того же года было создано в Республике — Агентство по делам религий, ставшее преемником Комитета по делам религий. Возглавил, как известно, Агентство Кайрат Лама Шариф. Выступая на духовном форуме в Астане он сказал: «Ни одна религия не должна устанавливаться в качестве государственной и обязательной, в то же время в преамбуле закона подчеркивается историческая роль ислама ханафитского учения и православия в развитии культуры и духовной жизни казахстанского народа, а не оставлено без внимания и уважение к другим религиям, сочетающимся с его духовным наследием».

В соответствии с новым законодательством закрылись ранее открытые молитвенные комнаты в государственных учреждениях, организациях здравоохранения и образования. Если мы объявили себя светским государством, то соответственно и не нужно было противоречить своей заявленной позиции и не открывать комнаты для культовых обрядов. Если мы стали религиозным государством, тогда мы должны все дружно — пятикратно — читать намаз. Всплеск негативных эмоций, направленных против закона свидетельствует не только о своевременности принятия закона, но и возможном пресечении деятельности деструктивных сил, действовавших на территории Казахстана. Ведь согласно статье закона имеющиеся религиозные организации должны пройти процедуру регистрации, в рамках которой будет

изучена распространяемая ими религиозная литература. Такая регистрация предусматривает, как известно, несколько этапов проверки, в частности религиозные организации, имеющие число своих членов менее 50 не должны регистрироваться. Закон позволяет осуществлять жесткий контроль за деятельностью миссионеров (вплоть до ограничения мест их богослужения).

Зарубежные организации и главы правительств выразили обеспокоенность ограничениями религиозной деятельности на территории Казахстана, заявив, что «действия казахстанского правительства подтолкнут к активизации экстремистских сил в крае». И их «предостережения» не заставили себя долго ждать. Первая открытая угроза Казахстану в связи с принятием вышеназванного закона прозвучала уже 21 октября 2011 года. В появившемся видеоролике прозвучало требование к правительству отменить вышепринятый закон.

Высказывания об ошибочности отдельных пунктов закона, о необходимости открытия молитвенных комнат и другие заявления вызывали закономерное недоумение, создав, в конечном счете, впечатление, что все казахстанское общество «поголовно исламизировано», и все в государстве стали настолько религиозны, что граждане уже не в состоянии решить: то ли работать им, то ли молиться. И здесь уместно привести слова тюргешского правителя Сулу-кагана. Немного перефразируя их, можно сказать, «если все будут молиться, то кто будет работать?»

Нельзя не согласиться с мнением и известных политологов о том, что принятый закон не станет «препятствием для экстремизма». К примеру, Досым Сатпаев, вполне справедливо заявил, «что Казахстан входит в опасную фазу, но это никак не связано с законом. За двадцать лет в Казахстане выросло новое поколение, не знавшее ни Советского Союза, ни коммунистической идеологии... Оно в состоянии более кардинально и радикально решать политические вопросы. К этому следует добавить его низкий уровень образованности и духовную нищету» [4]. Полагаем, что здесь можно говорить и о наличии духовной деградации у молодых».

Словом, гражданское общество Казахстана должно стать на защиту своих конституциональных прав и свобод, только оно способно защитить и себя, и свое государство от религиозного экстремизма. Касаясь этой темы, Айдос Сарым со всей определенностью заявил, «что общество должно само сметать террористов и экстремистов в Казахстане. Требуется лишь каждому из нас «выработать твердую гражданскую позицию, неприятия террора, воинствующего ислама, с целью недопущения к нам радикального ислама».

Государственным же структурам Казахстана следует обратить пристальное внимание на возможные причины, способствующие порождению исламского экстремизма, в частности, социально-экономический фактор — нерешенность социальных проблем, бытовую неустроенность, низкий жизненный уровень, в силу чего, обращение к религии может стать формой протеста, что, в свою очередь, может спровоцировать беспорядки или обычные забастовочные явления, где будет идти процесс идентификации на «своих» и «чужих» уже по религиозной принадлежности, вплоть до попытки отделения региона (области) от центра.

Маргинализация и поляризация казахстанского общества, усиливающаяся пропасть между социальными слоями, деление на бедных и богатых, и акценты СМИ и ТВ на вызывающих негодование параллелях — популистские статьи и видеоролики о виллах и хрущобах, все в совокупности очень напоминает пружину, которую накручивают специально для того, чтобы в необходимый момент отпустить и взорвать таким образом ситуацию. Гласность и демократия нам нужны для стабильности, но не для дестабилизации положения Казахстана.

Внешнеполитический фактор, геостратегическое положение нашего государства, находящегося на стыке трех мировых религий, наркотрафик и «прочие прелести близости соседства» с неспокойными азиатско-мусульманскими странами. К сожалению, мы все находимся под контролем мейнстрима — ортодоксального ислама, который оккупировал все страны мира. Мы не можем отрицать религию вообще, мы относим себя к мусульманам, это наша история, то часть нашей цивилизации. Однако мы вынуждены констатировать наличие в нашем обществе сил, способных спровоцировать столкновения на религиозной почве, радикальный ислам это гражданская война, пример страны арабского мира.

Государственная политика направлена на сохранение мира в стране, стабильности и веры в завтрашний день. Если мы хотим знать, что завтра есть будущее, мы не должны позволять кому-либо вмешиваться во внутренние дела нашей страны, вторгаться в наш дом чуждым идеям, мы должны поставить преграду — закон, позиция, духовность, образованность, вера, культура, традиция, идентичность и ментальность, как дань прошлого и взгляд в будущее.

Согласно Конституции мы светское государство, нас 16 миллионов, большая часть нашего

населения не относит себя к адептам какой-либо религии. Вера и уважение предков, поклонение им и духам природы, понимание связи с всевышним не требует демонстрации религиозных чувств, тем более показательных культовых актов. Вера также как и всевышний в каждом из нас, главное не потерять ее.

В настоящее время в Казахстане запрещена деятельность террористических организаций, так или иначе приписывающих себя к исламу: в их числе помимо Аль-Каиды, Исламского движения Узбекистана, Курдского народного конгресса, Исламского движения Восточного Туркестана фигурируют и «Братья-мусульмане», движение «Талибан», «Боз гурд», «Асбат аль Ансар», Жамаат моджахедов Центральной Азии. Запрещена деятельность признанной экстремистской организации «Хизб-утТахрир» и оккультных течений «АлляАят» и «Атажолы».

Жесткость в религиозном вопросе необходима в комплексе решения социальных проблем, в информационно-разъяснительной работе среди населения, особенно молодого поколения, в разумности и компромиссности реализации религиозной политики.

Библиографический список

1. Доброта Л. Омут под названием «Хизб-ут-Тахрир» «Казахстанская правда», №48, 5 марта 2006.
2. Юнусова С. Казахстану исламизация не грозит//Доживем до понедельника, №16, 13-19 апреля 2000.
3. Балаева А. Этно-религиозная идентификация молодежи Казахстана: социологический аспект. Автореферат дисс...к.с.н. — Астана, 2010. — 14 с.
4. Сатпаев Д. Казахстан входит в опасную фазу — 28 сентября 2011 г. [Электронный ресурс]// http://news.nur.kz

Об авторе
Жанбосинова А. С. — доктор исторических наук, профессор Восточно-Казахстанского государственного университета им. С. Аманжалова, г. Усть-Каменогорск

Zhanbosinova A.S.

Religion — society: the search for a compromise

Abstract. The sovereign path of development for 25 years, has shown a variety of acute problems, including problems caused by an aggravation of the religious question, in particular Islam. Central Asia and Kazakhstan differ in the content of religious policy and the attitude of society to this problem. The unique geopolitical position of Kazakhstan at the junction of three world religions and multi-confessional palette with one hand stability of the state development, on the other not protect the state from radical Islam. The author provides an analysis of the religious question in Kazakhstan, shows society's attitude to Islam in particular.

Keywords: Islam, religion, Islam, society, politics, state

Статья поступила в редакцию 21.12.2016

УДК 902

Б. Р. Зориктуев

О монгольском суперэтносе в XIII в.[1]

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ

Аннотация. В 1206 г. Чингис-хан на основе вождества монголов Трехречья (истоков Онона, Керулена и Толы) приступил к строительству первого в истории монголов государства. Доминировавшие в его границах центростремительные тенденции привели к сложению целостного этнического организма, который, характеризуясь социально-экономическим, культурным и языковым единством входивших в его состав этносов, классифицируется как суперэтнос. В настоящей статье помимо определения типологии данной общности, впервые в российской этнологии выявлены и проанализированы ее основные признаки.

Ключевые слова: монголы Трехречья, вождество, государство, суперэтнос

История Монголии конца XII — начала XIII в. Наполнена острой междоусобной борьбой за гегемонию в степи. Главными претендентами на власть в стране были тогда главы вождеств (в этническом плане, в отеч. этнологии — это понимается как «соплеменность, или группа родственных племен») [Свод. С. 99, 122], потому что наиболее многочисленные и боеспособные войска могли выставить только находившиеся в их подчинении племенные объединения. Не остался в стороне от этой борьбы и Чингис-хан. Обладая, по признанию современников, «природным талантом военачальника, он громил своих противников одного за другим. Первыми испытали его силу и натиск татары, за ними пришла очередь — кереитов, найманов и меркитов, а следом за ними и группировки «его названного брата» — Джамухи, вобравшая в себя более, десятка племен и родов. С казнью последнего» происшедшей в 1205 году, завершилось и «смутное для Монголии время», когда, по словам современников, «шла всесветная брань и всесветские грабежи друг друга». То была не только борьба ханов за всемонгольский престол, но и «осуществлялась волею Высокого Неба — битва этносов за господство в Монголии». У побежденных — у упоминавшихся уже выше татар, меркитов, кереитов и майманов эта война навсегда прервала их дальнейшее этническое развитие. Отныне эти группы, представлявшие на рубеже XII-XIII вв. значительную силу, теперь оказались, (в этническом плане) далеко отброшенными назад, ибо теперь они все были низведены до уровня небольших родов, которые не в силах были быть самостоятельными. В силу этого, их удел состоял ныне — лишь «в жалком влачении своего существования в составе каких-либо крупных народов, обитавших на необъятных просторах Евразии.

Что касается монголов, то с их победой существенно ускорились параллельно развивавшиеся в регионе процессы «объединения и монголизации обширной евразийской страны». Иначе говоря, на огромной евразийской территории начала складываться хозяйственная и культурная общность, общим для населения которой стал язык ведущего монгольского этноса. Официально же объединение его, страны в целом, оформил *курултай* представителей ханского рода и кочевой знати, который состоялся весной 1206 года, на котором Чингис-хан был вторично объявлен ханом (первая его «интронизация как главы монголов Трехречья» имела место, согласно, «Сборнику летописей» и «Юань ши», — в 1203 или 1204 г., по другим источникам — в 1189 или в 1190 г. (иначе говоря этот вопрос нуждается в дальнейшем своем изучении. — *Б.З.*). Но, как бы, там ни было, с 1206 года Чингис-хан стал всенародно провозглашенным «Верховным правителем всей Монголии». Иначе говоря 1206 год стал и годом рождения первого в истории монголов государства, которое стало именоваться в дальнейшем — «Великим Монгольским государством» («Yeke Mongyol Ulus»).

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Правительства Российской Федерации № 14.W03.31.0016 «Динамика народов и империй в истории Внутренней Азии».

Государственное строительство последнего сопровождалось, как известно, развитием качественно новых объединительных процессов. Его же правитель — Чингис-хан, — придя к власти, оказался обладателем громадной территории, привести население которой «под свою высокую руку» оказалось не так-то просто. Известный российский исследователь Б.Я. Владимирцов, касаясь того времени, подметил, что, Чингис-хан, став правителем Монголии, «ничего нового у себя не вводил» [Владимирцов. С. 96]. Однако в этой «заметке» исследователя, нам видится явная недооценка деятельности молодого монгольского правителя, ибо отличия созданного им государства от предшествовавших ему «степных сообществ» были налицо. К их числу следует, в первую очередь, отнести выстроенную Чингис-ханом военно-политическую систему, которая «безжалостно разрушила высшие звенья былой социально-политической организации номадов», а сокрушив их, молодой правитель, пусть частично, но все же перетасовал былые этнические подразделения «номадов», устранив тем самым, угрозу появления сепаратизма в своем государстве, по крайней мере в его традиционной для номадов форме (в виде — откочевок от неугодного правителя) [Хазанов. С. 374-376].

Созданное Чингис-ханом государство возникло, как известно, на базе «вождизма монголов Трехречья», которое способствовало объединению других монгольских этносов. С другой стороны, «Чингизово государство» способствовало оформлению его населения в территориальном и политическом отношении, т.е. оно создало определенную общность его экономических, социальных и других интересов, что, в конечном итоге, обеспечило молодому государству достаточно высокий уровень сплоченности его населения. Большую роль в этом процессе, сыграли, по свидетельству исследователей, «сборы воедино значительных масс людей на общественные работы или при военной опасности, а также создание внутригосударственных коммуникаций всех видов, для передачи «срочной,

разнохарактерной информации, что особенно было важно при отсутствии письменности, которая при наличии чтеца выполняла свои информационные функции даже тогда, когда что большая часть населения страны была неграмотной [Арутюнов, Чебоксаров. С. 27]. И здесь, нельзя не учитывать еще один момент — вся деятельность Чингис-хана была подчинена одной, главной цели: объединить страну, руководство которой правитель осуществлял из одного центра. Беря это во внимание, можно с полной уверенностью утверждать, что без наличия и доминирования внутри государства мощных центростремительных сил, даже гений не в состоянии был бы создать целостный этнический организм, которому были бы присущи социально-экономическое, культурное и языковое единство входившего в его состав населения.

Поскольку сложившаяся целостность охватывала всех жителей большого многоэтничного Монгольского государства, то для определения его типологии, позволим себе применить термин «*народ*», который в отечественной этнологии употребляется в двух основных понятиях: философско-политическом и этническом. В первом случае, он используется для обозначения особой исторически сложившейся многонациональной политико-экономической и идейно-культурной общности (например, «советский народ», «многонациональный российский народ»), во втором случае — для обозначения всех исторически сложившихся типов этнических общностей [Свод. С. 68]. А поскольку, монгольское государство объединило в своих границах разные по происхождению и культуре этносы, то всю эту многоликую общность, исходя из первого значения термина «*народ*», можно квалифицировать как «суперэтнос».

Как известно этот термин, впервые ввел, в свое время, в этнологию известный советский исследователь Л.Н.Гумилев. «Суперэтнос» по его мнению,– это есть этническая система, состоящая из нескольких этносов, единство которого манифестируется в наличии общей ментальности, консолидирующей разнообразные этносы. Поэтому «суперэтнос» олицетворяет собой «идейно-религиозную и культурную целостность», что предполагает экономическое, политическое и идеологическое общение внутри нее. Ядром «суперэтноса» является, как правило, группа этносов, возникшая в одном регионе. В дальнейшем в орбиту уже сложившегося «суперэтноса» могут быть включены народы иного генезиса» [Гумилев. 2004. С. 550-551].

На наш взгляд, в XIII веке центральную зону монгольской ментальности составили имя «*монгол*» и господствовавшая на территории Монголии традиционная шаманская религия. С приходом к власти Чингис-хана интенсивное развитие получил процесс «монголизации» страны. Это было предопределено тем, что ядро монгольского суперэтноса составило «объединение монголов Трехречья», ставшее элитой огромного населения. Иноплеменников ждало, как правило, «вытеснение из страны или же «ассимиляция их монголами», которой «иноплеменник должен был доказать

свое право быть включенными в их этническую среду, а также верной службой [Викторова. С. 174, 175]. Постепенно это привело к тому, что не только государство, но и вся его территория по названию безраздельно господствовавших на ней монголов стала именоваться «Монголией», а ее население, независимо от происхождения — «*монголами*». Как писал, в свое время, Рашид-ад-дин: «В настоящее время, вследствие благоденствия Чингиз-хана и его рода, поскольку они суть монголы, — [разные] тюркские племена, подобно джалаирам, татарам, ойратам, онгутам, кераитам, найманам, тангутам и прочим, из которых каждое имело определенное свое имя или прозвище, — отныне все они ради самовосхваления называют себя [тоже] монголами, несмотря на то, что в древности они не признавали этого имени. Их теперешние потомки, таким образом, воображают, что они уже издревле относятся к монголам и именуются [этим именем], — а это не так, ибо в древности монголы были [лишь] одним племенем из всей совокупности тюркских степных племен» [Рашид-ад-дин. С. 103].

Принятие населением большого полиэтнического государства имени «*монгол*» явилось следствием сформировавшегося у него единого с монголами этнического самосознания. Некоторая часть населения Монголии, как свидетельствуют материалы, стала называть себя «*монголами*» не в силу непосредственного распространения этого «имени», а только после того, как оно стало официальным названием Чингизова государства. Таковым же оно стало, разумеется, с 1206 г., хотя первое упоминание о нем — «Yeke Mongyol Ulus» появилось в письменных источниках только в 1211 г. К примеру, Ли Синьчуань (автор сочинения «Цзянь-янь и-лай чао-е цза-цзи») — писал тогда: «Когда монголы («мэн-жэнь») вторглись в государство Цзинь, [они] назвали себя «великим монгольским государством» [«да мэн-гу го»]. Поэтому пограничные чиновники и прозвали их «Монголией («Мэн-гу»)» [Мэн-да бэй-лу. С. 123, прим. 92]. К числу групп, которые стали называться «монголами» после появления политонима — «*монгол*», можно отнести, наверное, и ойратов, которые в свое время противостояли Чингис-хану в составе группировки Джамухи. После ее разгрома, часть их (т.е.«ойратов»), укрылась на своей родине — в «верховье Енисея», которые окончательно подчинились монголам в 1207 году (тогда монгольский отряд во главе с Джочи («Джучи») совершил свой карательно-завоевательный поход по Северо-Западной Монголии и долине Енисея). Надо полагать, что после покорения монголами ойраты и стали прибавлять к своему имени слово «*монгол*», *дабы* ощущать себя, если не «*ойратами*, то хотя бы и» *ойрат-монголами*».

К концу XIII века, как свидетельствует «Сборник летописей», все этнические и территориальные группы населения Монголии уже называли себя не иначе как «*монголами*». Это говорит о том, что к этому времени сложение этого суперэтноса стало уже свершившимся фактом. В противном случае, монголы не стали бы известны в мире под этим именем уже в период завоеваний. Единое этническое самосознание стало важным цементирующим началом, которое привело всех людей, независимо от их происхождения, к осознанию своей принадлежности не только к своему «родному» этносу, но и к жителям всего Монгольского государства. Наблюдения же показывают, что на основе этнического самоопределения, в котором центральное место занимает представление о единстве происхождения и об исторических судьбах членов той или иной этнической общности, опирающееся на общую генеалогию, совместное участие в исторических событиях, на связь с родным языком и родной землей, складывается образ своего народа, не похожий ни на какой другой и обладающий наилучшими, с точки зрения людей данного этноса, этническими характеристиками. Так обстояло дело и у этносов, вошедших в состав монгольской суперэтнической общности. У них же закрепилось некогда сложившееся общее выражение «*эсгий туургатан ул*» (букв. «живущий в войлочных стенах народ»), которое они по отношению к себе употребляли. Все этносы считали себя одним народом, который в силу своей одаренности, создал уникальную кочевую культуру, обладает богатым языком, насыщенной яркими событиями историей и т.д. Осознание принадлежности в XIII веке к единому монгольскому этносу до сих пор вызывает у представителей всех современных монгольских народов щемящие сердце чувство — чувство сопричастности к судьбам общемонгольского мира, любви к монгольскому языку, монгольской истории, культуре и т.д. На основе подобного комплекса чувств и переживаний сложился в дальнейшем соответствующий тип поведения и состояния психики, выражающийся в готовности защищать и отстаивать интересы не только своего народа, но и всех других монгольских народов.

В русле сказанного неудивительно, что в XVII веке т.е. во время завоевания Халхи маньчжурами, сформировалось так называемое «панмонгольское движение», основанное на идее воз-

рождения Великого Монгольского государства XIII-XIV вв. В дальнейшем под этим термином стало пониматься движение за национальное самоопределение и возрождение монгольских народов (политическое и культурно-этническое), за создание самостоятельного государственного образования. Поскольку это движение отражало интересы населения всего монгольского мира, то оно в немалой степени способствовало сохранению и укреплению этнических, исторических и языковых связей между народами. Панмонгольское движение в России достигло наибольшего своего развития в начале XX века. В это время идея «возрождения «монгольского единства» получила широкое развитие среди бурятских демократов-просветителей Ц.Жамцарано, Э.-Д.Ринчино, М.Н. Богданова, Б.Барадина и др. Как политическое течение «панмонголизм» прекратил свое существование в Советском Союзе в 1937-1938 гг. Тогда в годы «Большого террора» было «физически уничтожено более двух тысяч «панмонголистов» (в числе которых 1033 буддийских священнослужителя). Многие «панмонголисты были арестованы и преданы суду. Согласно их приговорам, несколько десятков осужденных были приговорены к расстрелу, а большая их часть была отправлена в тюрьмы и лагеря. В конце XX века идеи «панмонголизма вновь обрели свою силу и в очередной раз стали одним из интегрирующих факторов для представителей монгольского мира» [Историческая энциклопедия. С. 577].

Другой составляющей центральной зоны монгольской ментальности был и по сей день остается шаманизм, который, будучи мощной духовной силой, пронизывал жизнь всех слоев монгольского общества. Главное место в его пантеоне принадлежало, да и ныне принадлежит верховному божеству: «Вечному Синему Небу» («Хох Монх Тэнгэр»). Кстати, китайский источник «Мэн-да бэй-лу» подчеркивает, что «В первый день первой луны [они — монголы] непременно поклоняются Небу. То же самое они делают и в [праздник начала лета] «чун-у» (т.е. в 5-й день пятой луны по китайскому календарю, этот праздник они еще называют «дуань-у» — *Б.З.*)» [Мэн-да бэй-лу. С. 75].

Небо у монголов, издавна являлось олицетворением высшего духа; оно представлялось им в образе творца жизни, вершителя судеб, правителя мира. Небо всегда считалось, да и сегодня считается мужским началом, дарующим жизнь, и потому оно называлось «Отцом» («*Эцэг*»). По велению Верховного Неба был рожден, согласно сказанию, первопредок Чингис-хана Бортэ-Чино. В силу этого, монголы считали (да и сегодня считают), что Чингис-хан имел небесное происхождение, а посему, он твердо верил в то, что все его действия, в том числе и право властвовать над народами, ему предопределено Небом. Несомненно, это был мощнейший побудительный стимул, который, наряду с другими, понудил Чингис-хана сделать внешнюю экспансию «основной политикой своего государства».

Вторым божеством в шаманском пантеоне была и по сей день остается богиня земли — «Этуген». Земля всегда была у монголов олицетворением женского начала. В силу этого, она и называлась «Мать-Этуген» («Эх Этуген»). Она всегда считалась добрым божеством, Её имя всегда сопровождалось эпитетом «*алтан*», *т.е.* — «золотая». Бурятам, а некогда, вероятно, и всем монголам Этуген представлялась старушкой, живущей внутри земли и дарующей людям богатство и плодородие [Михайлов. С. 225]. От Неба и Земли зависело очень многое в жизни монголов, включая важные, судьбоносные моменты. Так, Хорчи, сподвижник Тэмуджина, предрекая ему ханский престол, поведал о снизошедшем на него откровении, в котором главное действующее лицо — бык, ревя, произносил: «Небо с Землей сговорились, нарекли Тэмучжина царем царства» [Козин. С. 121].

У монголов боготворение Земли выражалось в двух формах: в общем ее почитании и в почитании отдельных ее местностей. Поскольку каждая этническая или военно-административная единица имела свою территорию для кочевания, то в силу этого, у монголов существовали и свои родовые, племенные и территориальные духи-покровители. Для них они всегда устраивали специальные обряды с жертвоприношениями, которые назывались «*тайлга*». Помимо таких божеств и духов, монголы-шаманисты, верили, что мир населен огромным количеством других духов, подразделявшихся на «добрых и злых». Из них особым почитанием пользовались духи огня, воды и дверного порога. В кодекс монгольских законов — «Великую Ясу» — Чингис-хана были включены статьи, которые под страхом смерти запрещали их оскорбление. Чтобы не допустить этого, запрещалось перешагивать через огонь в очаге, лить на него воду, касаться острыми предметами, кидать в огонь грязь и мусор. Также считалось недопустимым засорять речную и озерную воду, умываться и стирать в ней одежду. Существовал категорический запрет купаться в воде женщинам. Дверной порог, отделяя юрту от окружающего чужого мира, оберегал покой, достаток и благодать

(«*буян-хишиг*») внутри жилища, препятствовал проникновению в него зла извне. Поэтому запрещалось стоять или сидеть на пороге, разговаривать через него [Ишжамц. С. 37].

По мнению исследователя У.Раульфа, ментальность материализуется в мышлении, чувствах людей и их действиях [История ментальностей. С. 39]. Поскольку одним из результатов проявления человеческой деятельности является все многообразие культуры, то можно утверждать, что ментальность определяет формы и содержание любой культуры, включая и этническую. Переводя разговор на монгольскую ментальность, отметим, что ее формирование привело к сложению в границах монгольского суперэтноса идейно-нравственной и культурной целостности. Большую роль в закреплении этой целостности сыграла «Великая Яса» Чингис-хана, ставшая одной из высших форм проявления монгольской ментальности. «Великая Яса» («Их засаг») — это письменный свод монгольских законов и установлений, обнародованный на всемонгольском *курултае* в 1206 году. В принятый на нем закон, были включены и юридически закреплены тщательно отобранные вековые обычаи степи, необходимые для успешного функционирования Монгольского государства. Исследователи полагают, что «Яса» была составлена самим Чингис-ханом. В силу этого, она и пользовалась, по их мнению, огромным уважением у монголов. Ему приписываются, к примеру, слова: «У степных народов, которых я подчинил своей власти, воровство, грабеж и прелюбодеяние составляли заурядное явление. Сын не повиновался отцу, муж не доверял жене, жена не считалась с волей мужа, младший не признавал старшего, богатые не помогали бедным, низшие не оказывали почтения высшим, и всюду господствовали самый необузданный произвол и безграничное своеволие. Я положил всему этому, конец и ввел законность и порядок» [Цит. по: Гумилев. 1997. С. 481].

Величайшее этнокультурное значение «Ясы» состояло еще и в том, что она не знала этнических границ, через уста «*нойоно»в* и высшей знати «Яса» доходила до рядовых людей и утверждала на огромной территории Монгольского государства не только единые законы, но и единые духовно-культурные ценности. В результате, многие собственно монгольские и заимствованные ими у «покоренных этносов» традиции и обычаи, лучшие культурные достижения стали в последующем, общемонгольскими, в равной степени доступными для жителей всего государства. В этой связи, следует отметить и то, что «Яса» стала мощным средством сплочения всего населения страны. Она объединяла людей на всех этнических и социальных уровнях от небольшого родового подразделения до крупной метаэтнической общности, т.е. «суперэтноса», от низовой военно-адиминистративной единицы «*арвана»* (десятка) до государства. Словом, «Яса» выступала в качестве хранителя и пропагандиста идей этнополитического единства монголов, культивировала в народе идеи незыблемости его основных этнических доминант — преданности Великому хану, веры в его происхождение от Вечного Синего Неба, (Бортэ-Чино и Бодончара). Этот кодекс без сомнения стал выражением национального сознания и самосознания монголов и в полной мере отразил их личностные черты, вызывавшие удивление и восхищение иностранцев.

Библиографический список

1. Арутюнов С.А., Чебоксаров Н.Н. Передача информации как механизм существования этносоциальных и биологических групп человечества // Расы и народы. Вып. 6. М., 1972.
2. Викторова Л. Монголы. Происхождение народа, истоки культуры. М., 1980.
3. Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934.
4. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. Кн. I. М., 1997.
5. Гумилев Лев. Этносфера. История людей и история природы. М., 2004.
6. Историческая энциклопедия России. Новосибирск, 2009.
7. История ментальностей, историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1996.
8. Ишжамц Н. Обычаи и нравы монголов XII-XIV веков // Studia Mongolica. Tom. II. Fasc 1-17. Ulan-Bator, 1975.
9. Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. Введение в изучение памятника, перевод, тексты, глоссарии. М.; Л., 1941.

10. Михайлов Т.М. Из истории бурятского шаманизма (с древнейших времен по XVIII в.). Новосибирск, 1980.
11. Мэн-да бэй-лу. («Полное описание монголо-татар»). Факс. ксилографа. Пер. с кит., введ., комм. и прилож. Н.Ц.Мункуева. М., 1975.
12. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т.1, кн.1. М.;Л., 1952.
13. Свод этнографических понятий и терминов. Этнические и этносоциальные категории. Вып. 6. М., 1995.
14. Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Алматы, 2002.

Об авторе
Зориктуев Б. Р. — доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом истории и культуры Центральной Азии Институт монголоведении, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ

Zoriktuev B.R.

About mongolian supra-ethnos in the XIII century

Abstract. In 1206, Genghis Khan started building a state based on the sociopolitical organization of the Three River Mongols that became known as the Yeke Mong?ol Ulus. The centripetal tendencies that existed within its borders led to the formation of an integral ethnic organism characterized by socioeconomic, cultural and language unity of the constituent ethnos, which is determined as a supra-ethnos. The existence of the Mongolian supra-ethnic entity manifested itself in the presence of a common mentality in which the name *Mongol* as well as traditional Shamanistic religion formed the key zone in its ideological, moral, and cultural unity.

Keywords: Three River Mongols, chiefdom, state, supra-ethnos

Статья поступила в редакцию 15.12.2016

УДК 902

Н. Ф. Иванцова

Общество и власть в россии в годы первой мировой войны 1914 — начале 1917

Московский государственный педагогический университет

Аннотация. Работа посвящена выявлению особенностей взаимодействия власти, Николая II и различных политических сил в России перед февральскими событиями 1917 г.

Ключевые слова: Общество России, Дума, Николай II, Февральская революция

Исследование проблемы «российское общество и власть», в период, как ее и сейчас называют многие исследователи, «империалистической» войны, не носило системного характера и негласно считалось неактуальным. В результате такой политики в рамках ленинской концепции и господствующих методологических установок, во-первых, целые сегменты, относящиеся к данной проблематике, оказались невостребованными, во-вторых, по упрощенной схеме рассматривалось взаимоотношение власти и общества: «господствующие классы поддержали царское правительство, которое обеспечило им получение сверхприбылей, рабочие и крестьяне из-за кризиса производства и ухудшения в связи с этим материального положения выступали против участия России в войне, которая явилась«катализатором революционного взрыва». В настоящее время советская историографическая традиция практически не изменилась.

В 2014 г. мир отметил важное событие — 100-летие начала войны Первой мировой войны, которая была фактически выиграна царской Россией, о чем сегодня тоже говорят немногие. Русский фронт обеспечил победу Антанте, которую она и отпраздновала без своего основного союзника. В.В. Путин отметил: «Большевики украли эту победу у России». Уточню, не только победу, но и историю и не только большевики. У историков есть значительное поле для размышлений. Отечественная война, как ее называли современники, предоставляет исследователям возможность осуществить объективное и всестороннее освещение ее многих проблем, в том числе, и такой, как «общество и власть России в период войны».

Общество было настроено на победу уже до конца 1914 г. Надо отметить, на юго-западном и кавказском фронтах в 1914 — начале 1915 гг. русские добились значительных успехов. Да и на северо-западном военные действия в обозначенный период шли на территории противника. Только весной 1915 г. Германия, спасая Австро-Венгрию от разгрома и перенеся основное направление своих операций на Восток, нанесла удар по российским войскам на польско-австрийской территории в районе Громники-Горлица.

Однако, «непоправимой катастрофы», о чем писали советские, да и утверждают ряд современных исследователей, не было. За одиннадцать месяцев войны Россия потеряла убитыми 192763 человека, в то время как Германия 500 тыс. Подчеркнем, немцы не достигли своей основной цели — разгромить русскую армию. Русские, предотвратив разгром Франции, сорвали и австро-германский план молниеносной войны.

Известно, что царь принял на себя летом 1915 г. командование армией, посчитав, что в тяжелые дни отступления он должен находиться на передовой. Принятие командования в данных условиях несомненно свидетельствовало о большом личном мужестве царя. Даже тогда, когда и самые близкие советовали ему этого не делать, он не мог позволить себе спрятаться за спину дяди Николая.

Следующие полтора года он большую часть времени проводил в Могилеве, куда была перенесена ставка, в то же время контролируя вопросы снабжения армии. Деятельность Николая II по перестройке экономики (создание Особых совещаний по обороне, топливу, продовольствию, перевозкам, комитетов по военной промышленности, введение продразверстки, передача кооперации организации продовольственного дела и пр.) привела к тому, что армия с конца 1915 г. снабжалась бесперебойно всем необходимым, о чем, кстати, свидетельствуют многочисленные письма солдат с фронта, которые издавались в 90-е гг. в журналах «Родина» и «Военно-исторический, где

подчеркивалось, что «патронов и снарядов приказано не жалеть»

Британский военный атташе Д. Хэнбери-Уильямс в начале 1916 г., обсудив вопрос о снабжении армии боеприпасами с генералом Алексеевым и адмиралом Русиным, отмечал, что, «благодаря энергии императора в этом вопросе заметен значительный прогресс». У. Черчилль в своих мемуарах писал, что русский фронт находился в несомненно более выгодном положении: уже в 1916 г. «снарядный голод был преодолен, склады были переполнены боеприпасами, а призывные пункты новобранцами и добровольцами», а главное, в стране в отличие от других воюющих стран не ощущался недостаток продовольствия.

Данные, представленные в новейших исследованиях, свидетельствуют о том, что предприятия, связанные с военным производством, увеличили выпуск продукции: станкостроение — в 10 раз, электротехника — 3,6 раза. В тяжелой промышленности ежегодный прирост составлял 10%. Было построено 5 автозаводов, достроено 12 тыс. км железных дорог, производство самолетов выросло до одной тысячи в год.

Успех воюющих стран определялся не только выигранными сражениями, состоянием экономики, но и стабильностью в обществе. В советской историографии господствовал тезис о том, что «война поставила Россию на грань краха»,заявлялось о закрытии сотен предприятий, массовой безработице, прекращении железнодорожного строительства, падении объемов сельскохозяйственного производства и пр.

Новейшие данные, введенные в 90-х гг. в научный оборот, показывают, что общий объем промышленной производства вырос. Валовая продукция промышленности в 1915-1916 гг. составляла 110% к уровню 1913 г. Так добыча угля выросла с 1,9 в 1914 до 2,1 млрд пудов в 1916 г., нефти, соответственно, с 550 до 602 млрд пудов. Посевные площади, в целом, выросли на 15-20%. Было достроено 12 тыс. железных дорог, в том числе, начатое в марте 1915 г. строительство железных дорог на Мурманск длиной в две тыс. км и Барнаул-Бийск было завершено к концу 1916 г.,

Разруха в российской промышленности уходила своими корнями не в Первую мировую войну, а в революцию, которая означала, прежде всего, торжество деструктивного начала над порядком. 1917 г. характеризовался резким спадом производства: на 20 % к уровню 1913 г. и на 25,8% к показателям 1916 г.

Во время войны наблюдается рост цен на продовольствие. Хлеб подорожал к концу 1916 г. на 91 % к уровню 1913 г. В Германии, заметим, уже в первый год войны цены выросли в восемь раз. Крестьяне(а это 85% населения), дожидаясь повышения цен,т.е. более благоприятной рыночной конъюктуры, в 1915-1917 гг. все менее охотно продавали свои продукты. Поэтому к октябрю 1917 г. в крестьянских хозяйствах только Западной Сибири в запасе оставалось не менее 130 млн пудов, в Европейской части России — около 400 млн пудов, т.е. можно утверждать, что и продовольственная ситуация была далека от критической.

В начале войны патриотический подъем охватил все слои русского общества. Успешно прошла мобилизация. Прекратились забастовки. Был введен сухой закон. Стали поступать крупные суммы пожертвований, развернули свою деятельность благотворительные организации и фонды: Всероссийский земский союз помощи больным и раненым, общество «Помощи жертвам войны», комитеты великой княгини Елизаветы Федоровны, великих княжон Ольги Николаевны (помощь семьям запасных), Татьяны Николаевны (забота о беженцах). В дворцах на личные средства Николая II были открыты лазареты, где императрица с дочерьми работали сестрами милосердия, организованы санитарные поезда, дома инвалидов, различные мастерские.

Начавшуюся войну назвали Великой и Отечественной. На улицах с воодушевлением пели: «Вставай, страна огромная, вставай на правый бой, с тевтонской силой темною». Правительство поддержали правые, октябристы, кадеты. Последние, объявив себя «государственно-мыслящей партией», обратились с призывом отказаться на время войны от «оппозиции режиму». Часть эсеров стали сторонниками обороны отечества. Правда, позиция вождя партии В. Чернова была близкойк интернационалистической. Большинство меньшевиков во главе с Г.В. Плехановым говорили о войне до победы над Германией, даже при условии сохранения царского режима. И только большевики во главе с В.И. Лениным выдвинули странныйи страшный лозунг: «превращение войны империалистической в войну гражданскую». Вождь большевиков призвал уже в первые дни войны к «беспощадной борьбе» с патриотами и оборонцами.

Когда обозначилось положение с недостаточным снабжением армии оружием, либеральные деятели, в мирное время жестко оппонирующие власти, поставили вопрос о создании всенародной организации помощи с участием правительственных, земских, кооперативных органов, частных учреждений. По призыву известного предпринимателя П. Рябушинского стали создаваться военно-промышленные комитеты для объе-

динения действий правительства, промышленников и рабочих на нужды фронта. Во главе Центрального ВПК стал лидер октябристов А.И. Гучков. В начале войны происходит сплочение земцев, либеральной интеллигенции. В июле 1915 г. образовался Земгор.

Промышленники поддержали курс правительства на решительное усиление государственного регулирования экономики, приводившее к сокращению в ряде важнейших военных отраслей доли частного сектора.

Важным инструментом правительствастала работа четырех особых совещаний (по обороне, продовольствию, транспорту и топливу), созданных в 1915 г. Они взяли на себя функции регулирования важнейших общеэкономических вопросов, затрагивающих различные стороны хозяйственной жизни государства. В их состав входили представители администрации, законодательных органов, армии, деловых и общественных кругов.

Наряду с этим власть обращала внимание на развитие народной самодеятельности и инициативы, в частности, оказывала поддержку в развитии кооперативного движения, по размаху которого Россия вышла в годы войны на первое место в мире. Почти половина населения страны (включая членов семей) стала участниками различных кооперативных товариществ, обществ, артелей, специализирующихся на производстве сельскохозяйственной продукции, в кредите, в снабжении армии и тыла, в экспорте масла и льна пр. Кооперация привлекалась правительством к проведению хлебозаготовок, т.е. продразверстки, активно участвовала в распределении продовольствия на местах.

Несмотря на стабилизацию положения на фронте, в том числе в вопросе снабжения армии на достаточно по сравнению с другими странами, благоприятное экономическое положение, власть с середины 1915 г. все чаще становилась объектом разрушительной критики. Но этого не увидели, а точнее, не хотели видеть ни военные, ни монархисты, тем более, либералы и революционеры. Этого не оценили думцы, да и многие из верхних слоев русского общества, в том числе и родственники царя. Критика правительства становилась все жестче и жестче. «Образованное общество» в условиях военного времени не только не помогало Николаю II справиться с трудностями второй половины 1915 г., но делало все для ослабления власти.

В годы войны философия власти в России в отличие от Франции, Англии, Германии и пр. оставалась прежней: царь не распустил Думу, не запретил митинги, забастовки, не закрыл ни одной даже крайне левой газеты, из которых кстати заметить потоками лились разного рода измышления в отношении его, императрицы, семьи, членов правительства, приближенных.

Дума со времени создания в ней летом 1915 г. «прогрессивного блока» требовала создать «ответственное министерство» или «правительство доверия». Тактикой блока становится компромисс даже с крайне левыми «в борьбе с царизмом». Создать такую коалицию прогрессистам удалось, по мнению современных российских исследователей, потому, что лидеры многих партий были масонами. По мнению А.Я. Авреха, в России к 1917 г. в масонских организациях состояло четыреста человек, но они не имели особого влияния. Н.Н. Яковлев, В.С. Старцев, О. Платонов уверены, что к 1917 г. масонство становится внушительной силой, создав свои ложи в Думе, в земстве, в кооперативах, научных, творческих, предпринимательских организациях, среди военных и журналистов. Масонами, по их мнению, были А. Гучков, Г. Львов, В. Маклаков, А. Шингарев, Н. Некрасов, Д. Шаховский, А. Коновалов, Е. Кускова, С. Прокопович, А. Керенский, Н. Чхеидзе, И. Скворцов-Степанов и др.

После приостановления деятельности Думы 16 сентября 1915 г. все ее лидеры начали активную закулисную борьбу по сплочению антиправительственных сил. Центром их деятельности становится Москва. Один из лидеров оппозиции Н. Некрасов на Всероссийском съезде городов открыто назвал политику правительства «преступной бездеятельностью».Весной 1916 г. на ряде тайных заседаний лидеров Думы деятельность правительства тоже резко критиковалась и квалифицировалась как «преступная и предательская».В мае 1916 г. на совещании при экономическом отделе Союза городов по предложению оппозиционеров был создан Союз Союзов, взявший на себя правительственные полномочия. Его председатель кадет М. Федоров фактически инициировал государственный переворот, поставив вопрос об отречении Николая II от престола.

Весной 1916 г. парламентская делегация, в составе которой преобладали оппозиционные депутаты, посетила Англию и Францию. Лидеры Запада проявили большой интерес к русской оппозиции. Лидера кадетов П.Н. Милюкова принимали на самом высоком уровне, как руководителя «новой» России. А союзники царя ставку делали на более сговорчивых при определении места России в мире после победы в войне. В борьбе с «режимом» они обещали им не только моральную, но и материальную поддержку. Русский штаб подготовил проведение в 1917 г. Дарданелльской операции, котораяитогом

которой стало бы господство России не только над проливами, но и на Балканах и Ближнем Востоке. Допустить и это союзники не могли. Царь не препятствовал таким демаршам думцев. Отметим закономерность: и Керенский, и Колчак, и Троцкий получили благославление в США прежде, чем стать у руля правления в России.

На очередной сессии Думы 1 ноября 1916 г. оппозиция перешла в открытую атаку на правительство. А. Керенский назвал министров предателями. С. Шидловский заявил, что стране нужно правительство народного доверия. П. Милюков произнес свою знаменитую речь. «Глупость или измена?» — этот вопрос он задал после того, как озвучил различные слухи, материалы желтой прессы о якобы злонамеренных действиях правительства, готовых сдать Россию Германии. Позднее, находясь в эмиграции, П.Н. Милюков признал, что факты, изложенные им в Думе, не имели оснований и не отражали реальные события.

Давление на царя, в том числе и со стороны великих князей, приводило к неоднократной смене министров и премьер-министров. До февраля 1917 г. были сменены четыре премьера, шесть министров внутренних дел, четыре военных министра, четыре министра юстиции. Чаще всего это происходило под давлением Думы, которую не устраивал то «престарелый» И. Горемыкин, то «немец» Б. Штюрмер, то «прогрессист» А. Трепов, то «слишком верный Николаю II» Н. Голицын. Не стал скоро угоден навязанный царю Думой министр внутренних дел А. Протопопов, бывший оппозиционер и прогрессист, как только стал доверенным лицом царя. Все это отрицательно сказывалось на управлении страной в период, требовавший величайшего напряжения и ответственности каждого. Непосредственно влиять на государственные дела царь не мог: из 19 месяцев пребывания его на посту Верховного главнокомандующего он находился в столице только шесть.

Оппозиция активно использовала для дискредитации режима имя Г. Распутина (настоящая фамилия Новых). Известный монархист В. Шульгин впоследствии замечал, что и «правые, и левые знали ему цену», но «все равно налево и направо лгали о его влиянии на царя и царицу», приписывая ему и ряд назначений (Б. Штюрмера, А. Протопопова». Известный факт, что Распутин получил отказ царя на просьбу освободить его сына от участия в боевых действиях, а пресса уверяла общество во всеобъемлющем влиянии его на Николая II.

В годы войны в России в отличие от других стран, где по законам военного времени забастовки были запрещены или были явлением исключительным, рабочее движение не прекращалось. В 1915 г. в забастовках приняло участие 1440 тыс., в 1916 г. — 950 тыс., в январе-феврале 1917 г. — 676 тыс. человек. По данным зарубежных исследователей, особенностью рабочего движения было то, что в нем самое активное участие принимали высокооплачиваемые металлисты, зарплата которых за годы войны выросла в 2-3 раза; 60-65 % стачечников давали предприятия с числом рабочих более тысячи человек и 85% выступлений носили политический характер, в частности, в январе 1917 г. фабричной инспекцией была зарегистрирована 371 забастовка, в том числе 228 с политическими требованиями, в феврале — 959, из них 912 были политическими. Но особенностью являлось и то, что антиправительственные демонстрации и манифестации, уличные беспорядки стали редким явлением. Большое влияние на рабочих оказывали социал-демократы, рабочая группа центрального военно-промышленного комитета, которая выдвинула под влиянием большевиков лозунг «Долой самодержавие».

В советской историографии абсолютизировалось влияние в революционизировании масс деятельности большевиков, которые, финансируемые Германией выдвинули лозунги прекращения войны, заключения мира без аннексий и контрибуций. Возможность вести широкую агитацию среди солдатских масс, ведших окопную жизнь, а также среди рабочих на крупных производствах использовалась большевиками и имела определенные результаты. Но поставить рабочее и солдатское движение под свой контроль им не удалось, прежде всего, еще и в силу того, что они не ждали и не верили в революцию в стране, которая побеждала в войне. Инициативу у большевиков в 1916 — начале 1917 гг. перехватили меньшевики и эсеры, начавшие активно создавать Советы.

В январе 1917 г. правительство принимает решение об аресте рабочей группы ВПК. Также было решено на время прекратить деятельность Думы. Отметим, это была нормальная практика других стран, которая воспринималась как вынужденная необходимость в условиях военного времени. Российская оппозиция принять такое «насилие» над собой не могла. Лидеры оппозиции, в основном видные думцы, в том числе, считающие себя монархистами, составил заговор, вовлекая в него военную верхушку — начальника штаба Верховного главнокомандующего М. Алексеева, главкома Северо-западного фронта Н. Рузского, генерала А. Крымова и др. Переворот предполагалось совершить путем захвата поезда царя и принуждения его к

отречению от престола. Преступная деятельность «образованного общества» привела к тому, что Россия, фактически выиграв войну, стоя у порога победы, оказалась в 1917 г. на пороге революции.

В российском обществе и в годы войны имелась реальная многопартийная система, существовала свобода печати, действовала выборная Государственная Дума. С победой в войне Россия, несомненно, могла превратиться в сильнейшее государство Европы, имея громадные запасы природных ископаемых, высокие темпы роста населения, емкий внутренний рынок.

К началу 1917 г. в России сложились три центра, от взаимоотношений между которыми зависела политическая атмосфера в государстве: монархия, правительство и Дума. Они были едины в признании представительных форм и большинство — в использовании мирных средств преобразования политического строя. В неприятии реформирования политических институтов к началу 1917 г. сошлись и левые, и правые. Крайне правые по-прежнему выступали против углубления преобразований, левые отвергали мирные методы обновления страны.

Правительственный курс перед февралем содержал элементы лавирования и политического маневрирования. Правительство не считало возможным проводить реформы во время войны, так как они требовали дополнительных расходов казны, которые непросто было изыскать. В условиях войны трудно было эффективно проводить реформы и воевать.

Николай II призывал думцев и общество к терпению, предлагая подождать в разрешении их требований до окончания войны. Однако в дискредитации, часто прямой травле Романовых в конце 1916 г. объединились представители дворянства, буржуазии, интеллигенция. Ни один царь не подвергался такому поношению, как Николай II. Обществу не нравилось уединение семьи, жизнь без балов и приемов, связь с Г. Распутиным. Скромность и стеснительность Александры Федоровны выдавались за высокомерие и презрение. Николаю II бросали обвинения в том, что он «готов заключить с Германией сепаратный мир». Благопристойный двор, где царили согласие, дружба, любовь, двор, который, по замечанию Р. Мэсси,- был бы почитаем и уважаем в любой другой стране, оказался под огнем не только критики, но и откровенной клеветы.

Рескриптом 19 января 1917 г. Николай II еще раз призвал народ к единению и выразил надежду, что Дума, земства, общественность помогут правительству довести страну до победы. Этот призыв не был услышан.

Библиографический список

1. Аврех А.Я. Царизм и IV Дума. М., 1981.
2. Аврех А.Я. Масонство и революция. М., 1990.
3. Боханов А.Н. Последний царь. М., 2006.
4. Мэсси Р. Николай и Александра. М., 1990.
5. Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М., 1991.
6. Платонов О.А. Терновый венец России. Т.2. СПб., 1998.
7. Стариков Н.В. 1917. Кто убил Россию? СПб., 2007.
8. Хэнбери-Уильямс Д. Император Николай II, каким я его знал // Государь на фронте. М., 2012. С. 5-206.
9. Шамбаров В.Е. За веру, царя и отечество. М., 2003. С. 385, 386.

Об авторе
Иванцова Н.Ф. — доктор исторических наук, профессор, действительный член Российской академии гуманитарных наук

Ivantsova N.F.

Society and power in russia during the first world war 1914 — early 1917

Abstract. The work is devoted to detection of features of the interaction of power, Nicholas II, and various political forces in Russia before February 1917

Keywords: Russian society, the Duma, Nicholas II, the February revolution

Статья поступила в редакцию 07.12.2016

УДК 908 + 625.1

Е. В. Кайгородов, О. В. Яремчук

Последняя экспедиция Александра Кошурникова

Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск
Шебалинская средняя общеобразовательная школа им. Л. В. Кокышева, с. Шебалино

Аннотация. Статья посвящена истории экспедиции Александра Михайловича Кошурникова в Восточный Саян по изысканию железнодорожной трассы Абакан-Тайшет.

Ключевые слова: Трасса мужества, Абакан — Тайшет, Восточный Саян, железная дорога, экспедиция, изыскания, Кошурников, Стофато, Журавлев

При въезде в село Усть-Муны Майминского района Республики Алтай (со стороны поселка Известковый) стоит памятник с фотографией и словами «Он шел всю жизнь теми дорогами, которые больше всего были нужны людям. В. А. Чивилихин». Это сказано об Александре Михайловиче Кошурникове, известном проектировщике железных дорог, погибшем в 1942 году вместе с товарищами при изыскательских работах в Саянских горах.

Но, почему же памятник Александру Михайловичу стоит тут, у нас, в Усть-Мунах? А дело в том, что его детство и отрочество прошло именно здесь, на берегу Катуни. Именно здесь, возле притора, стоял когда-то деревянный дом, принадлежавший семье Кошурниковых.

В 2017 году исполняется 75 лет со дня гибели экспедиции Кошурникова, изыскивавшей в Восточном Саяне трассу будущей железной дороги Абакан-Тайшет. Эта экспедиция по праву стала, в чем нет никакого сомнения, одной из ярких и в то же время трагических страниц истории Великой Отечественной войны. Подвиг, свершенный участниками этой экспедиции — А.М. Кошурниковым, К.А. Стофато и А.Д.Журавлевым, безусловно заслуживает того, чтобы мы, их потомки помнили о нем и геологах — первопроходцах вечно. Ведь ради выполнения порученного им задания они не пожалели даже свои жизни.

Родился Александр Кошурников 13 марта 1905 года в изыскательской палатке близ села Харабали Астраханской губернии. Отец,, счастливый оттого, что у него наконец-то появился сын (после четырех дочерей), палил в честь его рождения вечером в степи из берданки и радостно кричал: «Сын! Мужик! Изыскатель!».

Михаил Николаевич, по свидетельству его знакомых, слыл «человеком со странностями». Он до беспамятства любил природу и живопись. Самым прекрасным местом на земле для него был только Горный Алтай, а самым лучшим художником он считал никому не известного тогда Григория Гуркина — самородка-ойрота, который якобы «заткнул за пояс даже своего учителя — известного русского пейзажиста И.И. Шишкина». Потому-то на стенах Кошурниковского дома висели копии гуркинских полотен: «Хан Алтай», «Озеро горных духов», «Камлание», «Черневая тайга» и др. [1, с. 7].

А. М. Кошурников

К. А. Стофато

А. Д. Журавлев

Перед революцией отец Александра оставил бродячую жизнь изыскателя и перешел на преподавательскую работу. В это же время, т.е. в 1913 году, он срубил на на берегу Катуни дом-пятистенок, куда на лето приезжал со всей семьей из Томска. Возле дома, руками отца и детей был раскорчеван участок и «заведен огород». У отца научился маленький Саша вязать салики -плоты, строить балаган, стрелять из ружья, разводить в непогоду костер.

Многому научили будущего изыскателя и его друзья детства — ловкие и смелые кержачата, проживавшие в окрестностях». С ними Саша ездил к кулакам-мараловодам, чтобы «зарабатывать у них дробь и мед». Вместе со сверстниками –кержачатами» он ловко и смело носился на коне по тайге, помогая загонять маралов в станки.

...Потом была революция. Проведя после нее, лето на Катуни, семья Кошурниковых уехала в Томск. «На Катуни же» отец оставил Александра, чтобы тот заколотил все окна дома и свернул «катунское хозяйство». Шло время, а сын все не появлялся в Томске. В силу этого, отцу пришлось возвратиться за ним «на Катунь». Приехав в деревню, он не застал там сына. Соседи поведали отцу, что «его Санька-грамотей ушел вместе с мужиками в горы партизанить». Соседи отговорили Михаила Николаевича ехать тот же час в горы, «там, по их словам, «очень зверствует банда Кайгородова».

Вернулся Александр Михайлович в деревню, когда его уже перестали ждать. «Он был полушубке и папахе с красной звездой. Всем он показался тогда — гораздо старше своих 16 лет. По возвращении сын сообщил родным, что Кайгородова «мы разбили». По прошествии какого-то времени, Саша стал готовиться к экзаменам в Томский политехнический институт. Но он, как и прежде, ездил каждое лето к своим алтайским друзьям... Оттуда он привез вскоре и молодую жену.

Технические изыскания железной дороги — Томск-Асино положили начало трудовой «скитальческой жизни» Александра Михайловича. С ее началом, он стал реже бывать в городах, ибо изыскатели ходили, как правило, «нехоженными тропами и жили в местах, которые большинстве своем, не значились на картах. Изыскатели железных дорог искали, как правило, кратчайшие пути, а потому-то и шли они через «гнилые болота, отвесные скалы, густейшие кустарники и лесные завалы».

А. М. Кошурников на изысканиях (второй ряд, четвертый слева)

В первые пятилетки сильно видоизменили Сибирскую железнодорожную магистраль: она более, чем раньше «заветвилась». В середине 30-х годов Кошурников выбрал для своей работы очень сложный горно-таежный участок Рубцовка-Риддер, где он несколько лет проработал сна-

чала начальником экспедиции, а потом — главным инженером стройки.

Как считают современные специалисты, в частности, В. Чивилихин [1, с. 10], многие кошурниковские варианты его изыскательских решений считаются ныне «классическими образцами». В частности, Александр Михайлович первым из сибиряков сел на самолет для проведения рекогносцировочных изысканий. Еще при жизни Александра Михайловича ходили легенды об его «творческой неуемности». Он, согласно им, мог ночами делать работу за своих товарищей, не требуя за это никаких вознаграждений. Вот, к примеру, строки из его письма тех лет: «В последние дни в основном помогал ребятам. Посчитал, что применение двойной тяги на двух перегонах дает сокращение длины пути на 14 километров. Разве можно было упускать такой вариант? Рассчитал я также и перевальные петли — чрезвычайное и трудное это... дело! Сейчас чувствую полное удовлетворение от сделанного и это — высшая награда».

Словом, согласно документам, он был необыкновенным работником. Кстати, его часто упрекали за чрезвычайное доверие и возню со студентами и молодыми инженерами. Однажды по нерадивости студента-практиканта сгорело все экспедиционное хозяйство. Ущерб от пожара должен был возместить начальник экспедиции- т.е. Кошурников. Сберкнижки у Александра Михайловича тогда не было. И ему пришлось расстаться с домиком на берегу Катуни, т.е. отцовским наследством.

В начале Великой Отечественной войны А.М.Кошурникова назначают начальником экспедиции по изысканию трассы будущей железнодорожной линии Кулунда — Барнаул. Ее проработка давалась изыскателям очень трудно. В процессе работы Кошурников не жалел ни себя, ни других. Так, в экспедиции не было главного инженера. Всю полагавшуюся на него работу, начальник «взял на себя». Словом к зиме, изыскатели провели все необходимые исследования и «выдали свои решения по прокладке трассы новый железнодорожной ветки, сэкономив, при этом государству более 300 тысяч рублей.

Осенью 1941 года Кошурникова перевели «на изыскание трассы будущей железной дороги Сталинск — Абакан. Но, спустя какое-то время, он получает более сложное задание: наметить трассу железной дороги в горах Хакасии. Приступая к работе, Кошурников предложил и отстоял свой вариант предполагаемой дороги. Он убедил оппонентов, что ее трассу лучше «протянуть» по левому берегу реки Абакан, где не нужно будет укреплять пойму реки и строить два дополнительных моста. Наиболее перспективным направлением новой железной дороги опытный изыскатель считал Нижнеудинское. К лету 1942 года Кошурниковский вариант дороги был принят и утвержден правительством.

Спустя какое-то время, Кошурников был срочно вызван в Новосибирск, где начальник «Сибтранспроекта» предложил изыскателю «новую, срочную работу»: наметить к зиме трассу железной дороги в Саянах. Ее линия должна была пройти через равнины и плодородные степи, обширные пастбища и места залегания полезных ископаемых. Кроме того, дорога должна была преодолеть малодоступный и малонаселенный горный район — хребты Восточного Саяна с его непроходимой тайгой и стремительными, бурными реками: Кизир, Джебь, Агул, Бирюса, Крол и Мана.

В архивном отчете акционерного общества, эксплуатировавшего Кузнецкие копи, сохранилась оценка, данная этому району зарубежными специалистами в начале прошлого века. Согласно ей, -это была «глухая тайга с массой поваленных ветром стволов, с травами выше человеческого роста, которая летом и осенью — без топора — непроходима. Тут нет ни дорог, ни троп, по которым можно было бы сделать предварительные осмотры местности. К тому же, сама местность изрезана частыми и глубокими долинами. Колебания отметок абсолютных высот так резки и причудливы, что прокладка дороги, согласно техническим условиям, невозможна».

Но, кроме этих трудностей, Кошурников столкнулся и с другими, обусловленными войной. Последняя, очень задержала выход экспедиции. С другой стороны, работа должна была проходить вблизи государственной границы, поэтому ей запрещалось пользоваться рацией. Немало трудностей возникло с ее обеспечением снаряжением, одежной, обувью и др.

Словом, к месту будущей работы (в Нижнеудинск), Кошурников смог выехать только в середине сентября. Вместе с ним «на задание» — т.е. на обследование указанного региона — должны были пойти два молодых инженера — Алексей Журавлев и Константин Стофато. Первый вылетел к месту работы на самолете и уже начал работу в районе Верх-Гутар, где находилась вторая экспедиция, трассировавшая перевальный тоннель через хребет Агульские Белки.

9 октября экспедиция прибыла к истоку реки Казыр, вдоль которой и намечал Кошурников строить новую железную дорогу. Путь изыскателей был

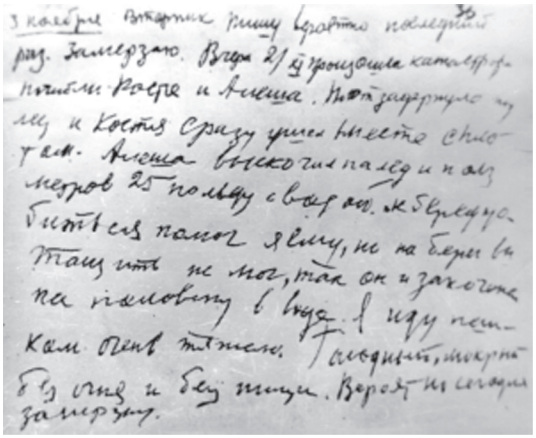
очень трудным, ибо их путь пролегал почти по непроходимой тайге, в которой не всегда можно было найти даже мох для кормления оленей.

Учитывая это, Кошурников отпускает 12 октября проводника с оленями. Изыскатели же, построив плот, двинулись на нем по реке Казыр дальше. Им очень хотелось «обогнать время и выйти из тайги раньше, чем туда придет зима». Но тайга не хотела пропускать людей вперед и создавала на их пути одно препятствие за другим (многочисленные подводные камни, опасные, труднопроходимые быстрины и др.). Особенно изматывали людей пороги. Несколько раз геологам приходилось бросать старый плот и строить ниже порога новый. К тому же без конца валил мокрый снег, не позволявший людям просушить одежду. А вскоре на Казыре начался ледостав. Но, даже находясь, «в отчаянном положении», Кошурников продолжал «пробиваться вперед, вел, не взирая на трудности, свой «инженерный дневник, в котором он оценивал местность, подробно описывал долину Казыра, его излучины, притоки, брал образцы горных пород и набрасывал чертежи будущей трассы.

26 октября изыскатели вынуждены были бросить плот, часть имущества, продовольствия и пешком пошли по заснеженной горелой тайге. «Дело плохо, очень плохо», — записал в своем дневнике Кошурников 31 октября. — Продовольствие кончилось... Идем по бурелому, колоднику, без дороги... слой снега 70–80 см, да вдобавок он еще и мокрый...идти просто безумие...До жилья осталось 52 километра, но они настолько непреодолимы, что не исключена возможность, что мы совсем не выйдем... Заметно слабеем... Даже от небольшого усилия кружится голова. К тому же, мы все совершенно мокрые уже трое суток». Запись от 1 ноября гласит: «Все ослабели настолько, что за день не смогли сделать плот. Утром не мог встать, тошнило, кружилась голова. Все обгорели... Снег не перестает...У всех опухли лица, руки и, главное, ноги».

Плот изыскатели все же соорудили (уже шестой по счету). На нем поплыли Стофато и Журавлев, а Кошурников же шел по берегу и указывал, где находятся опасные места. День 2 ноября оказался последним днем в жизни Алексея и Константина: неожиданно на реке началась быстрина и, хотя Александр и предупредил друзей, но они не успели выправить плот...

Так, Кошурников остался один. Он пошел вдоль берега, но выйти к людям ему было не суждено... До человеческого жилья оставалось чуть более пятидесяти километров. Последняя запись в дневнике поведала людям о силе духа Александра Михайловича: «3 ноября, вторник. Пишу, вероятно, последний раз. Замерзаю. Вчера, 2 ноября, произошла катастрофа. Погибли Костя и Алеша. Плот задернуло под лед, и Костя сразу ушел вместе с плотом. Алеша выскочил на лед и полз метров 25 по льду с водой. К берегу добиться помог я ему, но на берег вытащить не мог, так он и закоченел наполовину в воде. Я иду ползком. Очень тяжело. Голодный, мокрый, без огня и без пищи. Вероятно, сегодня замерзну» [2].



Последняя станица дневника Кошурникова

Товарищи Александра Михайловича долго разыскивали в тайге его экспедицию. Им помогали пограничники и местные жители. Из столицы приехал отец Кошурникова, Он обещал отдать все свои деньги, лишь бы люди нашли ему сына. Поисковики высказывали даже предположение, что группа могла отклониться от маршрута и уйти за границу. Этим заявлением они очень сильно обидели отца... А люди тем временем продолжали поиски. Искали долго и упорно, но все тщетно.

Почти через год после гибели Кошурникова, 4 октября 1943 года, местный рыбак Иннокентий Степанов, поднимаясь по боковой протоке Казыра, увидел занесенного песком человека. В Новосибирск и Артемовск была дана радиограмма: «В районе острова Кедровый, в 4 км выше устья реки Нижний Китат, на дне реки Казыр, обнаружен труп неизвестного мужчины. Тут же рассеяны бумаги по дну реки. На неизвестном виден фирменный железнодорожный китель с петлицами и знаками отличия (две звездочки)». Следствию не пришлось долго распутывать детали трагедии. Бумаги, налипшие на мокрые камни, оказались дневником Кошурникова, и карандашные записи, не смытые водой, рассказали о случившейся беде. Дневник — бессмертный документ о товариществе, о верности людей своему долгу.

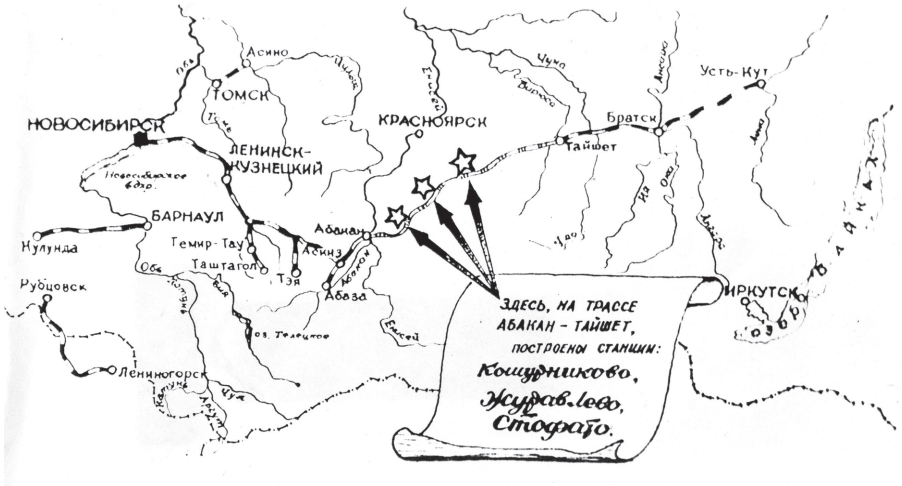
Нам известны [3], по крайней мере, две важных причины, едва ли не главные, из-за кото-

рых экспедиция не дошла, не доплыла до людей и погибла. Одна из них: территория хребта Крыжина и его отрогов с 1938 года была объявлена Саянским заповедником, в связи с чем Кошурникову не разрешили взять с собой оружие и даже рыболовные снасти. В то время как воды Казыра рассекали косяки хариусов- изыскатели голодали. Будь у них леска и крючки, — они могли бы питаться рыбой. Другая причина: по вине горького пьяницы Пустохина, бывшего в 1942 году председателем Гутарского колхоза. Узнав, что у Кошурникова есть спирт (необходимый геологам для разных нужд) Этот человек задержал выход экспедиции на 15–20 дней. Этих дней как раз не хватило бы геологам, спокойно добраться до холодов до населенных пунктов в низовьях Казыра. Но Пустохин узнал, что у Кошурникова есть 2–3 литра спирта. И пока он не «выжал его» у геолога и не выпил, Пустохин не давал геологу оленей и проводника. Это последнее обстоятельство — поздний выход геологов в дорогу в дорогу и погубил экспедицию.

Александр Кошурников прожил на свете всего 37 лет. Но он успел сделать очень много. Им изыскано, спроектировано, а потом построено по его проектам около 20 крупных железнодорожных объектов. В их числе железные дороги Томск — Асино, Рубцовка — Риддер, Новосибирск — Полысаево, ветки к Абазинским и Сучанским рудникам, к порту Находка. Им были намечены дороги Синарская — Челябинск и третий железнодорожный переход через Урал. Принимал он участие в строительстве Свердловска, моста в Забайкалье, а самое главное — проводил изыскания всей восточной части Южсиба, от Кулунды до Лены.

Сразу после окончания войны изыскания будущей железной дороги продолжил друг и ученик Кошурникова Евгений Павлович Алексеев. Использовав результаты погибшей экспедиции, изыскатели и геологи «Сибгипротранса» обследовали почти трехсотпятидесятикилометровый путь через Восточный Саян и нашли наиболее удобные маршруты будущей железнодорожной трассы. Кстати, ими было выбрано направление не на Нижнеудинск, а на Тайшет, более приемлемое с учетом возобновившегося строительства дороги Тайшет — Лена, давшей выход к природным богатствам Приангарья.

Состоявшийся в 1958 году XIII съезд ВЛКСМ объявил железнодорожную линию Абакан — Тайшет Всесоюзной ударной комсомольской стройкой. Трудиться на ее строительстве прибыло свыше 35 тысяч юношей и девушек со всей страны. У большинства из них не было строительных специальностей, зато у всех с избытком хватало энтузиазма. Многие из прибывших на строительство магистрали не только приобрели здесь квалификацию строителей, но и стали лучшими в своей профессии, руководителями стройуправлений, строительно-монтажных поездов, мехколонн, прорабами и т.д.. «В жизни раз бывает Абакан — Тайшет», — писали студенты на транспарантах над своими палатками. Целью их жизни стала эта трасса. И они, надо сказать, с честью выполнили поставленную перед ними задачу. «Мы, — заявили они, начиная строительство нового пути, — никуда не уйдем отсюда. Нам в Сибири придется немало прокладывать немало трасс... В сердцах своих мы сохраним Саянов отроги», — пели студенты. При строительстве железной дороги во многих домах, палатках, вагончиках висел портрет ее первого изыскателя — Александра Кошурникова. Его именем была названа потом Самая большая на этом пути станция, а два соседних разъезда были названы именами его товарищей — Журавлева и Стофато.



Карта-схема железнодорожной трассы Абакан — Тайшет

Каждый год в эксплуатацию сдавали по 100 километров пути. Было создано 725 искусственных сооружений, в том числе 9 тоннелей, общей протяженностью свыше 10 км. Самый крупные из тоннелей — Манский и Крольский — имеют протяженность 2487 метров и 2252 метра соответственно. Уникальнейшим по размеру и инженерному замыслу сооружением Азии является Козинский виадук, высотой 65 метров. Всего было выполнено 37 млн. кубометров земельных и 11 млн. кубометров скальных работ. Чтобы перевезти это количество земли и камня, потребовалось бы 1 млн. 314 тыс. железнодорожных вагонов. Советские инженеры произвели мощнейший в отечественной истории неядерный взрыв: для обрушения скального массива взрыв составил одну килотонну в тротиловом эквиваленте.

Козинский виадук

Железная дорога Абакан — Тайшет по праву получила название «Трасса мужества». От Кошурникова, Журавлева и Стофато до электрификаторов, заканчивающих работы, каждый метр здесь требовал мужества. У строителей был злой дух — Саяны. Он никак не хотел простить им того, что они осмелились подняться в его высотные каменные замки. Это была нелегкая борьба и нелегкая победа...

То, во что отказывались верить западные инженеры, было осуществлено. Сквозь степи и тайгу, через неприступные Саянские горы, над стремнинами своенравных сибирских рек пролегли серебристые рельсы. 4 декабря 1965 года из Тайшета и Абакана навстречу друг другу вышли поезда «Ангара» и «Енисей». Они встретились на станции Саянская, где состоялся большой праздник по случаю завершения строительства железнодорожной электрифицированной трассы Тайшет — Абакан — Новокузнецк. 9 декабря железная дорога Абакан — Тайшет была принята Государственной комиссией в постоянную эксплуатацию. Это была первая дорога в СССР, электрифицированная сразу, во время строительства, а также оборудованная всеми новейшими средствами автоматизации управления движением.

Памятный значок «Абакан — Тайшет»

Родина высоко оценила героический подвиг изыскателей и самоотверженный труд строителей трассы. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 апреля 1966 г. сотрудники Новосибирского проектного института были посмертно награждены: А. М. Кошурников — орденом Ленина, К. А. Стофато и А. Д. Журавлев — орденами Трудового Красного Знамени. Сотни строителей

«Трассы мужества» удостоились орденов и медалей. По завершении стройки Министерство транспортного строительства СССР и ЦК профсоюза работников транспорта учредили памятный значок «Абакан — Тайшет» и вручили его 25 тысячам лучшим строителям.

Трасса мужества сыграла огромную роль в развитии Хакасии и юга Красноярского края. Вдоль нее появились новые города, рабочие поселки и села, обживались прежде почти безлюдные районы. Разрабатывались рудные и угольные месторождения, возникали леспромхозы, прочие предприятия, развивалось сельское хозяйство. Только с появлением железной дороги здесь смогли построить такие промышленные гиганты, как Саяно-Шушенская ГЭС, Саянский алюминиевый завод, Абаканвагонмаш. Железная дорога и сегодня поддерживает в регионе полнокровную жизнь [4].

Вид памятника изыскателю А. М. Кошурникову в с. Усть-Муны Майминского района Республики Алтай после реконструкции в июле 2016 г.

...Стоит в Усть-Мунах скромный памятник Александру Михайловичу Кошурникову, жизнь которого была короткой, но красивой, наполненной большим созидательным и творческим трудом.

Библиографический список

1. Чивилихин, В. А. Серебряные рельсы: повесть. — Новосибирск, 1960. — 212(2) с., (5) л. ил. — (Сибирью связанные судьбы).
2. Кошурников, А. М. Дневник А. М. Кошурникова / предисловие и послесловие. А. Коптелова и Ф. Никитенко // Сибирские огни. — Новосибирск, 1946. — № 1. — С. 119—130.
3. Пятов, О. И. По пути Кошурникова // Томский политехник. — 2006. — № 12. — С. 41—44.
4. Лещев, Т. А. Сквозь тайгу, через горы, над стремнинами рек / Т. А. Лещев, Г. Н. Лещева. — Красноярск: ИД «Издательские проекты», 2003. — 160 с.

Об авторах

Кайгородов Е. В. — кандидат физико-математических наук, доцент кафедры математики и информатики Горно-Алтайского государственного университета.

Яремчук О. В. — учитель русского языка и литературы Шебалинской средней общеобразовательной школы им. Л. В. Кокышева, с. Шебалино.

Kaygorodov E. V., Yaremchuk O. V.

The last expedition of ALexander Koshurnikov

The article tells the history of the expedition to the Eastern Sayan Mountains, undertaken by Alexander Koshurnikov with the aim to survey the route for the Abakan-Taishet railroad.

Route of Courage, Abakan — Taishet, Eastern Sayan Mountains, railroad, expedition, survey, Koshurnikov, Stofato, Zhuravlev

Статья поступила в редакцию 7.12.2016

УДК 902

А. В. Летов

К вопросу о развитии и функционировании системы детских учреждений в Горно-Алтайской автономной области в послевоенный период (1946-1955 гг.)

Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск

Аннотация. В статье на основе архивных документов и близкой к изучаемой автором теме научной литературы и отдельных воспоминаний ветеранов предпринята попытка осветить некоторые моменты в развитии системы детских учреждений в Горно — Алтайской автономной области в 1946-1955 гг.

Ключевые слова: Горно-Алтайская автономная область, детские учреждения: ясли, детские сады, детские интернаты, детские дома

В послевоенный период, в Горно-Алтайской автономной области сложилась весьма непростая ситуация с обеспечением населения нашей автономии детскими учреждениями, которая, естественно не могла устраивать партийно-советские органы, стремившиеся уже не один год подключить к решению этой «почти критической проблемы» руководителей колхозов и совхозов. Первоначально местные власти, всех уровней, пытались привлечь хозяйства к шефству над детскими домами и детскими интернатами. Конкретные меры в этом направлении были определены постановлением бюро Ойротского обкома партии еще в 1946 году. Реализуя его решения, колхозы и совхозы, определив для себя конкретное детское учреждение, стали оказывали ему посильную помощь в ремонте его помещений, в обеспечении детского контингента продуктами питания, одеждой, обеспечивали детдом дровами, а в экстренных случаях- предоставляли ему транспорт. Содействовали хозяйства и открытию новых детских учреждений. Именно благодаря таким коллективным усилиям, был открыт, к примеру в конце 1946 года детский санаторий в Чемале на 40 человек [1, л. 27].

Однако на пути успешного развития системы детских учреждений в Горном Алтае вставало немало трудностей, характерных первым послевоенным годам, особенно в экономике. Но были, наряду с ними и другие. В частности, очень сдерживало развитие этого процесса недостаток, а чаще всего — просто отсутствие нужных кадров для «успешного развития данной сферы». Зачастую стоявшие во главе детских учреждений люди, не разбирались ни в специфике работы детдома или интерната, ни в финансовых вопросах, в силу чего, они не могли целенаправленно использовать те небольшие средства, которые им отпускались этим детским учреждениям. К примеру, в 1945 году из бюджета области на содержание последних было выделено 276 тыс. рублей. Однако в силу разных причин «освоено» же было только 57,4 тыс., т.е. всего 20,8% от выделенной суммы. Не было освоено в тот год ни рубля Кош-Агачским, Ойрот-Туринским, Онгудайским и Элекманарским детинтернатами [2, л. 68].

«Некомпетентность руководителей последних в своих делах» способствовала росту «их нарушений и злоупотреблений». Наиболее частыми из них, были «нарушения, связанные с выдачей продуктов питания, а также кража товаров первой необходимости». Для наведения порядка и недопущения подобных «злоупотреблений властных лиц», центральные органы пытались четко регламентировать нормы расходов, идущих на содержание питомцев детских учреждений, регулярно издавая с этой целью соответствующие приказы и распоряжения. Так, 15 мая 1945 года Наркомат торговли СССР издал приказ «О мероприятиях по укреплению здоровья детей в летний период 1945 года». Им было предписано — установить следующие нормы питания в пионерских лагерях и на детских площадках (в расчете на одного ребенка) в день: мяса и рыбы — 60 г; жиров 20 г; сыра 10 г; яиц —

1 шт.; крупы и макаронных изделий — 70 г; муки пшеничной — 10 г; муки картофельной — 3 г; сахара, кондитерских изделий, шоколада и какао в сахаристом исчислении — 43 г; картофеля и овощей — 800 г; молокопродуктов — 300 г и хлеба — 400 г. Юношам, находившимся в школьных лагерях, полагалось выдавать в день — по 450 г хлеба. В соответствии с приказом, продовольственные и хлебные карточки детей (на время пребывания их в лагерях и на площадках) подлежали сдаче [3, л. 18}. В Горно-Алтайской автономной области хоть и руководствовались данным приказом, но не всегда исполняли его. И как результат этого, дети очень часто недополучали сахар, мясо, рыбу, жиры, сыр, молочные продукты, яйца и овощи, т.е. те продукты, которые были наиболее необходимы для детского организма.

Специфика народного хозяйства Горно — Алтайской автономной области, в частности животноводства, просто обязывала власти всех уровней, развивать систему детских учреждений. Дети работников животноводства (а это почти основная масса тружеников колхозов и совхозов), занятых в отгонном животноводстве, должны были учиться. Большая их часть, не имея родственников в селах, где имелись школы, должны были (почти круглогодично) жить в интернатах. Последних же, в первые послевоенные годы явно не хватало. Над решением этой непростой задачи, из года в год, бились и руководители хозяйств, и аймаков. Общими их усилиями, решение проблемы удалось-таки, сдвинуть «с мертвой точки». В 1947 году в области уже функционировало более 30 интернатов, в которых на государственном обеспечении проживало 1600 детей [4, с.106]. И хотя это, по сравнению с предыдущими годами, был большой шаг вперед, интернатов, тем не менее, требовалось гораздо больше. Однако решить до конца эту проблему, причем, только своими силами, наша автономия была не в состоянии. Нужна была помощь государства. И последнее, пошло ей на встречу — особенно — в плане финансирования школьных интернатов. В соответствии с распоряжением Совета Министров РСФСР, на содержание последних, государство «отпустило» в 1946-47 учебном году — 125870 рублей, более 20 тыс. метров ткани, 870 пар обуви, значительное количество комплектов одежды [5, с. 262-263]. Это позволило обеспечить работу 30 школьных интернатов, 15 из которых находились на полном государственном обеспечении и обслуживали преимущественно, детей животноводов. Благодаря этому, уже в 1948-49 учебном году количество детей, не охваченных до 1947 года школой, сократилось до 197 чел., а в 1949-50 учебном году число «не прибывших в школу учеников» удалось сократить до 96 чел. Выросли в указанные годы и «расходы» на обучение одного ученика — интерната. В обычной школе они «выросли» до 800-900 рублей в год, в школе с продленным днем — до 1,5 тыс. руб. и в школе-интернате (без взимания платы с платы родителей) — до 9 тыс. руб.) [6, с. 57]. Аналогичные процессы имели место и в других национальных регионах страны. Так, в Туве, рост сети интернатов (причем существенный) произошел уже в 1947-1948 учебном году. Тогда численность «не явившихся там в школу» снизилась с 77 до с 7 тысяч учащихся. Это было связано, главным образом, «с переводом аратов-кочевников на оседлость». Но, несмотря на столь заметный успех, вне школы в Туве, по прежнему, продолжало оставаться почти 30% детей школьного возраста.

Но, наряду с успехами, в автономиях было еще немало и «недочетов» в системе школьного образования. И часто они возникали не по вине школ. Так, в некоторых аймаках, нашей области (в частности, в Усть-Канском, «дело осложнялось тем, что подвоз детей пастухов, занятых в отгонном животноводстве не был организован. Несмотря на усилия колхозов и школ, работа интернатов оставляла желать много лучшего. Отметим, что многие из них, по прежнему, продолжали размещаться, в «совершенно неприспособленных для этих целей помещениях» и к тому же, все они были плохо оборудованы, во многих почти не соблюдались даже элементарные санитарно-гигиенические требования. Были нарекания со стороны проверявших интернаты и к питанию в них детей. Особенно плохо, по словам проверяющих, оно было организовано в интернатах Улаганского и Кош-Агачского аймаков. Не на высоте была в них и воспитательная работа. Главная причина этого, как неоднократно указывалось на пленумах райкомов и обкома партии, райисполкомов и облисполкома, заключалась «в отсутствии в интернатах квалифицированных воспитателей». Вместе с тем, признавали и докладчики, и выступающие — «сеть пришкольных интернатов остро нуждалась в расширении». Этому, по их мнению, «способствовало введение в 1949 году обязательного семилетнего обучения». Увеличение числа обучающихся потребовало от «учредителей» — т.е. хозяйств и местных органов власти «увеличения и числа интернатов».

Откликаясь на эти решение «этих злободневных нужд», власти всех уровней «затратили в 1949 году на строительство новых детучреждений почти 6 млн. рублей.

Много нареканий у проверяющих вызывала и работа «весьма удаленных от областного центра детских домов. Чтобы держать их работу под своим контролем, руководство области рекомендовало «регулярно контролировать работу детдомов», т.е. проводить в них «регулярные проверки». Однако из-за бездорожья, отсутствия транспорта и средств на командировки «контролеры не могли выполнить решения районных и областных органов, в особенности, в деле «проведения «систематических проверок». В силу этого, последние в отдаленных детских домах проводились «от случая к случаю». Больше «внимания», что вполне естественно, уделялось «близь лежащим детдомам, до которых можно было добраться без каких — либо затруднений. Одним из таких «часто посещаемых объектов» стал Манжерокский детдом, в котором проживало, согласно документам, «почти 100 воспитанников». Потому-то контролеры и проверяющие были здесь довольно часто. Но эти их частые наезды, их «весьма ретивая забота» о детях и их контроль за работой детдома» не всегда содействовали улучшению его работы. Более того, частые проверки «просто мешали работе детдома».

В числе главных причин, осложнявших работу детских домов, проверяющие неизменно называли «несвоевременное их финансирование, особенно, в части обеспечения детей продуктами питания». Именно «эту причину» выявила «очередная проверка», прошедшая в детдоме с 1 сентября по 15 декабря 1949 года. [7, л. 14]. Однако неудовлетворительное финансирование проверяемого детдома, да и других, не было «злым умыслом или «недоработкой администрации детского учреждения или местных властей. Это, к сожалению, было «неразумное порождение господствовавшей тогда финансовой политики», регламентировавшей деятельность детских домов, находившихся в те годы на «содержании и государства, и области. Доходная часть бюджета нашей области «исполнялась, как известно, в 1949 году очень напряженно». И, как следствие этого, «имело место несвоевременное финансирование детских домов». Продукты же для них часто приобретались самими детскими домами на рынках и в колхозах, причем, по ценам гораздо выше государственных. Это вынуждало детские дома расходовать на питание детей, гораздо больше средств, чем отпускало им на эти цели государство. Расходы на эти цели были ниже только в тех детдомах, которые имели свои подсобные хозяйства.

Не в лучшем положении находились и пришкольные интернаты, которые в 1949 году были профинансированы государством только на 88% от потребности. Несмотря на сложности, возникавшие в связи с этим, сеть детдомов продолжала расширяться. В сентябре 1949 года Горно-Алтайский «национальный рабфак был преобразован, к примеру, «в областную национальную среднюю школу-интернат, в которой стали обучаться дети-алтайцы из всех районов области. Однако вопрос об освобождении от оплаты за обучение детей-алтайцев, обучавшихся в 8-10 классах и проживавших в интернате на полном государственном обеспечении, не был решен не до конца. А между тем, в интернате жили и учились дети (алтайцы по национальности), родители которых, в большинстве своем трудились чабанами, пастухами, доярками, другими работниками животноводства в колхозах области. Кстати, многие колхозы тех лет были в силу разного рода причин, «нерентабельными». В силу этого, они не могли «достойно оплачивать труд своих колхозников. Особенно «страдали от этого» родители, чьи дети жили и обучались в интернатах. Последним они были обязаны платить и за учебу, и за проживание своих детей в них. Тот, же, кто не мог этого сделать, (а таких родителей было большинство), вынужден был забирать своих детей из интерната. На этом, чаще всего, и заканчивалась учеба большей части детей колхозного крестьянства. Такова была главная причина «массового отсева» учащихся, особенно старших классов. Другой причиной «массового отсева старшеклассников» являлось предубеждение многих родителей, считавших, что «семилетнего образования вполне достаточно для дальнейшей жизни их детей». Поэтому, «доучив своих детей «до этого рубежа», Они спокойно отправляли потом своих сыновей и дочерей «трудиться на производстве» — сельчане — большей частью в те же колхозы, где работали их родители, горожане — на фабрики и заводы, единицы — в торговлю и предприятия бытового обслуживания населения.

В сложившейся ситуации, Горно-Алтайский облисполком обращается к заместителю Председателя Совета Министров СССР К.Е. Ворошилову с просьбой «ликвидировать в областной школе-интернате плату за обучение «националов» — т.е. алтайцев в 8-10-х классах». Основанием для принятия такого решения стало, по мнению исследователей, «Положение об интернатах», в которых учащиеся,в том числе и областной национальной

средней школы, жившие на полном государственном обеспечении, как и воспитанниками детских домов.

Выше же упоминалось, что условия проживания в последних, согласно отчетам проверяющих, «оставляли желать много лучшего». Многие из функционировавших в области интернатов, подчеркнуто в докладных записках и «актах проверок», были (равно как и детские дома) «очень переполны». Эта их «переполненность» стала в те годы, «притчей во языцах» — т.е. темой разговора на каждом собрании всех уровней, начиная с колхозного, сельского, районного и кончая областным и даже краевым. К примеру, к 1951 году в интернатах г. Горно-Алтайска на одного воспитанника приходилось, согласно документам, «в среднем по 1,8 кв. м жилой площади. Неотъемлемым атрибутом спальных помещений любого общежития того времени были двухъярусные койки. При такой скученности говорить о санитарном состоянии общежитий даже не приходилось. Особенно плохим оно было в городской школе садоводов и в медшколе, где на двух койках, зачастую размещалось 3-4 человека. Потому-то в общежитии школы садоводов в одной комнате площадью 22 кв. м. комиссия зафиксировала проживание 35-ти человек. В большинстве общежитий не было каких-либо коммунальных удобств, кроме электрического освещения. Еще более удручающей была обстановка в районных общежитиях. Так, в Кош-Агачском районе в первую четверть 1953 учебного года функционировало, согласно документам, «шесть интернатов и три их филиала», в которых «содержалось, в общей сложности 420 детей». Все интернаты были, «очень переполнены». В силу этого, почти в каждом из них — дети спали по двое. Не было в них, естественно, и нормальных условий для подготовки и выполнения домашних заданий, поскольку в комнате, служившей спальней, некуда было даже «втиснуть стол». Почти в каждом интернате ощущалась острая нехватка оконного стекла, эмалированной посуды, умывальников, питьевых бачков, керосина, извести, одежды и обуви для учащихся. Особенно большую нужду во всем этом испытывали дети животноводов. Правда, средствами для закупки одежды и обуви интернаты располагали. Но приобрести все необходимое для своей «жизнедеятельности» они, в силу существовавших тогда правил «такой покупки, они не имели права» [8, л. 53]. Не могли они решить и проблему освещения учебных и жилых помещений, ибо в области совсем, а в крае — временами не было в продаже стекла. В силу этого, заниматься «дома» и готовить уроки дети могли только в дневное время. Негативной стороной нерешенности «световой проблемы» стало и «почти повсеместное (по свидетельству медиков) ухудшение зрения у детей».

Но, несмотря на многие недочеты, созданная в области достаточно разветвленная система интернатов продолжала функционировать. Многие трудности, переживаемые ею были порождены тем, что «эта сфера создавалась практически с нуля, причем в обстановке острой нехватки квалифицированных кадров и дефицита финансирования». Как явствует из документов, «за 1950-1951 учебный год по области из-за отсутствия одежды и обуви прекратили учебу 206 школьников, из-за необходимости работать дома — 17 школьников, а 167 детей школьного возраста ушли работать на промышленные предприятия, в колхозы» и совхозы области 167 [9, с. 131]. Учитывая нехватку средств для развития специальной сферы, руководство области неоднократно обращалось к правительству РСФСР с просьбой об оказании помощи. И надо сказать, Москва «шла» навстречу регионам. Так, в 1953 году, она выделила Горно-Алтайской автономной области 3,5 млн. рублей на строительство жилья, школ, интернатов и на благоустройство областного центра и населенных пунктов Горного Алтая.

Таким образом, первые послевоенные годы, без преувеличения, стали важным этапом в развитии системы детских учреждений Горно-Алтайской автономной области. Именно в те годы в социальной сфере были сделаны «ощутимые шаги по преодолению тяжелых последствий войны». Именно тогда заметно увеличились государственные ассигнования, направленные на развитие социальной инфраструктуры нашей автономии. Благодаря этому, уже в 1946-1947 учебном году на полное государственное обеспечение «были взяты 15 интернатов, содержание одного ребенка в которых обходилось примерно в 9000 рублей». И надо сказать, курс, взятый правительством «на наращивание государственных ассигнований в социальную сферу, был продолжен и в последующие годы. К примеру в 1949 году только на строительство пришкольных интернатов государство израсходовало около 6 млн. руб. Все это, бесспорно, содействовало развитию сети интернатов в области. Но, несмотря на принимаемые меры, их попрежнему не хватало, а те, которые функционировали — работали, увы, не должным образом. Правда, «многие упущения и изъяны» в

их работе («перенаселение, нарушения норм обеспечения одеждой, обувью, жилой площадью, отсутствие коммунальных услуг, не соблюдение норм питания, его калорийности — все это, нередко, носило «местнический характер». И это надо было устранять местным властям. Но было немало и такого, что требовало решения в «государственном масштабе». Особенно, это касалось «социальной сферы». К сожалению, многие ее вопросы решались в области «напоследок». Особенно это касалось проблем финансирования. Оно же в те годы, да и позднее, зачастую осуществлялось по «остаточному принципу» и, к тому же, «не в полной мере, а почти ежегодно лишь на 90-95%. Но, несмотря на это, и «другие социально-экономические трудности», сеть детских социальных учреждений в Горном Алтае росла, расширялась, их оснащение и обеспечение улучшалось. С каждым годом она все больше и больше наполнялась квалифицированными работниками.

Библиографический список

1. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 762. Оп. 3. Д. 106.
2. Государственный архив Республики Алтай (ГАРА). Ф. 33. Оп. 6. Д. 83. Л. 68.
3. ГААК. Ф. 500. Оп. 3. Д. 23.
4. Саруева, М.Ф. Горный Алтай за годы Советской власти // 40 лет Советскому Горному Алтаю. Горно-Алтайск, 1962.
5. Очерки истории Горно-Алтайской областной организации КПСС. Горно-Алтайск, 1971.
6. Букин, С.С. Жизненный уровень рабочей семьи в Сибири. Новосибирск, 1984.
7. ГАРА. Ф. 33. Оп. 8. Д. 215.
8. ГАРА. Ф.58. Оп.1. Д. 490.
9. Летов, А.В. К вопросу о социально-демографической ситуации в Горном Алтае первые послевоенные годы // История и культура народов Юго-Западной Сибири и сопредельных регионов. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2010.

Об авторе
Летов А.В. — кандидат исторических наук, доцент Горно-Алтайского государственного университета

Letov A.V.

The question of the development and operation of the child care system in the Gorno-Altai autonomous region in the postwar period (1946-1955gg.)

Abstract. In article on the basis of archival documents and close to the studied topic by the author of the scientific literature and individual memories of veterans seeks to highlight some points in the development of the child care system in the Gorno — Altai Autonomous region in 1946-1955.

Keywords: Gorno-Altai Autonomous oblast, children's institutions: creches, kindergartens, children's homes, orphanages

Статья поступила в редакцию 11.02.2017

УДК 902

Н. Н. Ложкина

Проблемы и перспективы социального развития Горно-Алтайской автономной области в 1965 — 1985 гг.

Горно-Алтайский государственный университет, г. Горно-Алтайск

Аннотация. В работе на основе опубликованных материалов и неопубликованных архивных данных рассмотрены проблемы и перспективы социального развития Горно-Алтайской автономной области в 1965 — 1985 гг. Отдельное внимание автор уделяет особому, точнее сложному, процессу реализации социальной политики региона.

Ключевые слова: Социальная инфраструктура, жилищно-коммунальное и бытовое обслуживание, доходы населения

Современные реформы в России во многом актуализируют обращение к историческому опыту преобразований, к путям и методам решения социальных проблем. Это дает возможность не только выявить эффективные подходы в социальной политике, динамику развития, но и избежать повторения ошибок прошлого.

Изучение истории социального развития в 1965 — 1985 гг. не исключение в этом плане — это период интенсивных социальных преобразований, курса на «повышение благосостояния советского народа». В качестве главного критерия социальной политики партия провозглашала заботу о человеке, основанной на принципе социальной справедливости и всеобщего равенства.

Для Горно-Алтайской автономной области процесс реализации социальной политики протекал в особых, а точнее — в очень сложных, условиях. Их сложность обусловливалась особыми природно-климатическими условиями региона, его отдаленностью, а также большой разбросанностью населенных пунктов, отсутствием качественного дорожно-транспортного сообщения меж ними и др. В этой связи, проблемы и перспективы социального развития Горного Алтая в вышеозначенный период можно выявить лишь, изучая жилищно-коммунальные, бытовые и социокультурные аспекты.

Жилищно-коммунальное обеспечение Горно-Алтайской автономной области в 1965—1985 гг. складывалось из особенностей увеличения жилого фонда (строительство жилья, предоставление квартир, увеличение общей полезной площади)[1, л. 39] и предоставления качественных коммунальных услуг (водоснабжение, тепло-и электрификация, газообеспечение) [2, л. 14].

Значимость коммунального хозяйства для благосостояния советских людей, по мнению ряда исследователей, заключалась в «нормальном» [3, с. 51] функционировании здоровой жилой среды, т.е. обеспечение государством качественных коммунальных услуг, что, например, для суровых природно-климатических условий многих регионов, а Горно-Алтайской автономной области в особенности, было не просто проявлением комфорта, а «важнейшим условием формирования системы жизнеобеспечения».

В целях повышения эффективности капитального строительства государство стремилось осуществлять ввод в действие новых мощностей, совершенствовать техническое оснащение действующих предприятий, обновлять механизацию и автоматизацию производства строительных материалов, повышать уровень индустриализации строительства. В этой связи во всевозрастающем объеме стало осуществляться государственное капитальное вложение в развитие жилищного строительства. Так, анализ архивных данных показал, что государственные капитальные вложения в жилищное строительство имели положительную динамику роста, которые с 1965 по 1985 г. увеличились в 6,5 раза. Ежегодно вводились в действие новые жилые дома в городе, рабочих поселках и сельской местности. Пик жилищного строительства в Горном Алтае приходился на 1970 — 1975 гг., в результате чего каждая пятая семья могла получить новую квартиру [4, с. 83].

Однако, развитие жилищно-коммунального хозяйства в 1965 — 1985 гг. протекало сложно и неоднозначно. При значительном увеличении жилого фонда и количества предоставляемой жилплощади населению области, качество коммунальных услуг оставляло желать лучшего. Тем не менее, в исследуемый период объем предоставляемых коммунальных услуг на душу населения в Горно-Алтайской автономной области качественно изменился.

Что же касается бытового обслуживания то, его роль для Горно-Алтайской автономной области, а особенно для ее горных районов с труднодоступными дорожно-транспортными условиями, была особенно велика. Это диктовалось и тем, что хозяйственная специализация области на отгонно-пастбищном животноводстве диктовала необходимость организации сети сезонно-обитаемых населенных пунктов, что в свою очередь вызывало необходимость получения различного вида бытовых услуг именно на местах приложения труда.

Особенность сельского расселения, большая рассредоточенность населенных пунктов и их малая населенность требовали многоуровневой организации всех отраслей бытового обслуживания [5, с. 97]. Повышение благосостояния советского народа провозглашалось главной задачей советского правительства. Новые перспективы открывались перед службой быта после XXIII съезда КПСС (29.03.-8.04.1966 г.), где планировалось «превратить службу быта в крупную механизированную отрасль народного хозяйства» [6, с. 112]. Таким образом, службой быта был взят курс на создание населению максимальных удобств в потреблении и исполнении услуг. Это означало повсеместное внедрение абонементного обслуживания, организацию приема заказов по почте и телефону, ремонт бытовой техники на дому и т.д. В результате этого на селе стали внедряться новые виды и формы обслуживания населения: ремонт цветных телевизоров, электронных часов, цветное фото, услуги проката личного характера — перебивка и изготовление валенок, вспашка огородов, изготовление печных труб, духовок, умывальников, сундуков и т.д.

Дальнейшее распространение получило абонементное обслуживание, одним из основных показателей которого являлось соответствие обслуживания индивидуальным запросам потребителей. Культура обслуживания являлась одной из сторон качества сервиса. Например, не просто ремонт радиоприемника, но и доставка его на дом, не просто побелка квартиры, но и уборка помещения после ремонта, т.е. обслуживание, когда люди удовлетворены не только самой услугой, но и тем, как она выполняется.

Одной из наиболее острых проблем в сфере бытового обслуживания являлась проблема кадров. Ни в одной отрасли народного хозяйства вопрос о кадрах не стоял так остро, как в службе быта. Повсеместно не хватало квалифицированных инженеров, техников, мастеров. Подготовка специалистов для данной сферы велась Барнаульским профтехучилищем, Горно-Алтайским технологическим техникумом и другими средними специальными учебными заведениями. Но они мало выпускали парикмахеров, фотографов, мастеров для фабрик химчистки и крашения одежды, обувщиков. В достаточной степени были обеспечены подготовленными кадрами лишь швейные и трикотажные мастерские, которые пополнялись выпускниками Горно-Алтайского технологического техникума. Кадровая проблема решалась путем централизованного распределения подготовленных в различных учебных заведениях специалистов [7, л. 16].

Слабая материальная база, нехватка квалифицированных кадров не позволяли в полной мере осуществлять качественное оказание услуг. Кроме того, хозяйственная специализация области на отгонно-пастбищном животноводстве диктовала необходимость организации сети сезонно-обитаемых населенных пунктов, что в свою очередь вызывало затруднения в получении различного рода услуг на местах приложения труда, т.е. стоянках. Кроме того, большая рассредоточенность сельских поселений, слабая материальная база дорожно-транспортной организации создавали дополнительные трудности в оказании бытовых услуг населению данного региона.

Что касается развития социокультурной инфраструктуры региона, то она претерпела существенные изменения в исследуемый период, и имела как положительные, так и отрицательные характеристики развития. Так, организация дней советской литературы, музыки, фестивалей искусств, безусловно, обогащала культурную жизнь населения Горно-Алтайской автономной области. Встречи с известными писателями и музыкантами, артистами и композиторами, проходившие не только в клубах и домах культуры, но и непосредственно на животноводческих стоянках, давали возможность осознать значимость своего труда. Но даже ставшие традиционными, они были лишь эпизодическим событием в социокультурном пространстве села. Основное «поле» этой деятельности принадлежало, прежде всего, областному и районным учреждениям культуры, но ни материальная база учреждений культуры, ни содержание их деятельности не могли в полной мере удовлетворить духовные запросы населения. Во многом эта деятельность была направлена на пассивное потребление культуры, ибо преобладающей в ней являлись такие формы работы, как концерты выступлений профессиональных или самодеятельных коллективов, демонстрация кинофильмов, организация танцевальных вечеров, чтение лекций.

Кроме того, многие мероприятия, проводимые культпросветучреждениями, будь это стационарный или передвижной характер работы, были

подчинены идеологическим мотивам. Как отмечает И.Ф. Медведев, именно с 1965-х годов. В агитационно-пропагандистской работе стало выделяться основное ее направление — политическая информация, которая вбирала в себя политико-воспитательные функции всех сфер жизнедеятельность каждого человека [8, с. 140].

Значительную роль приобрело кино и телевидение, которые, несмотря на большую информационную идеологизированность выполняло, прежде всего, культурно-просветительскую функцию. Благоприятной тенденцией было и увеличение числа посетителей библиотек, музыкальных школ, музеев, кино. В удовлетворении культурных потребностей важную роль играли и клубные учреждения.

Слабость материальной базы культпросветучреждений не позволяла использовать их полифункционально, обедняла содержание их деятельности, которая, в основном, сводилась к демонстрации фильмов и выступлениям коллективов художественной самодеятельности, т.е. преобладало «обслуживание», а не творчество, не активное участие в культуре в широком смысле этого слова, а пассивное потребление скудного ассортимента услуг. Многие работники культпросветучреждений уделяли внимание только количеству, а не качеству проводимых мероприятий.

Таким образом, характерной чертой социального развития населения Горно-Алтайской автономной области в 1965 — 1985 гг. явилось то, что именно в этот период советским правительством были сделаны крупные шаги в улучшении благосостояния граждан. В результате чего, во-первых, увеличились в 2,5 раза денежные доходы населения, которые, однако, не всегда можно было потрать на удовлетворение личных потребностей. Во-вторых, каждый гражданин обеспечивался комплексом бесплатных льгот и услуг, а именно: образованием, лечением, содержанием детей в детских учреждениях, бесплатным или частично оплачиваемым санаторно-курортным лечением и т.д. Учитывая специфику природно-климатических условий и географическую отдаленность, государством отпускались необходимые средства на улучшение социальной инфраструктуры региона.

Библиографический список

1. Комитет по делам архивов Республики Алтай (КПДА РА). Ф. 33. Оп.6. Д. 749; Ф. 63. Оп. 6. Д. 153; Ф. 362. Оп. 1. Д. 119.
2. КПДА РА. Ф. 63. Оп.6. Д. 26; Ф. 33. Оп. 6. Д. 374., Д. 455; Ф.1. Оп. 5. Д. 46.
3. Родин, Ю. Жилищное и культурно-бытовое строительство в СССР / Ю. Родин // Политическое самообразование. — 1981. — № 7. — С. 48-56.
4. Народное хозяйство Республики Алтай за 70 лет. Юбилейный статистический сборник. — Горно-Алтайск, 1992. – 158 с.
5. Малахов, О.А., Малькова, И.К. Территориальная организация бытового обслуживания населения Горно-Алтайской автономной области / О.А. Малахов, И.К. Малькова // Некоторые проблемы географии Горного Алтая. — Барнаул, 1975. — С. 97-100.
6. Бытовое обслуживание населения СССР // Политическое самообразование. — 1974. — № 12. — С. 112 — 118.
7. КПДА РА. Ф. 362. Оп.1. Д. 242.
8. Медведев, И.Ф. Социально-экономическое развитие села национальных образований Сибири (1960 — 1985 гг.) / И.Ф. Медведев. — Томск: Издательство ТГУ, 1994. — 220 с.

Об авторе

Ложкина Н.Н. — кандидат исторических наук, доцент Горно-Алтайского государственного университета

Lozhkina N. N.

Problems and the prospects of social development of the Gorno-Altaysk autonomous region in 1965—1985

Abstract. In work on the basis of the published materials and unpublished contemporary records problems and the prospects of social development of the Gorno-Altaysk autonomous region in 1965 — 1985 are considered. The author pays special attention special, more precisely difficult, to process of realization of social policy of the region.

Keywords: Social infrastructure, housing-and-municipal and consumer services, income of the population

Статья поступила в редакцию 21.01.2017

УДК 902

Р.В. Мезенцев

Русская Православная церковь и власть в 1917-1940 гг. (по материалам центральных и региональных архивов

Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет им. В.М. Шукшина

Аннотация. В статье, на основе опубликованных и архивных материалов, раскрыта ситуация, сложившаяся на Алтае, после Февральской буржуазной, а потом и Октябрьской революций 1917 года и установления здесь Советской власти, показаны также взаимоотношения Русской Православной церкви с Временным и Советским правительствами.

Ключевые слова: Февральская буржуазная революция и Временное правительство, Святейший Синод, Русская Православная Церковь, Октябрьская, социалистическая революция, Советская власть, Советское правительство, их взаимоотношения с Православной Церковью

Революция, неожиданно, негаданно свершившаяся для всех в России в феврале 1917 года, открыла неведомую доселе страницу в истории царской России. Главным ее событием, бесспорно, стало падение монархии, много столетий безраздельно господствовавшей в стране. В противодействие со случившимся почти сразу же вступила Русская Православная Церковь (РПЦ), которая почти все время, начиная с XYII столетия, всегда противостояла гегемонии самодержавия. В новой же ситуации она сразу пошла на контакт с новой властью — с Временным правительством. В сложившейся ситуации даже члены Святейшего Синода отказались тогда (26 февраля 1917 г. — Авт.) обратиться с воззванием к народу «чтобы он поддержал самодержавие». Более того, Синод даже опубликовал 6 марта «Свое послание», в котором призвал «верных чад Православной Церкви» поддержать Временное правительство.

«Оборотной» стороной Февральской революции стало «углубление внутрицерковного кризиса», порожденного «бунтарским 1905 годом», который продолжал «медленно тлеть все последующие годы. Тогда же — в революции 1905 года — основная часть православного духовенства, в том числе и епископата, проявила, как известно, «свое недовольство» политикой Святейшего Синода и потребовала от последнего «широких реформ». Однако в силу обстоятельств, добиться их проведения «клерикалам» тогда не удалось. Потому-то, когда пала «ненавистная монархия и было провозглашено «установление республиканского строя в стране», то все эти «новшества» повсеместно были встречены «симпатией и сочувствием». И Алтай, в этом плане, не стал исключением. К примеру, в Барнауле, как только было получено известие «об отречении Николая II от престола», то сразу же на Новобазарной площади «имел место многолюдный молебен», на котором священник, по словам очевидца, приветствовал «революцию» словами Апостола: «Братие, вы рождены для свободы». В полном соответствии с «революционным духом», охватившем страну, отреагировала на события в Петрограде и Барнаульская городская дума: в связи с происшедшей революцией, она приняла постановление «переименовать Новобазарную площадь, где состоялся «исторический молебен» в «площадь Свободы» (ныне — это площадь «имени Сахарова» — Авт).

Всколыхнула Февральская революция и население далекого от Петрограда Горного Алтая. Ошеломляющая народ весть «Об отречении царя» долетела до Улалы к вечеру 4 марта. «по неурочному звону колокола», — свидетельствовал очевидец, — «народ скопом повалил в церковь, где священник Павел Сорокин, прочтя манифест, стал затем пояснять, улалинцам, что «случившегося бояться не следует, а наоборот, этому надо только радоваться». После такого известия и его толкования иереем, «разволновавшийся было народ, успокоился, воодушевился, а к концу «сбора даже решился направить в адрес нового правительства свою искреннюю благодарность».

«Нечто невообразимое случилось,- по словам священника Владимира Токмашева в далеком в Кош-Агаче». По получении здесь известия «об отречении царя», собравшиеся там и тут в кучу люди, невообразимо шумали и кричали: «Царь, а царь,..где же твое самодержавие, где царство твое и где твоя могучая полиция кто же теперь будет доносить тебе о наших «проступках»? Мы ж сегодня ругаем тебя. Пусть донесут тебе, об этом твое духовенство и проклятые полицаи... Но мы теперь не боимся ни их ни тебя..». Потом, по словам Токмашева, начались выборы земляков в состав комитета «Спасения». Несмотря «на злословия и дебаты», кош-агачцы все же избрали на первых порах, «своего священника в вышеназванный комитет». Но в дальнейшем «поп Токмашев, как служитель старого режима» был выведен из состава комитета «Спасения».

Дух неожиданно обретенной «свободы» породил, и в центре, и на местах, о чем свидетельствуют документы, целый ряд антицерковных акций. В частности, на смену старым «законам» в жизнь пришли «новые правила — выборный порядок замещения всех духовных должностей, коллегиальное управление и другое. Была «демократизирована, в связи с этим, и «приходская жизнь». Неведомые «доселе новшества» захватили и центр, и окраины страны. «Их утверждению, в частности на Алтае, способствовали решения трех «православных съездов», прошедших весной 1917 года: в марте — в Бийске и дважды (в апреле и мае) в Барнауле».

Спонтанное сближение «духовенства и народа, демократизация управления духовными делами» на местах нашли тогда «полное понимание» и у Центра, т.е. у «обновленного Святейшего Синода». Он не только утвердил тогда право епархиальных съездов выбирать себе епископов, но и наделил 6 июля 1917 года приходы правом «быть самоуправляющейся основой демократической Церкви». Эти и другие «модернизации» церковной жизни» поддержал и Всероссийский Поместный Собор, начавший свою работу 15 августа 1917 года в Москве.

Набиравшее силу «обновление» Русской Православной Церкви являло собой вполне естественную реакцию православного духовенства и церковной общественности на бытовавшее при царизме «бесправное положение Церкви — ее полная зависимость от самодержавного государства». Используя теперь «завоевания Февральской революции», деятели РПЦ постарались, используя ее победу, «выправить не только положение Церкви, но и «обновить ее», т.е. «демократизировать» ее внутреннюю жизнь. Продолжать решение этой «глобальной» задачи, деятели РПЦ намерены были и после прихода большевиков (в октябре 1917 года) к власти. Это случилось потому, что последние поддержали «действия обновленцев». Однако надеждам церковных «реформаторов» не суждено было сбыться. Все точки над «i» расставил III Всероссийский съезд Советов, состоявшийся в Петрограде (10-13 января 1918 г.). Принятые им декреты («О свободе совести», Об отделении Церкви от государства» и др.) сразу же поделили российское общество на два противоположных лагеря: атеистов и верующих. Представители православной интеллигенции (экономист и теолог С.Н. Булгаков, живописец И.Д. Кузнецов, религиозный философ Е.Н.Тубецкой и др.) решительно выступили против этих «дискриминационных документов», предлагая «обновить только внутрицерковную жизнь», но не отделять церковь от государства.

Не было принято во внимание и обращение Патриарха Тихона (Белавина (Патриаршество, как известно, было восстановлено «определением Всероссийского Церковного Поместного Собора 14 ноября 1917 г. — Авт.). Но большевики, не взирая ни на что, продолжили свои репрессивные действия по отношению к Церкви. Кстати, ее «внутреннее обновление» они использовали как «инструмент» для борьбы с «Патриаршей Церковью». Порукой тому стали преследования «приверженцев Патриарха Тихона» и судебные процессы 1918 — 1919 гг. над ними.

Дискредитируя последних, власти (и в центре, и на местах) стали целенаправленно поддерживать противников «тихоновцев». Особенно зримо это стало проявляться после ареста 22 мая 1922 года Патриарха Тихона и создания после этого, органами ОГПУ «Живой Церкви», ставшей «ударной силой обновленческого движения». Благодаря поддержке государства, «обновленцам» удалось взять «власть в свои руки». Из 30 тыс. действовавших в то время в стране церквей две их трети они подчинили своему влиянию.

Внутрицерковное противостояние не обошло и Алтай, где формирование «обновленческого направления» началось осенью 1922 г. Проходило оно (как и в других районах страны) при поддержке органов государственной власти. К примеру, в Барнауле к сентябрю 1922 года сложилась «активная группа сторонников «Живой Церкви», которая была зарегистрирована губисполкомом 3 сентября. Ей пытались противостоять «тихоновцы», руководимые «благочинным церквей г. Барнаула Иннокентием Долининым». Но

действия последнего были признаны властями «противоправными», в силу чего, в декабре того же года он был арестован ими и «предан публичному суду».

В отличие от «тихоновцев», их противники, пользуясь покровительством властей «процветали». К началу 1923 года они образовали свою епархию, которую возглавил — сначала архиепископ Гавриил (Ландышев), а к концу года — архиепископ Александр (Введенский). Барнаульских «обновленцев» поддержала и «новая Сибирская митрополия».

Несколько иная картина просматривалась в этом плане в «Бийской зоне» Алтайской губернии. Здесь «обновленцы» натолкнулись «на весьма крепкое противодействие тихоновцев», которые объединились вокруг епископа Бийского Иннокентия (К. Соколова). Сибирская митрополия («Сибцерковь»), поддерживавшая барнаульских «живоцерковцев», приняла решение «отлучить епископа Иннокентия противника в связи с его преклонным возрастом». Однако семидесятипятилетний епископ отказался сдать свою кафедру, а, тем более, изменить свои «староцерковные взгляды». Столкнувшись с «упорством» Иннокентия, «обновленцы» обратились за помощью к местным властям. Последние, тут же отреагировали на «жалобу своих подопечных: «епископ Иннокентий был незамедлительно арестован и «этапирован в Москву».

Устранив «главного тихоновца, обновленцы «смирили вскорости» и его сторонников, создав, благодаря этому в Бийске Временный Церковный Совет. В сентябре 1925 года им было проведено епархиальное собрание духовенства и мирян, на котором было объявлено о «церковном перевороте, в связи с русской социальной революцией». Опираясь на ее «завоевания», «обновленцы» подчинили к 1928 году своему влиянию почти все церкви Бийска и 30 сельских приходов.

Но, несмотря на это, «староцерковники» нашли в себе силы, чтобы воспротивиться натиску «обновленцев». Особенно воспрянули они духом, когда на «помощь» им пришел сам «Патриарх», утвердив их «пастырем» епископа Никиту (Прибыткова). Разместив свою кафедру в Тихвинском монастыре (в пригороде Бийска — Авт.), последний твердо и настойчиво стал защищать «традиционное православие». Несмотря на противодействие властей, ему удалось-таки восстановить в регионе «староцерковническую епархию», которая просуществовала здесь до 1932 года. Однако это был последний успех не только «тихоновцев», но и РПЦ в целом. Ослабленная внутрицерковной борьбой, она оказалась не в состоянии противостоять дальнейшему административному и идеологическому давлению большевиков, их налоговому прессу. Разграбленная, потерявшая (в результате репрессий) большую часть своих священнослужителей и паствы, Русская Православная Церковь прекратила, по сути дела, к началу 40-х гг. XX в. свою деятельность. Однако окончательно искоренить православную веру воинствующему атеизму так и не удалось, ибо нельзя было уничтожить то, что складывалось веками и стало на протяжении многих столетий духовной силой российского общества.

Библиографический список

1. Поспеловский Д.В. Русская Православная Церковь в XX в. М., 1995. С.35.
2. Документы по истории церквей и религиозных объединений в Алтайском крае. Барнаул, 1999. С.7.
3. Демидов В.А. От Каракорума к автономии. Новосибирск, 1996. С. 20.
4. Там же.
5. Левитин А., Краснов А., Шавров В. Очерки по истории церковной смуты. М., 1996. С. 37.
6. Съезды, конференции, совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций Алтайской губернии (март 1917 — ноябрь 1918). Томск, 1992. С.9, 12-13, 18-19.
7. Русская Православная Церковь и право. М., 1999. С. 10-12.
8. Там же.
9. Глушкова С.М. Православная интеллигенция в условиях большевистского режима: попытка противостояния//Толерантность и власть: судьбы российской интеллигенции. Пермь, 2002. С.42.
10. Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917-1941 гг. Документы и фотоматериалы. М., 1996.
11. Там же. С.152-154.

11.Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрушеве. М., 1999.С.83.
12.Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф.138. Оп.1. Д.25. Л.35-46.
13.Там же. Л.259.
14.ГААК. ФР.10. Оп.4. Д.21. Л.160.
15.Мезенцев Р.В. Обновленческий церковный раскол 1922-1943 гг. на Алтае//Горный Алтай. Исторический сборник. Вып.6. Горно-Алтайск, 2002. С.30.
16.ГААК. Ф.138. Оп.1. Д.99. Л.5-6.
17.Мезенцев Р.В. Обновленческий церковный раскол 1922-1943 гг. на Алтае//Горный Алтай. Исторический сборник. Вып.6. Горно-Алтайск, 2002. С.30.
18.ГААК. Ф.138. Оп.1. Д.99 л.30.
19.ГААК. Ф.138. Оп.1. Д.140. Л.19-20.
20.Красный террор в годы гражданской войны (по материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков). Ред.-сост. Фельштинский. Лондон, 1992.

Об авторе
Мезенцев Р.В. – кандидат исторических наук, доцент Алтайского государственного гуманитарно-педагогического университета им. В.М. Шукшина

Mezentsev R.V.

The russian orthodox church and the authorities in 1917-1940 gg. (on materials of central and regional archives

Abstract. The article, based on published and archival materials, reveals the situation in the Altai Republic, after the February bourgeois, and then October revolutions of 1917 and the establishment here of the Soviet government, also shows the relationship of the Russian Orthodox Church with the Provisional and Soviet governments.

Keywords: The February revolution and the Provisional government, the Holy Synod, the Russian Orthodox Church, the October socialist revolution, the Soviet government, the Soviet government, their relationship with the Orthodox Church

Статья поступила в редакцию 11.01.2017

УДК 994

Н. Д. Ростов, М. А. Ширшов

Влияние революционных событий в Сибири 1905-1906 гг. на организацию и проведение эвакуации частей и соединений русской армии из Маньчжурии

Алтайский технический университет им. Ползунова, г. Барнаул;
Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул

Аннотация. В статье, на основе широкого круга источников, рассматриваются особенности эвакуации частей и соединений Маньчжурских армий с окончанием русско-японской войны 1904-1905 гг. к местам постоянной дислокации в условиях первой русской революции. Раскрывается роль полков IV-го Сибирского корпуса в установлении законной власти в Иркутске, Красноярске и Томске. Показывается значение частей корпуса в восстановлении упорядоченного передвижения воинских эшелонов и дисциплины среди запасных военнослужащих, направляющихся в Европейскую Россию.

Ключевые слова: Первая русская революция, демобилизация, места постоянной дислокации, Маньчжурская армия, IV-й Сибирский корпус, Сибирский военный округ, Сибирская железная дорога, выступления нижних чинов, военные гарнизоны, запасные военнослужащие

С завершением русско-японской войны 1904-1905 г.г. основной задачей Главного штаба русской армии являлась организация эвакуации из Маньчжурии воинских частей и соединений. Под началом Главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооружёнными силами, действующими против Японии генерал-адъютанта Н.П. Линевича и в составе трёх армий, находились I, IV, VIII, IX, X, XIII, XVI, XVII и XIX армейские корпуса, I-VII Сибирские корпуса и Сводный стрелковый корпус. К концу октября 1905 г. войска были сосредоточены в местах временной дислокации, между станциями Шуанченпу и Куачензы [1, с. 409]. Перевозку демобилизованных планировалось производить воинскими эшелонами по Китайско-Восточной, Забайкальской и Сибирской железным дорогам. Однако, революционные события 1905 — 1906 гг. оказали негативное влияние на организованное проведение эвакуации войск.

Революционное движение в Сибири в 1905 г. имело ряд особенностей. Во-первых, революционные события охватили огромную территорию, с малой долей городского населения. Во-вторых, русско-японская война поставила Сибирь в центр международных событий. В-третьих, города Сибири находились на большом расстоянии друг от друга и были связаны между собой только одной железнодорожной магистралью. Это значительно затрудняло быструю переброску войск для подавления революционных выступлений. В-четвёртых, в начале XX века в Сибири находилось большое количество политических ссыльных. По подсчётам командующего войсками Сибирского военного округа (СибВО) генерала Н.Н. Сухотина количество поднадзорных лиц на территории округа в 1905 г. составляло 5434 чел., для сравнения, в 1903 г. таких лиц было 3181 чел., в 1897 г. — 2432 чел [2, с. 228].

Военные гарнизоны сибирских городов, в большинстве своём, состояли из запасных военнослужащих, мобилизованных в европейской России. По социальному статусу, многие из них, особенно в железнодорожных батальонах, были выходцами из среды рабочих и технической интеллигенции. Эти военнослужащие до мобилизации уже были знакомы с революционными событиями и политическими течениями. По роду службы, совместно с железнодорожными рабочими, на протяжении длительного времени они выполняли задачи в составе небольших воинских подразделений на значительном удалении от мест постоянной дислокации. Это негативно сказывалась на уровне воинской дисциплины и правопо-

рядка в воинских коллективах. Этими обстоятельствами воспользовались многочисленные революционные агитаторы. Для ведения постоянной работы в воинских гарнизонах в комитетах социал-демократов создавались специальные военные организации. Под их непосредственным воздействием ряд стихийных выступлений военных переросли в организованное сопротивление командованию [3, с. 19].

В этих условиях большинство военнослужащих сибирских гарнизонов не могли стать опорой органов власти в наведении порядка в регионе. Войска некоторых гарнизонов приняли активное участие в революционном движении. В отдельных войсковых частях под влиянием агитаторов нижние чины стали предъявлять требования, в которых политические и экономические пожелания были перемешаны самым пёстрым образом: наряду с отменой смертной казни и введением всеобщих, равных и тайных голосований, требовалось улучшение сапог, продовольствия и увольнения запасных со службы [4, с. 93]. Наиболее восприимчивыми к политической агитации стали военнослужащие инженерных частей и железнодорожных батальонов, в составе которых было много служивших нижних чинов, мобилизованных из рабочих, а среди офицеров было много представителей технической интеллигенции. Переход войск на сторону противников государственной власти позволил в некоторых крупных городах Сибири различным комитетам, образованным из ссыльных революционеров, местной разночинной интеллигенции, рабочих и служащих железной дороги захватить власть. Там, где войска остались верными присяге, власть сохранилась в руках законного правительства. 20 октября 1905 г. в центре Томска на Ново-Соборной площади у здания театра Королёва произошло столкновение между монархистами и участниками митинга [5, с. 115]. Войска гарнизона не перешли на сторону революционеров и власть в городе сохранилась в руках губернатора. Тем не менее, в Томск был направлен 8-й Сибирский резервный батальон в количестве 2000 чел. В период с октября по декабрь 1905 г. до 700 военнослужащих этого батальона несли гарнизонную службу [6, с. 116, 117].

28 ноября 1905 г. в г. Иркутске состоялся митинг всех войск военного гарнизона, присутствовало около 3000 чел. [7, с. 290]. 29 ноября 1905 г. в 1-ом и 2-ом Сибирских запасных батальонах, казачьем дивизионе, учебной и конвойной команде гарнизона вспыхнуло вооружённое восстание, в результате которого были освобождены арестованные и выдвинуты незаконные требования к старшему воинскому начальнику [8, с. 233]. В Красноярске нижние чины 2-го железнодорожного батальона, сформированного в Могилёве, в сентябре 1905 г. в своём обращении в Красноярский комитет РСДРП выразили недовольство собственным положением: «Не будем говорить о том, сколько унижений и оскорблений приходится переносить нам; не будем говорить о том, что в лице солдата они не видят человека, способного чувствовать и понимать, как и все люди. Нет, начальство смотрит на нас, как на предмет, который можно безнаказанно грабить и эксплуатировать. Оно грабит те последние крохи, которые нам полагаются от правительства Романова, и нам часто приходится буквально голодать только потому, что начальству нужна экономия, которую они целиком кладут в свой карман. Но зато в приказах они кормят и обращаются с нами хорошо» [9, с. 140]. 8 декабря 1905 г. в Красноярске началась забастовка 2-го железнодорожного батальона, вызванная неудовлетворением требований, выставленных нижними чинами. Солдаты приняли следующее решение: батальон признает над собой только власть комитета рот во главе с прапорщиком Кузьминым [10, с. 7]. Совместно с городскими революционерами они захватили губернскую типографию, разоружили жандармов, полицию, арестовали коменданта станции и вступили в управление городом.

Активное участие в революционных событиях приняли и военнослужащие, возвратившиеся из плена. Так, на митинге социал-революционеров в Красноярске 17 декабря 1905 г. выступал вернувшийся из плена служивший в Порт-Артуре солдат [11, с. 4]. При невозможности взять власть силой, революционеры уходили в подполье, переходили к действиям методами террора и прокламаций. Так, в Томских губернских ведомостях сообщается о взрыве дома чиновника в городе Барнауле [12, с. 3] и об обнаружении в Томске типографии: «В городе обнаружена тайная типография. Найдено много противоправительственных изданий и значительный склад оружия» [13, с. 3].

Революционные события происходили так же на Забайкальской и Китайско-Восточной железных дорогах, на станциях Оловянная, Борзя, Маньчжурия, Верхнеудинск, Мысовая. Особенно активно развивалось революционное выступление в Чите, где весь гарнизон попал под влияние агитаторов и перешёл на сторону революционеров [14, с. 322]. Во многих городах официальные власти растерялись. Во Владивостоке комендант крепости генерал Г.Н. Казбек стал

пленником разнузданной солдатской и городской толпы. В Харбине начальник тыла генерал И.П. Надаров не принимал никаких мер против самоуправства комитетов. В Чите военный губернатор Забайкалья генерал И.В. Холщевников подчинился всецело комитетам, выдал оружие в распоряжение организуемой ими «народной самообороны», утверждал постановления солдатских митингов, передал революционерам всю телеграфно-почтовую службу [15, с. 222].

Нарастающая революция в 1905-1906 гг. охватывала всё большее число российских губерний. Во многих городах военные гарнизоны, под воздействием агитаторов, отказывались участвовать в подавлении беспорядков. Власть остро нуждалась в дополнительных воинских контингентах, не подверженных влиянию революционной агитации. Военный министр генерал А.Ф. Редигер писал: «Подавление беспорядков в стране затруднялось, главным образом, недостатком войск, которых с увольнением в конце года запасных стало ещё меньше. Поэтому скорейшее возвращение войсковых частей из Маньчжурии было крайне необходимо» [16, с. 97].

По решению Главного штаба эвакуацию войск из Маньчжурии предполагалось осуществить в составе воинских частей и соединений. Демобилизацию запасных военнослужащих произвести по прибытию в места постоянной дислокации. Была определена первая очередь эвакуации. Сначала отправлялись XIII-й армейский корпус, основная часть казачьих формирований, команды срочнослужащих, возвращённых в кадры частей, оставшиеся в Европейской России. После них эвакуировались IV-й Сибирский корпус, 12 Сибирских резервных батальонов и V, VI, VII-й Сибирские корпуса [17, с. 421]. IV-й Сибирский корпус входил в состав 1-й армии под командованием генерала А.Н. Куропаткина. 27 ноября 1905 г. в своём дневнике командующий армией так охарактеризовал состояние воинской дисциплины и морального духа сибиряков: «На днях генерал Линевич делал смотр IV-му Сибирскому корпусу... Вид людей хорош. Части твёрдые и пригодные для победы» [18, с. 59].

12 октября 1905 г. началась отправка эшелонов первых частей XIII-го армейского корпуса. 15 октября из-за забастовок служащих Забайкальской железной дороги перевозки были приостановлены. 21 октября забастовка была прекращена и движение воинских эшелонов начало восстанавливаться. Однако по причине нехватки и изношенности материальной части подвижного состава Забайкальская и Сибирская железные дороги оказались не готовы к массовой эвакуации войск. Сибирская железная дорога отказалась принимать более 3-х поездов в сутки [19, с. 423]. Следует отметить, что планы командования не соответствовали возможностям Сибирской железной дороги. Во время войны для обеспечения перевозки войск и грузов на театр боевых действий, с железных дорог Европейской России было взято свыше 2000 паровозов, 28000 вагонов и платформ, а так же все новые паровозы, поступавшие с заводов. Это привело к тому, что на станциях скопилось свыше 170 000 вагонов не вывезенных грузов. Поэтому с окончанием войны часть подвижного состава была изъята с Сибирской железной дороги [20, с. 3]. К тому же, как уже отмечалось, эксплуатация магистрали в течение войны на пределе возможности существенно подорвала её материальную базу. Запасы топлива, материалов были практически исчерпаны, а состава для их пополнения катастрофически не хватало. Возможности Сибирской железной дороги по приёму эшелонов с востока не превышали 4 пар воинских поездов сутки, считая в том числе людские, грузовые и санитарные [21, с. 428]. В то время как в конце войны пропускная способность доходила до 12 воинских поездов в сутки.

В то же время в частях маньчжурских армий, особенно в тыловых подразделениях, назревало недовольство складывающейся обстановкой. Поражение в войне привело к недовольству нижних чинов командным составом, который обвинялся во всех неудачах. Это расшатывало воинскую дисциплину, снижало уровень доверия к командирам. К тому же, после подписания мирного договора, вся армия была охвачена стремлением вернуться домой. Подобное настроение особенно характерно было для запасных нижних чинов. В тылу маньчжурских армий, в городе Харбине, к началу ноября 1905 г., скопилось около 35 тысяч запасных нижних чинов. Слабо дисциплинированные, они бунтовали и требовали скорейшей отправки домой. В это же время стало известно о произошедшем 30 октября 1905 г., с участием запасных, погроме во Владивостоке. Опасение, что следующий погром будет в Харбине, заставило Главнокомандующего генерала Н.П. Линевича изменить план перевозки и начать отправку запасных нижних чинов отдельно от строевых частей [22, с. 98].

В Харбине представители всевозможных политических течений, пользуясь общим беспорядком, вызванным большим скоплением запасных, развернули масштабную агитационную работу с прокламациями, митингами и газетными статьями. Революю-

ционеры сознательно обостряли отношения в воинских частях по линии солдат и офицеров, пытались расколоть воинские подразделения и посеять семена вражды. Так, в протоколе заседания стачечного комитета служащих Китайско-Восточной железной дороги от 26.11.1905 г. постановлено: «Жены и семьи офицеров и врачей, едущих в Россию, ехать с ними не могут. Предлагается офицерам и врачам, прибывшим на войну с жёнами и семьями, переждать забастовку; семьи нижних чинов пропускать обязательно» [23, с. 300]. 27 ноября 1905 г. главный начальник тыла Маньчжурской армии И.П. Надаров в письме А.Н. Куропаткину писал: «Вчера была сходка в мастерских Харбина, и были депутаты от I, II и III армий. Революционеры внушили представителям армий, что стачечники возят войска и даже будут возить большим числом поездов, но что начальство военное препятствует перевозкам и не пускает солдат к отправлению, а поэтому солдатам необходимо вырезать всё своё начальство, начиная с главнокомандующего и командующих армиями и кончая последним офицером» [24, с. 319].

Сложившаяся обстановка требовала от командования армии решимости, но оно, особенно в Харбине, практически не противодействовало агитаторам. По словам А.И. Деникина: «Воспитанные всей своей жизнью в исконных традициях самодержавного режима, многие начальники были оглушены свалившимся им на головы манифестом (Высочайший манифест об усовершенствовании государственного порядка от 17 октября 1905 г.), устанавливающим новые формы государственного строя, в которых они поначалу не разобрались» [25, с. 223]. Многие воинские начальники установить строгий уставной порядок в городе не пытались, разъяснение манифеста централизовано не проводилось. Каждый начальник по своему почину и разумению доводил солдатам смысл манифеста. Генерал А.Н. Куропаткин в своём дневнике от 29 ноября 1905 г. приводит такой пример: «Теперь ребята — говорил ротный (командир роты), — с вас берут с каждого рубль в год и вы, не можете спрашивать, куда идут эти деньги. После манифеста будут брать с каждого из вас по пяти рублей в год, но зато вы будите иметь право спрашивать: куда пойдут эти деньги» [26, с. 56]. Несмотря на то, что большинство протестов в Харбине носили спокойный характер и выражались в большинстве своём в отказе от строевых занятий и прошениях о скорейшей отправке в домой, имелось несколько случаев угрозы применения оружия запасными.

В целом политическая пропаганда в частях Маньчжурской армии успеха не имела. Лишь требования об улучшении материального положения нижних чинов и скорейшей отправке домой находили понимание и поддержку в солдатской среде. Призывы к государственному переустройству, созыву Учредительного собрания свободе слова и другие оставляли их равнодушными. Это хорошо видно на примере резолюции «Союза солдат и казаков» города Читы, выпущенной в конце ноября 1905 г. Из 18 её пунктов требований нет ни одного, который касался бы политических вопросов. Все требования состояли в улучшении материального положения нижних чинов, защите чести и личного достоинства от оскорблений чрезмерных дисциплинарных взысканий и тому подобного [27, с. 339-342]. Стоит отметить, что материальные трудности солдат хорошо понимали и в Петербурге. Военный министр генерал А.Ф. Редигер в начале октября 1905 г. предложил императору Николаю II меры по улучшению материального обеспечения солдат, которые были одобрены и 6 декабря 1905 г. начали претворяться в жизнь.

10 ноября 1905 г. Главнокомандующим генералом Н.П. Линевичем был отдан приказ, в котором объявлялась новая очередь эвакуации. Вследствие настойчивых просьб командующего войсками СибВО генерала Н.Н. Сухотина о скорейшем возвращении IV-го Сибирского корпуса и Сибирских резервных батальонов для смены дружин Государственного ополчения и поддержания порядка вдоль линии железной дороги, охваченной политическим брожением, и продолжавшихся беспорядков в Чите, в голове установленной очереди был поставлен IV-й Сибирский корпус, 1-я Сибирская пехотная дивизия и Сибирские резервные батальоны [28, с. 424-425]. Вслед за сибирскими воинскими формированиями намечено было отправить запасных, разделив их на три очереди: 1-я очередь — призванные из запаса до 1 сентября 1904 г.; 2-я очередь — призванные из запаса с сентября 1904 г. до марта 1905 г.; 3-я очередь — все остальные. После увольнения запасных приказом намечалось увольнение срочнослужащих 1900 и 1901 гг. К началу эвакуации в рядах армии стояло запасных всех трёх категорий — 458 700 чел., в Приамурском военном округе 63 491 чел. и в тылу армии 51 499 чел., итого 573 690 чел.; срочнослужащих 1900 и 1901 гг. — в армиях — 71 476 чел., в Приамурском военном округе 7 451 чел. и в тылу армий 16 020 чел., итого 91 911 чел. Всего подлежало увольнению в запас 668 601 чел. [29, с. 425].

15 ноября 1905 г. началась забастовка правительственного телеграфа, а с 24 ноября по 2 декабря 1905 г. прошла вторая железнодорож-

ная забастовка. Штаб Главнокомандующего оказался отрезанным от центральных органов власти Петербурга и командования СибВО. Генерал Н.П. Линевич лишился оперативных сведений о продвижении эшелонов с запасными по территории Западной Сибири. Между тем в Харбине начали скапливаться запасные, отправленные из Владивостока, Хабаровска и Никольско-Уссурийска. Ситуацию усугубили прибывающие из Японии пленные. Это были наиболее буйные, слабо дисциплинированные военнослужащие, скопление которых грозило погромами в городе. 22 ноября 1905 г. А.Н. Куропаткин в своем дневнике писал: «Сейчас уехал от меня адмирал Рождественский... Много рассказывал неутешительного про наших пленных в Японии. Их систематически делали анархистами. Японцы помогали. Были специальные чтения. Бог и Царь отвергнуты. Солдаты обратились в толпу лишённых дисциплины и порядка людей. Готовы для самого страшного бунта. Офицеры, по рассказам Рождественского, вели себя в очень многих случаях недостойным образом: пьянствовали, дрались, были случаи кражи друг у друга» [30, с. 57]. 20 ноября 1905 г. обер-офицер для поручений при управлении генерал-квартирмейстера подполковник В.А. Левандовский в рапорте генерал-квартирмейстеру при Главнокомандующем докладывал: «Он [Харбин] переполнен офицерами и нижними чинами, многие среди тех и других безобразно и беспробудно пьянствуют.... На вокзал, в рестораны и театр Харбина небезопасно ходить, потому что там всегда можно нарваться на крупную историю с нетрезвыми офицерами» [31, с. 308-309].

21 ноября 1905 г. Генерал А.Н. Куропаткин в секретном письме Н.П. Линевичу писал: «... г. Харбин в настоящее время представляет собой очаг заразы, и очень опасной, которая, если не будут приняты меры, распространиться на всю армию... Уже на станциях в районе расположения армии нижние чины начинают вести себя недисциплинированно: курят в присутствии офицеров, не отдают чести... Офицеры в Харбине пьянствуют, играют азартно в карты... Выходящие в Харбине без должной цензуры газеты подливают масло в костёр.» [32, с. 314]. В письме от 28 ноября 1905 г. А.Н. Куропаткин просил принять срочные меры по закрытию ханшинных заводов и прекратить продажу водки и спирта в Харбине [33, с. 321]. Тем не менее, как следует из следующего письма, водка и ханшин остались в продаже. Наиболее буйно и недисциплинированно вели себя запасные тыловых подразделений обеспечения и моряки. Генерал А.Н. Куропаткин писал в своём дневнике: «Команда собрана из служивших в транспортах, госпиталях, этапных пунктах. Требовали свечей, чтобы играть в карты и пьянствовать. На перекличке несколько человек упало, притворяясь пьяными, не хотели признавать начальниками 6 унтер-офицеров, к ним присланных для наблюдения за порядком, грубо относились к назначенному к ним офицеру» [34, с. 76]. Желая как можно скорее избавиться от этой взрывоопасной массы, из Харбина вместо 4-х эшелонов начали отправлять 6-7, а иногда и 8 [35, с. 430].

Обстановка на Сибирской железной дороге с каждым днём становилась всё тяжелее. В телеграмме командующего войсками СибВО генерала Н.Н. Сухотина от 17 ноября 1905 г. сообщалось, что XIII-й корпус, на который было возложено восстановление движения и охрана пути, оказался совершенно деморализованным. Состоя на девять десятых из запасных Московской губернии, целые эшелоны в некоторых пунктах переходили в явный бунт, отказывались высаживаться и требовали безостановочного движения на родину. Малочисленный кадр и начальство не в состоянии было водворить порядок. Генерал Н.Н. Сухотин просил скорейшей смены этого корпуса IV-м Сибирским корпусом или какими либо другими надёжными войсками [36, с. 461]. В каких условиях генералу Н.Н. Сухотину приходилось управлять СибВО, писал министр внутренних дел П.Н. Дурново: «...Единственным способом посылки служебных бумаг в его округе являются нарочные... К западу от Красноярска на всех станциях происходят публичные собрания противоправительственного характера. Управление дорог находятся в руках забастовочных комитетов, постановления которых строго исполняются, и согласно этим постановлениям не принимаются, например, шифрованные телеграммы и исключаются из расписаний скорые, почтовые и пассажирские поезда» [37, с. 336].

Эшелоны стали скапливаться на границе Забайкальской и Сибирской железных дорог, движение их перестало быть прогнозируемым, невозможно стало определить время прибытия на продовольственные пункты. Начальника эшелонов начали выдавать нижним чинам на руки порционные деньги, положенные приказом Главнокомандующего от 8 декабря 1905 г. № 2715 в размере 50 коп. в сутки. Этот кормовой оклад, установленный взамен прежде действующего в 25 коп., который никто из нижних чинов не думал брать на руки, давал возможность часть денег тратить на водку, тайная продажа которой процветала вдоль линии

железной дороги во всё время войны и эвакуации. Истратив выданные порционы, распущенные до невменяемости запасные солдаты принимались за продажу одежды и тёплых вещей [38, с. 432].

Погром во Владивостоке, выступления отдельных частей в Чите, Иркутске, Красноярске, буйство в Харбине сформировали у запасных чувство безнаказанности. Запасные самовольно прицепляли к своим поездам паровозы, сажали в них первых попавшихся машинистов, заставляли везти себя, не ожидая установленных разрешений; не позволяли останавливаться для набора воды, не допускали обгонять себя другим поездам, творили массу других самоуправств и, при малейшем противодействии, избивали до увечья агентов дороги и громили станции [39, с. 471]. На маленьких станциях служащие, по выражению одного из них, каждый день находились между жизнью и смертью. Нижние чины из проезжающих воинских эшелонов громили буфеты, отцепляли паровозы от проходящих поездов, а то и просто высаживали всех из вагонов и забирали весь состав. Они избивали машинистов и отстраняли от управления поездом, если те отказывались везти их дальше.» [40, с. 2].

Генерал Н.Н. Сухотин в телеграмме от 8 декабря 1905 г. на имя Начальника Главного штаба писал: «Штаб армии сделал всё возможное, чтобы движение эшелонов шло в трудно описываемом беспорядке. Для обеспечения передвижения выслан вперёд совсем деморализованный по составу корпус [XIII корпус, авт.], затем двинуты эшелоны одних матросов-запасных без всякого вооружённого конвоя, с начальниками, совершенно бездействующими, по графику и в числе поездов, которые не в силах принять Сибирская железная дорога, ввиду недавней продолжительной забастовки и совершенно нервного состояния рабочих сил. Эшелоны двигаются по графику, неизвестному для моего округа. Самовольно буйством добиваются на мелких станциях и разъездах пропуска вне очереди. Ежедневно получаю десятки жалоб агентов дороги, терпящих насилие, просьбы, но помочь ничем не могу. Только теперь, с приходом, совсем для меня неожиданным, Иркутского и Енисейского полков в Иркутск и сапёрного батальона в Омск, буду в состоянии установить караулы с полным боевым снаряжением для сопровождения каждого эшелона нештатных частей» [41, с. 431].

В процесс эвакуации активно вмешивалось и правительство страны, 6 января 1906 г. генерал Н.П. Линевич жаловался в письме А.Н. Куропаткину: «...Государь император требует, чтобы немедленно были отправлены без запасных 3-я и 37-я пехотные дивизии в Россию. Как видите, просто рвут из Петербурга, и не знаю, что делать. Они ещё добавляют, чтобы из названных дивизий запасных оставить в армии, образовать из них роты и уже по отправлению дивизий отправить запасных. Прямо ведут дело к тому, чтобы у нас явился мятеж» [42, с. 328].

Постоянные изменения в очереди частей на отправку приводили к нарушению порядка эвакуации. Так, по составленному плану перевозки IV-го Сибирского корпуса в голове всего корпуса уезжал со штабом командир корпуса [43, с. 324]. Такое построение эвакуации привело к тому, что в Чите отцепили от воинского поезда вагон с командиром корпуса генерал-лейтенантом М.Ю. Левестамом и начальником штаба корпуса генералом Ф.М. Вебелем. Только к 20 декабрю 1905 г. IV-й Сибирского корпус был полностью эвакуирован из Маньчжурии [44, с. 66, 68]. Несмотря на все трудности эвакуации, корпус сохранил высокий уровень дисциплины. Генерал А.Н. Миллер-Закомельский, посланный для подавления революционных выступлений на линии железной дороги от Москвы до Читы, в телеграмме на имя военного министра от 2 января 1906 г. сообщал: «Приятное исключение — эшелоны запасных IV-го Сибирского корпуса, едущие в полном порядке и вполне дисциплинированные» [45, с. 335]. В начале декабря 1905 г. первые эшелоны Иркутского и Енисейского сибирских пехотных полков корпуса начали прибывать в охваченный беспорядками Иркутск. Это позволило командующему войсками СибВО генералу Н.Н. Сухотину восстановить законную власть на территории округа, организовать караулы на станциях и подавить революционные выступления в городах. 31 декабря 1905 г. прибыл на ст. Обь и 12-й Барнаульский пехотный полк. 6 января 1906 г. Первые 1, 9 и 10-я роты были направлены в г. Барнаул [46. с. 185]. В середине января 1905 г. все полки IV-го Сибирского корпуса прибыли к местам постоянной дислокации.

В телеграмме на имя военного министра от 29 декабря 1905 г. генерал Н.Н. Сухотин сообщал: «Уже прибыли Иркутский, Енисейский полки в Иркутск, Тобольский и Омский двигаются по пути, Семипалатинский, Барнаульский и по сегодня полученному донесению пошли к Красноярску четыре эшелона Красноярского полка. С 23 декабря согласно извещения министра внутренних дел, в силу Высочайше оказанного мне доверия, я в силу Высочайшего указа об объявлении уездов на военном положении, а так же с прибытием доблестных сибирских полков с их главными начальниками, становлюсь хозяином положения дела. Уже только появление первых эшелонов Иркутс-

кого полка в Иркутске 2 декабря прервало вооружённый солдатский бунт запасного батальона, конвойной команды, двух сотен иркутских казаков, свергших своих начальников, а так же начальника гарнизона и избравших себе в начальника прапорщиков запаса... В прочих центрах к западу от Красноярска, собственно, анархии нет, кроме одного обстоятельства — совершенной бездеятельности Томского Управления железной дороги, благодаря тому, что там же находящийся центральный стачечный комитет и местные в разных участках его отделы действуют, совершенно игнорируя главное начальство дороги. На посланную мною депешу и указания местный вице-губернатор, исполняющий должность губернатора, ответил, что при наличных силах гарнизона он не может привести мои указания в исполнение. Должен признать его правым. Надеюсь, что через трипять дней туда прибудет Томский полк и тогда дело кончиться с другими пунктами» [47, с. 339-338].

Для подавления революционного движения в Красноярске и разгрома «Республики» были выделены два полка: Омский и Красноярский. Омский полк был высажен на станции Енисей и ночью, при лютом морозе, через реку по льду прошел в город [48, с. 11]. 28 декабря прибыли пять эшелонов красноярцев с генералом Лефстремом, который приступил к подавлению мятежа, окружив мастерские, в коих собрались железнодорожный батальон и вооруженные рабочие. Осада началась в 6 часов вечера 28 декабря 1905 г. и закончилась 3 января 1906 г. Военный отряд в составе трех батальонов Красноярского полка с четырьмя пулеметами, учебной команды 10-го Омского полка и двух сотен казаков окружил мастерские. После незначительной перестрелки окружённые сдались и были арестованы, потери осаждающих составили: убито 2 казака и 1 солдат, ранено 6 казаков и 2 солдата [49, с. 13].

В Томске, Новониколаевске и других городах Западной Сибири с прибытием полков IV-го Сибирского корпуса революционное движение быстро пошло на убыль. Генерал А.Н. Меллер-Закомельский в телеграмме на имя Государя от 31 января 1906 г. сообщал: «На Сибирской и Забайкальской дорогах до Читы восстановлен порядок; грузы, теплушки начали двигаться на восток. Паровозы отогреваются и исправляются, уголь подвозится. Революционные элементы дороги арестуются, увольняются, часть бежала. Дорога охраняется надёжными войсками IV-го Сибирского корпуса» [50, с. 343]. Движение поездов по Сибирской железной дороге начало постепенно налаживаться. К концу января 1906 г. Сибирская дорога могла принимать от Забайкальской 4 поезда в сутки, сверх того, 3 санитарных поезда в неделю [51, с. 434].

С подавлением революционного движения в Западной Сибири, служба IV-го Сибирского корпуса своему Отечеству не закончилась. Из полков корпуса для сопровождения эшелонов стали выделяться команды, на которые возлагалась обязанность поддерживать порядок среди запасных, направлявшихся в Европейскую Россию. На каждой станции из числа солдат этих команд выставлялся караул для поддержания порядка. Такой порядок сохранялся вплоть до решения Главнокомандующего генерала Н.П. Линевича об отправке эшелонов в сопровождении роты срочнослужащих из числа частей подлежащих возвращению в Европейскую Россию [52, с. 433].

Эвакуация запасных нижних чинов и строевых частей из Маньчжурии и Приамурья, начатая 2 октября 1905 г., была завершена 13 июня 1906 г. За 8,5 месяцев из Харбина, служившего узловым пунктом эвакуации, было отправлено на запад и на восток 1367 эшелонов, из них в Европейскую Россию 996 эшелонов, в Сибирский военный округ 182 эшелона, в Забайкалье 60 эшелонов, на восток 71 эшелон и, наконец, 58 эшелонов в пределах Манчжурии [53, с. 445].

Таблица 1.

Сведения о перевозках личного состава и имущества Маньчжурских армий в 1905 — 1906 гг.

Всего было отправлено	Офицеров	Нижних чинов	Лошадей	Орудий	Зарядных ящиков	Повозок	Двуколок	Грузов
В Европейскую Россию	15443	927484	34596	528	3296	6333	10474	479614
В Сибирский военный округ	1571	65233	5740	141	840	4552	1036	93815
В Забайкалье	1157	56928	24485	170	269	2080	222	219596
В Приамурский военный округ	1622	77231	52891	333	1399	2265	3174	263463
Итого	19793	1126876	117712	1172	5804	15230	14906	1056488

Таким образом, события первой русской революции 1905 — 1906 гг. оказали негативное влияние на выполнение планов Главного штаба русской армии по эвакуации войск из Маньчжурии. В условиях революционного кризиса, охватившего практически все сибирские города, сибиряки из состава маньчжурских армий остались верными присяге, воинскому долгу и приказам командования. Решительные меры по подавлению революционного движения в Сибири, предпринятые командующим войсками СибВО, с опорой на IV-й Сибирский корпус позволили в кратчайшие сроки восстановить законный порядок и обеспечить бесперебойную работу железной дороги по эвакуации войск с театра военных действий.

Библиографический список

1. Русско-японская война 1904-1905 г.г. Т. 6. Сыпингайский период. СПб., 1910.
2. Из записной книжки архивиста. Из истории борьбы с революцией 1905 г. // Красный Архив. Исторический журнал. — 1929. — Т. 2 (32). — С. 216-232.
3. *Шиловский М.В.* Общественно-политическое движение в Сибири во второй половине XIX — начале XX в. / М.В. Шиловский // Учебное пособие НГУ. — Новосибирск, 2013.
4. Записки А.Ф. Редигера о 1905 г. // Красный архив. Исторический журнал. — 1931. — Т. 2 (45). — С. 86-111.
5. *Чернов К.А.* Военный гарнизон г. Томска в 1904-1905 гг. / К.А. Чернов. // Сибирское общество в период социальных трансформаций XX в. — Томск: Изд-во ТГУ, 2007. — С. 112-118.
6. Там же.
7. Движение в войсках на Дальнем Востоке // Красный Архив. Исторический журнал. –1925. — Т. 4-5 (11-12). — С. 289-386.
8. Из записной книжки архивиста. Чистка комсостава царской армии в 1906 г. // Красный Архив. Исторический журнал. — 1932. — Т. 1-2 (50-51). — С. 145-176.
9. Быт солдат в царской казарме // Красный архив. Исторический журнал. — 1940. — Т.1(98). — С. 145-176.
10. *Мильштейн А.* К 35летию революции 1905 года // Историк-марксист. — 1940. — № 8(084). — С. 3-27.
11. Голос Сибири. 1905 25 дек.
12. Томские губернские ведомость. 1906. 4 янв.
13. Томские губернские ведомость. 1906. 11 янв.
14. Движение в войсках на Дальнем Востоке // Красный Архив. Исторический журнал. — 1925. — Т. 4-5 (11-12). — С. 289-386.
15. *Деникин А.И.* Путь русского офицера / А.И. Деникин. — Нью-Йорк, 1953.
16. Записки А.Ф. Редигера о 1905 г. // Красный архив. Исторический журнал. — 1931. — Т. 2 (45). — С. 86-111.
17. Русско-японская война 1904-1905 г.г. Т. 6. Сыпингайский период. — СПб., 1910. — 664 с.
18. Из дневника А.Н. Куропаткина // Красный Архив. Исторический журнал. — 1924. — Т. 7. — С. 55-69.
19. Русско-японская война 1904-1905 г.г. Т. 6. Сыпингайский период. — СПб., 1910. — 664 с.
20. Сибирское обозрение. 1906. 8 фев.
21. Русско-японская война 1904-1905 г.г. Т. 6. Сыпингайский период. — СПб., 1910. — 664 с.
22. Записки А.Ф. Редигера о 1905 г. // Красный архив. Исторический журнал. — 1931. — Т.2(45). — С. 86-111.
23. Движение в войсках на Дальнем Востоке // Красный Архив. Исторический журнал. — 1925. — Т. 4-5 (11-12). — С. 289-386.
24. Там же.
25. *Деникин А.И.* Путь русского офицера / А.И. Деникин. — Нью-Йорк, 1953.

26. Из дневника А.Н. Куропаткина // Красный Архив. Исторический журнал. — 1924. — Т. 7. — С. 55-69.
27. Движение в войсках на Дальнем Востоке // Красный Архив. Исторический журнал. — 1925. — Т. 4-5 (11-12). — С. 289-386.
28. Русско-японская война 1904-1905 г.г. Т. 6. Сыпингайский период. — СПб., 1910. — 664 с. 29.Там же.
30. Из дневника А.Н. Куропаткина // Красный Архив. Исторический журнал. — 1924. — Т. 7. — С. 55-69.
31. Движение в войсках на Дальнем Востоке // Красный Архив. Исторический журнал. — 1925. — Т. 4-5 (11-12). — С. 289-386.
32. Там же.
33. Там же.
34. Из дневника А.Н. Куропаткина // Красный Архив. Исторический жкрнал. — 1925. — Т.1 (8). — С. 70-100.
35. Русско-японская война 1904-1905 г.г. Т. 6. Сыпингайский период. — СПб., 1910. — 664 с.
36. Там же.
37. К истории карательных экспедиций в Сибири. // Красный Архив. Исторический журнал. — 1922. — Т.1. — С. 329-343.
38. Русско-японская война 1904-1905 г.г. Т. 6. Сыпингайский период. — СПб., 1910.– 664 с.
39. Там же.
40. Голос Сибири. 1905. 21 дек.
41. Русско-японская война 1904-1905 г.г. Т. 6. Сыпингайский период. — СПб., 1910. — 664 с.
42. Движение в войсках на Дальнем Востоке // Красный Архив. Исторический журнал. — 1925. — Т. 4-5 (11-12). — С. 289-386.
43. Там же.
44. Из дневника А.Н. Куропаткина // Красный Архив. Исторический журнал. — 1924. — Т. 7. — 55-69.
45. К истории карательных экспедиций в Сибири // Красный Архив. Исторический журнал. — 1922. — Т.1. — С. 329-343.
46. Ростов Н. Д. Земли Алтайской верные сыны. Из истории доблести и чести воинской сибирских полков. — Изд. 2-е, доп. и перераб. — Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2005. — 304 с. 47.К истории карательных экспедиций в Сибири // Красный Архив. Исторический журнал. — 1922. — Т.1. — С. 329-343.
48. Мильштейн А. К 35летию революции 1905 года // Историк-марксист. — 1940. — № 8(084). — С. 3-27.
49. Там же.
50. К истории карательных экспедиций в Сибири // Красный Архив. Исторический журнал. — 1922. — Т.1. — С. 329-343.
51. Русско-японская война 1904-1905 г.г Т. 6. Сыпингайский период. СПб., 1910. — 664 с.
52. Там же.
53. Там же.

Об авторах
Ростов Н. Д. – доктор исторических наук, профессор Алтайского технического университета им. Ползунова, г. Барнаул;
Ширшов М. А. – аспирант Алтайского государственного педагогического университета, г. Барнаул

Rostov N.D., Shirshov M.A.

Influence of revolutionary events of 1905-1906 in siberia to organize and conduct evacuation units and formations russian army from manchuria

Abstract. The article, based on a wide range of sources, the features of the evacuation units of the Manchurian army with the end of the Russo-Japanese war of 1904-1905 to the places of permanent deployment in the first Russian revolution. The role of the regiments of the fourth Siberian corps in establishing legitimate authority in the cities of Irkutsk, Krasnoyarsk, Tomsk. The importance of the housing parts in the restoration of an orderly movement of military echelons and discipline among the replacement troops, bound for European Russia.

Keywords: First Russian revolution, demobilization, places of permanent deployment, the Manchu army, with the IV Siberian corps, Siberian military district, the Siberian railway, the speech of the lower ranks, military garrisons, spare military personnel

Статья поступила в редакцию 15.12.2016

УДК 378.183.035.3(571.150)

В. А. Яровикова

Деятельность студенческих отрядов Алтайского края по внедрению прогрессивных форм и методов организации труда (1970 — 1980 гг.)

Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова, г. Барнаул

Аннотация. Механизм различных сторон деятельности студенческих отрядов наложил отпечаток на внедрение новых эффективных форм организации трудового семестра, в целях повышения качества выполняемых студентами работ. В статье на основе широкого круга источников показываются и анализируются такие формы и методы организации труда как бригадный подряд, движение за высокое качество выполняемых отрядами работ, экономию и бережливость.

Ключевые слова: студенческие отряды, трудовой семестр, эффективность, качество, Алтайский край

Расширение сферы и специфики деятельности студенческих отрядов Алтайского края в начале 1970-х гг., проявившееся в формировании отрядов нестроительного профиля, поставило на повестку дня вопрос «о внедрении прогрессивных приёмов и методов организации труда, о чем со всей определенностью говорилось на XXV съезде КПСС, состоявшемся в Москве (24 февраля- 5 марта 1976 г.), определивший новую — десятую пятилетку, — как пятилетку «эффективности и качества». Призыв партии нашёл естественный отклик и у советской молодёжи. Повышение эффективности и качества работы студенческих строительных отрядов (ССО) стало главным направлением их деятельности. Конкретные же мероприятия по совершенствованию организации труда были определены постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему улучшению организации летних работ студенческих отрядов», увидевшим свет в мае 1976 г. [4].Реагируя на него, Алтайский краевой штаб ССО призвал все студенческие отряды края «к поиску новых форм работы». Отвечая на него комитет комсомола Алтайского государственного медицинского института и штаб ССО разработали в мае 1976 г. Положение «О смотре — конкурсе «Студенческим объектам — комсомольский Знак качества». Спустя месяц, — июне 1976 г. — эта инициатива была одобрена Каменским горкомом КПСС. Участие в вышеназванном смотре — конкурсе потребовало составления во всех деталях продуманных планов — графиков производства работ и их своевременного и точного выполнения. Высокое качество строительства потребовало и создания системы повышения профессиональной квалификации бойцов ССО. И такая система была создана. Следуя ей, в Алтайском краевом студенческом отряде было организовано обучение бойцов ССО. Тогда в 1976 г. по его сокращённой программе прошли обучение строительным специальностям 1219 студентов, 280 из которых обрели специальность каменщика, 273 — штукатура, — 131 плотника, 182- бетонщика — 352 монтёра путейщика [1, оп. 30. д. 19. л. 67]. Если говорить о будущих врачах, то 300 студентов АГМИ получили к концу третьего трудового семестра 1976 г. удостоверения рабочих третьего и четвёртого разряда [5].

Разработка положения о присвоении строительным объектам студенческого Знака качества и внедрение этой инициативы в практику алтайскими студентами быстро завоевало популярность в стройотрядах страны. В 1978 г. этот почётный пятиугольник «красовался тогда на фасаде 1300 объектов, которые были сданы студентами в эксплуатацию с оценкой «отлично» [3, с. 20]. Среди них в Алтайском крае следует отметить одерновку насосной станции № 2, ливневый пропуск ПК 502, 24-х квартирный дом, нулевой цикл КПП базы механизации, нулевой цикл мойки базы механизации, нулевой цикл склада готовой продукции, насосная станция участка орошения «Кировский», технологический путь на станцию Тороданово, отделка 6-ти складов на элеваторе,

пожарный резервуар и другие объекты. [2, оп. 1. д. 87. л. 11].

В 1981 г. во всех студенческих отрядах Алтайского края развернулся активный поиск «резервов экономии и бережливого использования строительных материалов, повышения эффективности и качества выполняемых работ». Решению этой задачи во многом способствовало повсеместное внедрение лицевых счетов эффективности и качества. Согласно выписки из лицевого счёта краевого ССО «Алтай» в 1981 г. удалось сократить сроки строительства по сравнению с нормативными на 13%, снизить себестоимость строительно — монтажных работ на 110,5 тыс. руб. Если говорить об экономии строительных материалов, то она составила в тот год — 86,4 тыс. руб., а экономия от внедрения рационализаторских предложений — 58,2 тыс. руб.. Кстати, студенты сдали тогда 161 объект в эксплуатацию и под монтаж оборудования. Студенческий же Знак качества был присвоен 58 объектам [1, оп. 35. д. 194. л. 118].

Большое внимание в Алтайском крае уделялось тогда и внедрению бригадного подряда, на развитие которого в студенческих отрядах ориентировали ЦК ВЛКСМ и Центральный штаб ССО. После принятия постановления ЦК КПСС «О новой форме бригадного хозяйственного расчёта в строительстве», Центральный штаб студенческих строительных отрядов принял в декабре 1973 г. постановление «О внедрении новой формы бригадного хозяйственного расчёта в практику работы ССО». Утвердил он и методику перевода стройотрядов на новую форму бригадного хозяйственного расчёта, также рекомендовал он этот метод к широкому внедрению [7, оп. 3. д. 651. л. 48]. В 1977 г. по методу бригадного подряда во Всесоюзном студенческом отряде была организована работа уже 1233 линейных отрядов. В них соблюдалось главное требование — строить быстро, экономно, добротно, со значительным ростом производительности труда. Основным документом, регламентирующим взаимоотношения между отрядами и хозяйственными организациями, являлся хозрасчётный договор [6, с. 74].

Приобретённый опыт показал, что экономическая эффективность отрядов, работающих по методу бригадного подряда, была гораздо выше, чем обыкновенных. По данным производственного отчёта, Алтайским краевым студенческим отрядом было освоено в 1974 г. 18, 272 млн. руб. кап вложений. Средняя выработка на 1 человека составила 2550 руб. Два отряда (т.е. 105 чел.), работавших по методу бригадного подряда освоили 376,2 тыс. руб. капитальных вложений, средняя выработка на 1 человека составила 3600 руб. [1, оп. 30. д. 135. л. 39]. В 1981г. в Алтайском крае из 141 линейного ССО 55 работали по методу бригадного подряда. Средняя выработка одного члена отряда за весь период в этих коллективах превышала среднекраевой показатель на 176 рублей, а в 1982 г. эта цифра возросла до 341 рубля [1, оп. 42. д. 63. л. 9, 11]. В 1983 г. только в Каменском зональном ССО АГМИ на подряд было переведено 28 бригад. Благодаря этому, экономия материалов составила 26,4 тыс. руб., а выработка на одного члена отряда за весь период — 2785 руб. [2, оп. 1. д. 121. л. 34].

Мощным стимулом развития деятельности отрядов по повышению качества и эффективности трудового семестра служило и социалистическое соревнование, которое организовывалось как в подготовительный, так и рабочий периоды. Во всех учебных заведениях, формировавших два и более студотрядов, были разработаны условия соцсоревнования и приняты повышенные соцобязательства. Стоит отметить, что последние включали в себя как конкретные показатели по выполнению производственных планов, так и общественной работы, которых отряд планировал добиться в течение трудового семестра. К примеру, Алтайский краевой ССО взял в 1973 г. обязательство выполнить производственную программу трудсеместра на сумму 18 млн. руб., ввести 114 объектов в эксплуатацию, в 18 отрядах ввести бригадный хозрасчёт, а за рабочий период силами одного бойца освоить 2390 руб., отработать 49144 чел.-часов на воскресниках, заготовке кормов, прочитать в течение июля-августа силами своих лекторских групп 1600 лекций, поставить для тружеников края 900 концертов, открыть 45 консультпунктов, передать сельским библиотекам 10 тыс. книг, оборудовать в сельских школах 34 спецкабинета, построить 75 спортивных площадок, подготовить к учебному году 55 школ, реставрировать и возвести 30 памятников павшим в борьбе за социализм, создать 39 бюро добрых услуг, направить в сельские района 2 педотряда и сводный специализированный медотряд в количестве 73 чел., направить в составе студотрядов 300 подростков [1, оп. 30. д. 72. л. 39, 40].

При подведении итогов соцсоревнования учитывались также организационная работа, производственная деятельность (выполнение производственной программы, ввод объектов в эксплуатацию, качество выполненных работ, соблюдение правил техники безопасности, уровень организации работ и культура производства, качество строительства и экономия строительных

материалов), идейно-воспитательная и общественно-политическая работа.

Таким образом, в рассматриваемый исторический период приоритетным направлением деятельности студенческих отрядов Алтайского края стало совершенствование организации летнего труда студентов, внедрение бригадного подряда, социалистическое соревнование, инициативы за присвоение строительным объектам студенческого «Знака качества», движение за экономию и бережливость и другие прогрессивные формы и методы организации труда, способствовавшие повышению качества и экономической эффективности студенческого трудового семестра.

Библиографический список

1. Государственный архив Алтайского края (ГААК) ф. П. — 482.
2. ГоААК. П. — 482.
3. ГААК. Ф. П. — 9569.
4. Документы и материалы Всесоюзного слёта участников студенческих отрядов 25 — 26 апреля 1979 года. — М.: Молодая гвардия, 1979, 97с.
5. Известия. 1976. 1 июня.
6. Медик Алтая. 2 сентября. 1976.
7. Приступко В. А. Студенческие отряды: исторический опыт 1959- 1990 гг. — М.: Изд-во Моск. гум. ун-та, 2008. — 295с.
8. Российский государственный архив социально-политической истории (ГАСПИ). Ф. 17-м.

Об авторе

Яровикова В. А. — помощник ректора Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова, аспирант

Yarovikova V.A.

Up student teams Altai Territory introduction of progressive forms and methods of organization of labour (1970 — 1980).

Abstract. The mechanism of various aspects of activity of student's groups left a mark on introduction of new effective forms of the organization of a labor semester, for improvement of quality of the works performed by students. In article on the basis of a wide range of sources are shown and analyzed such techniques and methods of work organization as a brigade in succession, the movement for high quality units of work, saving and thrift.

Keywords: student's groups, labor semester, efficiency, quality, Altai territory

Статья поступила в редакцию 15.12.2016

ПРАВИТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ
БЮДЖЕТНОЕ НАУЧНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ
«НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ АЛТАИСТИКИ
ИМ. С.С. СУРАЗАКОВА»

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО № 1

Уважаемые коллеги!

Приглашаем Вас принять участие в межрегиональной научно-практической конференции: **«Национальный регион России в эпоху революционных преобразований и становления политической системы сталинизма. 1917-1939 гг. (на примере Ойротии – Горного Алтая)»**.

Сроки проведения конференции: **26-27 октября 2017 г.**

Место проведения: **г. Горно-Алтайск.**

На конференцию для обсуждения выносятся следующие научные проблемы:

- Проблемы методологии и источниковедения темы политических репрессий.
- Национальный регион в годы революции и гражданской войны.
- НЭП. Успехи, противоречия, проблемы.
- Особенности сталинской модернизации в национальном регионе.
- Повседневная жизнь сибиряков в 1920-1930-е годы
- Становление механизма политических репрессий (на примере регионов Сибири).
- Репрессии в отношении отдельных социальных групп населения: этапы, формы, масштабы.
- Судьбы репрессированных и их семей.
- Восстановление прав и увековечивание памяти жертв политических репрессий.

К участию в конференции приглашаются научные работники, преподаватели вузов, аспиранты, работники архивных учреждений, музеев, члены общественных организаций и другие заинтересованные лица.

Порядок оформления участия в конференции:

Срок подачи заявки и текста доклада (статьи) – до **11 сентября 2017 г.**

Заявку и текст статьи (отдельными файлами, с указанием фамилии) необходимо отправить на адрес электронной почты: altay_80politrepressiy@mail.ru

Сборник материалов конференции будет размещен в базе РИНЦ, для этого между издателем и автором/авторами заключается Авторский договор на условиях, указанных в авторском договоре-оферте.

Правила оформления текстов:

Текст доклада должен быть оформлен в виде научной статьи (объемом до 10 стр.). Параметры текстового редактора – Word (doc); шрифт Times New Roman, 12 кегль; поля: верхнее и нижнее – 2 см, левое – 3 см, правое – 1,5 см; без переносов; межстрочный интервал – 1,5; выравнивание – по ширине, абзацный отступ – 1,25 см.

Оформление заголовка: 1-ая строка – ФИО, 12 кегль, полужирный, выравнивание по правому краю, 2-ая строка – название доклада, 12 кегль, прописные, выравнивание по центру; 3-я пустая; 4-я строка – аннотация, ключевые слова (на русском и английском языках) – от 250 до 500 знаков с пробелами.

Ссылки в тексте оформляются в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника и цитированной страницы. Например: [1, с. 88]. Список литературы дается по алфавиту. Специальные шрифты, использованные в тексте, высылаются вместе со статьей отдельным файлом.

Не использовать автоматическую расстановку сносок для списка использованной литературы (допустимо только для примечаний по тексту).

Присвоение статье индекса УДК обязательно. УДК можно найти на сайте: http://teacode.com/online/udc.

Наличие знака копирайта © с указанием автора (авторов) и года в конце статьи, обязательно.

Образец оформления статьи:

УДК 355/359

З.В. Жильцова

К ВОПРОСУ О ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЯХ В ГОРНОМ АЛТАЕ

Аннотация:
Ключевые слова:
Abstract:
Keywords:

Текст. Текст. Текст

Источники и литература

1.Безруков Г.Н. История политических репрессий в Алтайском крае (1919-1965 гг.) // Политические репрессии в Алтайском крае. 1919-1965 гг. / Отв. ред. Г.Н. Безруков. – Барнаул: ОАО «Алтайский полиграфический комбинат», 2005. – С. 53-55.
2.Гимпельсон Е.Г. Формирование советской политической системы: 1917-1923 гг. – М.: Наука, 1995. – 232 с.
3. Земсков В.Н. Спецпоселенцы (по документации НКВД – МВД СССР) [Электронный ресурс] htpp:// www.ecsocman.edu.ru /images/pubs/2006/05/1/2/0000276942/1_Zemskov.pdf (дата обращения 10.05.2015).
4. Киселева Е.Л. Чистка государственного аппарата 1929-1932 гг. // Российская история. –2009. – № 1. – С. 96-110.
5.ГА РФ. Ф. 374. Оп. 3578. Д. 15. Л. 19-48.

© З.В. Жильцова, 2017

Оплата проезда и проживания осуществляется за счет участников конференции. Оргкомитет может помочь в бронировании мест в гостинице. Докладчикам предоставляется мультимедийный проектор.
Приглашения на конференцию будут направлены не позднее **2 октября 2017 г.**

Порядок работы конференции:
25 октября – заезд участников конференции
26 октября – работа конференции
27 октября – возложение цветов к памятнику жертв политических репрессий. Посещение выставки «Возвращение имен», посвященной памяти жертв политических репрессий, в Национальном музее им. А.В. Анохина.
28 октября – отъезд участников конференции.
По всем вопросам, касающимся конференции, просим обращаться в Оргкомитет по адресу:
649000, Республика Алтай, г. Горно-Алтайск, ул. Социалистическая, 6.
E-mail: altay_80politrepressiy@mail.ru
Тел./факс: 8 (38822)25304.
Сведения о конференции размещены на сайте НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова: **www.niialt.ru**
Координатор конференции: Эшматова Гульнара Бахтияровна, и.о. руководителя научно-исследовательской группы истории НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова. Тел. сот.:+7 913 998 80 44.
Ответственный секретарь: Каташев Максим Степанович, старший научный сотрудник научно-исследовательской группы истории НИИ алтаистики им. С.С. Суразакова. Тел. сот.: +7 913 693 73 41.

Заявка
для участия в межрегиональной научно-практической конференции «Национальный регион России в эпоху революционных преобразований и становления политической системы сталинизма. 1917-1939 гг.
(на примере Ойротии – Горного Алтая)»

ФИО (полностью):
Ученая степень, ученое звание:
Должность:
Место работы (полное и сокращенное название):
Название доклада:
Почтовый адрес, индекс:
E-mail:
Контактный телефон:
Паспортные данные (для бронирования гостиницы): серия, номер, выдан (кем и когда)
Форма участия: очная/заочная

ТРЕБОВАНИЯ ДЛЯ АВТОРОВ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЬИ В ЖУРНАЛЕ «МИР ЕВРАЗИИ»

Авторы представляют статьи на русском языке объемом от 0,5 до 1 авторского листа (20-40 тыс. знаков). Объем сообщений, рецензий, заметок не должен превышать 0,2 авторского листа (8 тыс. знаков).

Рукопись должна быть отредактирована, сопровождена рецензией доктора (кандидата) исторических наук. Редакция оставляет за собой право вносить редакторскую правку и отклонять статьи в случае получения на них отрицательной экспертной оценки.

Статья представляется набранной в редакторе MS WORD. Формат листа А4, шрифт 12 пт. (Times New Roman), межстрочный интервал — 1,5; отступ от сторон листа 2,5 см и оформляется следующим образом:

1. УДК;
2. Ф. И. О. автора (авторов), название статьи строчными буквами
3. Аннотация на русском языке (до 300 знаков)
4. Ключевые слова (на русском языке)
5. Ф. И. О. автора (авторов), название статьи строчными буквами на английском языке
6. Аннотация на английском языке (до 300 знаков)
7. Ключевые слова (на английском языке)

- Примечания к тексту оформляются в виде постраничных сносок и имеют сквозную нумерацию.
- Все таблицы и рисунки (черно-белые) должны быть встроены в текст статьи.
- Библиографический список (в порядке цитирования) оформлять по ГОСТ 7.1.2004. Библиографические ссылки в тексте статьи оформляются квадратными скобками. Например, [1, с. 25-27].
- В конце статьи указывается фамилия, имя, отчество автора(ов) полностью, ученое звание, должность, полное наименование вуза и его адрес, дата тправки статьи в редакцию.

Статья **вместе с заявкой и рецензией**, должна быть выслана почтой на адрес редакции или электронной почтой по адресу (E-mail: mns@gasu. ru. Файлы необходимо именовать согласно фамилии первого автора, например «Завьялов, Самара». Нельзя в одном файле помещать несколько статей. В разделе «Тема» указывать «В редакцию журнала». За ошибки и неточности научного и фактического характера ответственность несет автор (авторы) статьи. Поступившие в редакцию материалы возврату не подлежат.

После экспертизы статья может быть отклонена, послана автору на доработку или рекомендована к публикации.

Материалы, не соответствующие данным требованиям, к публикации приниматься не будут.
Статьи аспирантов публикуются бесплатно.

МАТЕРИАЛЫ И РЕЦЕНЗИИ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ: **649000, г. Горно-Алтайск, ул. Ленкина, 1 Университет, Редакция международного журнала «Мир Евразии» Главному редактору.**

Контактные телефоны: **8 (388-22) 2-62-33, 2-68-15.** Факс: **8 (388-22) 2-67-35. E-mail: mns@gasu. ru**

Образец оформления статьи

УДК 902
Д. И. Сидоренко

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ НА АЛТАЕ В 1920-1923 ГГ.

Аннотация: В статье на основе впервые вводимых в научный оборот документальных источников анализируется конфессиональная политика Советской власти на Алтае в 1920-1930 гг. ».

Ключевые слова: революция, церковь, декрет, реквизиция, религиозные организации, репрессия, коллегия юстиции, ликвидационная комиссия.

ТЕКСТ СТАТЬИ: ...Претворение в жизнь нормативных актов Советской власти...

Библиографический список
1. Будегечиева, Т. Б. Горловое пение в системе народной культуры тувинцев / Т. Б. Будегечиева // Мелодии «Хоомея»/ Материалы I Международного симпозиума «Хоомей-92». — Кызыл: Изд-во КГУ, 1994.
....

Sidorenko D. I.

Abstract: Realization the decree SNK «About separating of church from State and of school from church» on the Altay (1917-1921)

In the article, on the basis of documentary sources for the first tame introduced into scientific turn the religious policy of Soviet power on the Altay in1920-1930years.

***Key words*:** revolution, church, decree, requisition, religious organizations, repression, board of justice, liquidation commission.

Сидоренко Дора Абрамовна — магистрант Горно-Алтайского государственного университета. 649000, г. Горно-Алтайск, ул. Ленкина, 1

25.05.2014